

ГРИГОРИЙ ГОНЧАРУК

Афганистан, ПРОСТИ

ГРИГОРИЙ ГОНЧАРУК

**Афганистан,
ПРОСТИ**

Исследование пережитого

ББК 63.3(2)7
Г658

Гончарук Г. И.

Г658 Афганистан, прости.— Москва—Одесса: Издательство «Реклама» Акционерного общества «Союзреклама», Одесское межобластное рекламное агентство, 1992.— 264 с, 8 л. ил.

В книге предпринята первая попытка отразить вопиющее противоречие между пропагандой и сущностью советской гуманитарной помощи Афганистану, оккупационный характер деятельности специалистов из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Душанбе, Киева, Одессы, Ростова-на-Дону и других городов бывшего СССР, острые конфликты как между афганскими и советскими коллективами, так и внутри последних, приоткрыть теневые стороны имперской работы советников, дипломатических работников и партработников на многострадальной афганской земле. Книга адресуетя массовому читателю.

Рецензент В. Г. Ковтун

Редактор И. С. Мазько

Художественное оформление В. А. Соловьева

Гончарук Григорий Иванович родился в 1937 году в селе Новогеоргиевка Ананьевского района Одесской области. Окончил Васильковское военное авиационно-техническое училище, служил в Качинском высшем военном авиационном училище летчиков. Окончил исторический факультет Одесского государственного факультета. 22 года работает в Одесском политехническом институте. Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и социологии. Имеет двух сыновей, жена – учитель математики.

В 1987-1988 учебном году работал советником ректора Кабульского университета, консультантом Института общественных наук ЦК НДПА.

Автор глубокого признателен поэту И.Ф. Драчу, академику В.П. Малахову, редактору газеты «Юг» Ю.М. Мазуру, профессору Л.Н. Курчикову, доцентам А.Е. Ильяш, В.В. Козленко, Ф.В. Макордею, спонсорам Г.Ф. Салдину и А.Ф. Салдину за помощь в опубликовании книги.

ТРИ ЗАЯВЛЕНИЯ ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

9 апреля 1989 года. Воскресенье. Утром «Радио Свобода» сообщило: министр иностранных дел переходного правительства Афганистана Гульбеддин Хекматияр, находясь в Бангладеш, заявил, что новое наступление моджахедов на Джелалабад может начаться сегодня.

Выключив приемник, я пошел на автобусную станцию Нового рынка, чтобы отправиться на свою «фазенду». Так одесситы окрестили садово-огородные участки после просмотра бразильского фильма «Рабыня Изаура». В переполненном автобусе, где люди в перемешку с ведрами, лопатами, саженцами, рейками, досками и прочими нуждами обустройства земли и жилуголка, и в пешем пути мимо села Визирка, и во время многообразной работы на участке, и по дороге домой я пытался усомниться в достоверности, искал аргументы для опровержения угрозы одного из лидеров пешаварской семерки. Тщетно. Цели моджахедов, их состоявшаяся передышка, погодный фактор (чем меньше снега в горах, тем активнее военная оппозиция), уход советских войск, активизация военных кругов США – все свидетельствовало в пользу заявления бывшего студента Кабульского университета Хекматияра.

О нем я наслышался от тех, кто знал Гульбеддина - сотрудников Кабульского университета. Теолог и политик, он даже среди сторонников правительства Наджибуллы удостоен лестных слов. Да, глава афганских фундаменталистов, предводитель партии «Афганский исламский союз», видимо, знает цену своим словам. Или желает прихвастнуть знанием высших военных тайн? Или психологически давит на колеблющихся? А может на Наджибуллу? Напрасно. Мне приходилось несколько раз встречаться с президентом Афганистана. Последний - в его рабочем кабинете. Впечатление осталось, как написали бы в характеристике, положительное. Пуштунское племя ахмадзаев, несомненно, должно гордиться им. Если не теперь, то в будущем, когда придет к племени осознание своего места в истории многострадальной отчизны. Наджибулла - сильная личность. Одно из проявлений этого - стремительное развитие политического сознания. Официальный автор политики национального примирения, не желавший поступиться во имя этого своим постом, Наджибулла неустанно готовился к схватке «один на один» с военной оппозицией, а также с возможным предательством в своем стане. Накануне вывода войск создал президентскую гвардию. Вместе с хадовцами (так ранее называли войска госбезопасности), во главе которых был Наджиб (первое его официальное имя), они призваны умереть вместе с ним или победить.

Национальная политика - весьма удачная политическая платформа. Она принесла не только международный авторитет ее автору, но и явилась фактором перехода нескольких тысяч бойцов из войск оппозиции на сторону президента.

Он противник мракобесия, но уважает ислам, сторонник прогрессивных преобразований. Закономерно ли, случайно ли Наджибулла породнился с Апрельской (Саурской) революцией? Она принесла ему известность. Никакое другое явление столько ему не даст. Спустя два месяца после вывода советских войск, Наджибулла в беседе с корреспондентом «Известий» В. Севруком сказал: «Афганский народ выстрадал свое право на достойную цивилизованную жизнь, выстрадал Апрельскую революцию. Горько лишь, что слишком велика мера его страданий. Но это не перечеркивает глубинный исторический смысл Апрельской революции, как не перечеркивает величие жертв советского народа, который дорогой ценой платил за наши ошибки...».

Президент сказал об афганских ошибках. Он и обстоятельства еще не созрели, чтобы назвать ошибки иноземцев, умножившие жертвы революции. Однако, спустя несколько дней после этого интервью, между строк его рассказа корреспонденту «Правды» Б. Прядышеву советские читатели могли прочесть, что президент видит трагичность, мягко

говоря, внешних факторов для народа Афганистана. Пока это делается сдержанно, весьма дипломатично: «Сотни и тысячи советских друзей стремились сделать все от них зависящее, оказывая бескорыстную помощь своим афганским коллегам. Случалось, они брали на себя и исполнение того, что следовало бы делать самим афганцам! Разумеется, в таком большом деле не обходилось и без ошибок. Уровень компетенции советников также не всегда отвечал требованиям обстановки. Жизнь заставила нас на определенном этапе по-другому подойти к вопросу о количестве советских специалистов и советников для работы в Афганистане. Сейчас оно значительно сократилось...»¹.

Наджибулла говорил с особым знанием предмета. Фактов для таких, умозаключений было предостаточно. Завуалировано, иносказательно, но по существу Наджибулла выразил то, о чем я опасался сказать в свое время своим и афганцам, но верил, что рано или поздно осознаем все это, ибо в нем спасение не только афганцев, но и его, и мое. А правда в том, что наша, так называемая, помощь в конечном счете ведет к ослаблению прогрессивных сил, к их перерождению и вырождению. Намерение Наджибуллы сократить число наших специалистов свидетельствовало о материализации моих надежд. Это уже кое-что.

Я поймал себя на том, что мои чаяния во многом зависят от победы сторонников Наджибуллы. Значит не удержаться от пристрастия при написании книги? Как трудно быть объективным. Сознание и эмоции в противоречии.

Однако, следует быть готовым к тому, что по мере осмысления пережитого и увиденного родятся новые выводы, возможно, исключаяющие первые. У исследователя должно быть нормальное состояние: идти вслед за документами, даже если разрушаются прежние представления о предмете. Высшая нравственная мера - освещение истины, а не в эгоистических чаяниях. Именно попытка сохранить рациональное мышление снова привела к сопоставлению противоположных заявлений.

Сравнивая частые интервью Гульбедина и Наджибуллы, этих двух воспитанников Кабульского университета, я, как ни странно, убеждался в их правоте. Разве может быть такое? Как версия может. Как научная и политическая гипотеза тоже имеет место быть. А в жизни...?

Чтобы отвлечься от тягостного медленного приближения телевизионной информационной программы «Время», я после ванны и позднего обеда принялся просматривать воскресную почту. Сверх кипы газет лежало заказное «Уведомление о вручении почтового отправления» по адресу Москва, Старая площадь, 4. ЦК КПСС тов. Пуго Б. К.». Ниже черный оттиск штампа «Сдано в экспедицию ЦК КПСС». Дата 3/4 и неразборчивая подпись.

«Уведомление» отвлекло меня от заявления Хекматияра. Однако вернуло к мыслям о Кабульском университете. На миг представил аппаратного работника Комитета партийного контроля. Он, перелистывая мое заявление, пытался определить главное звено, ухватившись за которое, по словам В. И. Ленина, можно вытащить всю цепь. Но можно и спрятать, похоронить всю цепь, или проще: размахнуться и ударить этой цепью неугодного автора, или еще проще - одеть цепь на руки заявителю. Я почти наизусть знал текст своего заявления. Дважды переписывал, дважды перепечатывал. Выдержать бы форму. Ведь форма активно влияет на содержание. А у формалистов она имеет решающее значение. Они используют ее для сокрытия убожества содержания или отвлечения читателя от сущности происходящего. Порой достаточно одной формальной задоринки, чтобы выдать ее за главное звено цепи.

В первом абзаце говорилось: «Прошу простить меня, уважаемый Борис Карлович, что отвлекаю Вас от важных партийных дел. Ранее не обращался в столь высокие партийные инстанции. Решился на это после того, как потерял надежду на понимание проблемы в Министерстве иностранных дел СССР и Государственном комитете СССР по народному

¹ См.: «Правда», 28 ноября 1989 г.

Печему ты явился с оружием к нам,
здесь впервые услышавший слово
«ислам»?
Что ты дашь нашей родине -
нищей, босой,
если в собственной -
очередь за колбасой?
Разве мало убитых вам,-
чтобы понять
к двадцати миллионам еще прибавлять?»
Русский парень лежит на афганской
земле.
Муравей-мусульманин ползет
по скуле,
и о том, как его бы поднять,
воскресить,
муравьев православных он хочет
спросить,
но на северной родине сирот и вдов,
маловато осталось таких муравьев.

Нынешний год - последний для афганских насекомых, питавшихся трупами советских парней. Однако, как свидетельствует телекамера, афганские насекомые уже начали перестраиваться на своих соотечественников, число трупов которых возрастает.

Информационная программа «Время» принесла то, что я с тревогой ждал, и сообщила о том, чего не ждал сегодня, но с опасением предполагал: перестройка в нашей стране умылась кровью. Ранним утром возле Дома правительства в Тбилиси погибли при столкновении демонстрантов с милицией и войсками 16 человек. Тревога об Афганистане дополнилась тревогой о судьбе перестройки. Воистину справедливы утверждения основоположников научного мировоззрения: не может быть свободным народ, угнетающий другой народ. Сумеет ли мы, наконец, это мировоззрение понять? Исповедуем давно, но не для себя, а для других: хотим казаться передовыми.

10 и 11 апреля по этой же телепрограмме показывали жертвы афганской войны и танки на улицах грузинской столицы. Среди десантников, участвующих в тбилисском побоище, я заметил лица очень похожие на тех солдат Витебской воздушно-десантной дивизии, что отличились в Афганистане. Они также охраняли советских специалистов в Кабуле. Мимо объектива телекамеры смотрел русский парень, очень напомилавший того, с кем я многократно беседовал. Помнится, как он показывал на кучу собранных им камней, которыми афганские мальчишки забрасывали его на посту. Выражая свое недоумление афганским гостеприимством, десантник сожалел о том, что Афганистан не превратили в футбольное поле. Не было приказа. Я возразил молодому шовинисту. Мол, афганские горы несокрушимы. Природа и в прямом, и в переносном смысле на стороне афганцев. На вопрос десантника, что значит в переносном, я ответил: «В смысле правды, сущности, справедливости. Правда, как горы. Можно сделать вид, что ее не видишь. Но сокрушить ее нельзя».

13 апреля стало известно, что среди погибших в Тбилиси - большинство женщин и девушек. В больнице от побоев скончалось еще трое участников демонстрации и голодовки. Мусульманские мужчины не допустили бы, чтобы в их присутствии издевались над женщинами. В Афганистане взвод наших солдат, направляясь на заставу, решил поразвлечься в соседнем кишлаке. Вели себя развязно в дуканах (торговых лавках), заходили в жилища. По законам Шариата посторонний мужчина не имеет права входить в дом к

мусульманину, если в нем женщина, а хозяин отсутствует. При выходе из кишлака взвод был окружен, разоружен афганцами, которые позвали своих жен. Состоялся страшный суд: женщины устроили нашим солдатам медленную смерть - удаляли глаза, уши, носы и другие органы.

В Тбилиси они выглядели героями, словно позабыв, что в Афганистане хваленая дивизия потеряла три своих состава.

Видел я их, несчастных ребят, участвующих в деблокировании Хоста, и потом умиравших в советском госпитале в Кабуле, иногда не в палатах, а в коридоре. А те, кто перенес ранение, носили, словно талисман, подвешенными на шее, на руках осколки, вынутые из их живота, груди... Глядя на них, я думал больше о тех, кто их послал, кто пожалел уплатить племени джардан 800 миллионов афгани в замен на пропуск наших войск в Хост, а заплатил кровью юных несмышленьшей.

Будут ли наказаны те, кто убил женщин Грузии? Создана комиссия. Однако в день расправы был подписан Указ о внесении изменений и дополнений в Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления». В нем установлены наказания за дескредитацию органов власти или руководителей. Но ведь те, кто убивал женщин, защищали органы и руководителей. Следовательно, закон на их стороне. Не так ли будет в Тбилиси?

В Тбилиси прибыл член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе. 14 апреля он выступил на пленуме ЦК Компартии Грузии. В этот день все три первых лица республики подали в отставку. Слушая Шеварднадзе после программы, я вспомнил его выступление в Кабуле. На одном из совещаний я задал ему вопрос о причине отсутствия помощи Кабульскому университету, чем значительно осложнил себе жизнь.

12 апреля по той же телепрограмме показали собрание в Кабуле по случаю приезда делегаций советских среднеазиатских республик. В первом ряду среди других знакомых лиц я заметил Тахира Эноята. Последний раз мы виделись 11 июля 1988 года в Кабульском аэропорту в день моего отъезда в Союз. Тогда доктор Эноята исполнял обязанности ректора Кабульского университета. Я часто думал о нем. Телекамера, фокусируясь на других участниках, захватила только пол-лица Эноята. Левый глаз смотрел мимо объектива телекамеры. Значит жив. Видимо, на руководящей должности. В почете. В первом ряду, в зале, где по традиции садятся уважаемые участники, коих по различным причинам не пригласили в президиум.

Полуобраз доктора Эноята снова вызвал в моей памяти Кабульский университет. Ох как держит он меня! Его сложная, до конца непознанная мною жизнь. Неполный учебный год пробыл я в нем. Но он перевернул, опрокинул мое мировоззрение как на Афганистан, так и на собственную страну и на себя лично. Он стал университетом мудрости, понимания справедливости, человеколюбия.

Обо всем этом следовало бы написать не столько для себя, сколько для тех, кто может повторить мои ошибки. Вмешательство должно быть осуждено как преступление, как оскорбление чести и достоинства других народов...

Мы же, советские люди, должны понять, что наше мировоззрение, нравственность, психология, зарубежные цели не могут принести другим народам счастье, ибо мы сами имеем ложное, извращенное представление о счастье, о назначении человека. Разве можно дать то, чего сам не имеешь и о чем не ведаешь?

Необходимо широкое полотно, отражающее нашу агрессивную природу. Удастся ли это осуществить? Не уверен. Но даже незавершенное произведение имеет смысл, пусть не для широкого читателя. Для историка. Не сомневаюсь, что придет время для написания фундаментальной истории афганской авантюры. В стране и за рубежом найдутся талантливые, объективные историки. Буду счастлив, если мой, как историка, труд послужит одним из документальных источников и живых свидетельств для подготовки всесторонней

исторической оценки сущности величайшей трагедии афганского, народа и позора моего Отечества.

КОММУНИСТИЧЕСКИМ УСТАВОМ В МУСУЛЬМАНСКУЮ МЕЧЕТЬ

На следующий день после моего прибытия с женой в Кабул по поручению куратора Минвуза СССР в Москве Михаила Васильевича Кипяткова меня сопровождал в Аппарат экономического советника при советском посольстве советник ректора Кабульского политехнического института профессор Александр Федорович Лунин. Оттуда вместе с куратором Минвуза СССР в Афганистане Владимиром Александровичем Ларионовым мы направлялись в объединенный партком, где представили новичка заместителю секретаря парткома В.И. Остапчуку, а затем министру высшего и специального образования ДРА Гияси. В афганском министерстве к нам присоединился советник министра Ю.А. Деражне.

Слушая министра, этого симпатичного пуштуна с интеллектуальным, уставшим лицом, сравнивая его вдумчивый анализ состояния высшей школы с тем инструктажем в Москве и вводными речами Лунина и Ларионова, я поймал себя на коварной мысли: зачем мы здесь? Компетентность министра, понимание им проблем и желание их решить посеяли во мне сомнения в целесообразности своей миссии. Во всяком случае никто из советских товарищей не показался более знающим и лучше видящим перспективу афганской высшей школы, чем Гияси. Однако вскоре сомнения потеснили дела - ожидание встречи с университетом, с его ректором, моим партнером. Возможно, там мы нужнее, чем в министерстве? Может быть ректор менее подготовлен, чем министр и нуждается в нашей помощи.

После вкусного чая (министр пил зеленый, гости черный) я подарил Гияси альбом с видами родной Одессы. Потом был приглашен на беседу к заместителю министра Набатю.

В отличие от интеллигентного, контролирующего свои медленные движения министра, его заместитель был энергичным и несколько экспансивен. Его монголоидный тип лица украшен носом с еле заметной горбинкой и высоким лбом. Набатий по национальности хазарец. Он закончил институт в Ленинграде, женился на русской, был свободнее в разговоре, чем министр, лучше его знал русский язык.

Набатий сообщил, что ни один из двух мне предшествовавших советников не удовлетворял его. Первый, будучи в дружеских отношениях еще со студенческих лет с советским послом, увлекался в основном волейболом. Второй был больше занят похождениями своей жены, чем работой. А между тем университет по сравнению с другими вузами превратился из центра революционной мысли в консервативный, если не реакционный вуз.

Презентовав заместителя министра книгой «Музей изобразительного искусства Одессы», я поблагодарил за вкусный чай и был польщен настойчивым желанием Набатия лично представить советника ректору университета. Такое внимание ко мне я объяснил скорее малой занятостью афганцев, чем уважением ко мне.

После грустной картины безжизненных гор Афганистана, серого военно-гражданского международного аэропорта в столице республики, шевелящегося в густой дымке из смога и пыли Кабула и особенно после внешне убогого, серого здания и двора Министерства высшего и специального образования ДРА университет напоминал оазис. Пока «Волга» виляла по асфальтированным дорожкам, я успел заметить: на обширной площади, окруженной тропической зеленью, расположены на почтительном расстоянии друг от друга около десятка одно- двух-трехэтажных зданий. Видимо, факультеты. Когда машины остановились, глазам открылась широкая аллея. В начале ее, словно приветливые мусульмане, стояли высокие лиственницы, затем с двух сторон розарии с ухоженными

цветами различных колеров и оттенков. В конце - южные игольчатые сосны, стражами вытянувшиеся у входа в изящный одноэтажный с широкими окнами и стеклянными многостворчатыми входными дверьми домик, приподнятый на искусственной насыпи. Он менее всего напоминал административный корпус. Скорее - пансионатный павильон или выставочный зал.

Из просторного стеклянного вестибюля виден внутренний розарий, щедро увлажненный, залитый солнцем. Вход в приемную располагался по условно средней линии квадрата розария напротив входа в здание. Такое расположение позволяло из открытой приемной видеть движение людей на противоположной стороне розария, в вестибюле. Видимо, этим воспользовался человек невысокого роста, с зарождающимся животом, около 45 лет, который сразу же появился из приемной и, не торопясь, важной походкой пошел навстречу гостям.

Поздоровавшись с Набатием, человек протянул руку мне (представил меня заместителем министра) и спокойно произнес: «Ассадуло Хабиб». Его скорее круглое, чем овальное лицо, было белым. Позже мне довелось узнать - это верный признак того, что афганец не болел гепатитом. Густые, зачесанные назад волнистые, черные с проседью волосы больше приоткрывали правую часть крутого невысокого лба. Серый легкий костюм, белая рубашка, галстук - все по-европейски безукоризненно. Только скользящие между пальцев четки напоминали гостям, что перед нами мусульманин.

От просторной приемной обширный кабинет ректора отделяли две металлические двери с небольшим тамбуром между ними. Массивный в окружении мягких полукресел стол для совещаний. Бледно-красная, видимо, западная, мебельная стенка. Большой металлический стол ректора с этикеткой американского флага, такого же цвета два металлических кресла. Перед столом для подчиненных радиоприемник, копировальная машина, два низких столика для чаепития, два дивана, два кресла для гостей, книжная полка в правом углу, большой ковер на полу, - все это составляло интерьер кабинета ректора.

Не успели гости расположиться за чайными столиками, как нафар с подносом в руках почти вбежал в кабинет, направился ко мне и первому из гостей предложил чашку чая с подноса. От неожиданности я несколько ступешался. Ни у министра, ни у его заместителя такого поспешного обслуживания не было. Там все было спокойно и размеренно. И почему первому мне, если рядом заместитель афганского министра, а также куратор Минвуза СССР Ларионов, советник ректора Кабульского политехнического института Лунин? Видя мое замешательство, Лунин тихо сказал: «Не отказывайтесь. Они обидятся».

За чаем ректор рассказал об университете. Это крупнейший вуз страны, насчитывающий около десяти тысяч студентов. Имеет 13 факультетов. Готовит более половины специалистов для народного хозяйства. Каждый факультет построен, преимущественно, разными западными странами. Ими же оборудовался, обеспечивался кадрами. После Саурской революции влияние Запада значительно ослабло. Помощь прекратилась. По этой причине инженерный факультет, построенный и экипированный Соединенными Штатами Америки ликвидировался. Его остатки отданы в КПИ. Однако духовное влияние Запада еще сильно. Особенно через кадры преподавателей, подготовленных в вузах Франции, Англии, Австрии... При этом я вспомнил, как на беседе у Набатия были приведены слова Наджибуллы, выступившего с большой речью в актовом зале университета в апреле 1987 года. Он назвал экономический факультет форпостом Бонна.

Ректор рассказал о скудной научной и материальной базе университета, о проблемах типографии, о трудностях с транспортом. Затем все перешли в кабинет советника. Он располагался рядом с вестибюлем в правом ответвлении главного коридора. Приемная не большая. Кабинет просторный, однако меньше, чем у ректора. Два дивана, два мягких кресла, два журнальных (чайных) столика, стол металлический, такой же, как у ректора, и

три металлических кресла к нему: одно для владельца кабинета, два для посетителей. Стены - в красном кирпиче, покрытым лаком. Хотя не привычно для взгляда, однако терпимо. Наружная стена - сплошное высокое окно с металлическими рамками, со сложной механической вентиляцией.

Набатий предложил мне сесть за свой стол, так сказать, примериться. Нехотя присев, я на миг задумался. Анализируя информацию ректора, я поймал себя на мысли: зачем Хабибу наш советник, он отлично знает университет, владеет ситуацией, воспитанник его филологического факультета, окончил аспирантуру при Московском государственном университете, известный в мире писатель, поэт... По пути в Афганистан, перелистывая накануне купленную книжонку трех советских писателей «Афганский дневник», я обратил внимание на лестные отзывы о Хабибе. В приводимом его четверостишии, содержалась просьба к матери: своей теплотой залечить ему раны, если он будет смертельно ранен в грудь, и не тратить зря сил, если сыну будет нанесен удар в спину.

Во время краткого знакомства в посольстве с советником-посланником Михаилом Алексеевичем Конаровским я услышал от него емкую, лаконичную характеристику Хабиба: он всегда останется афганцем и никогда не будет советским. В афганском министерстве не восторгались Хабибом, говорили о его консерватизме, независимости, видимо, имея в виду отсутствие восторженной поддержки правительства, ура-патриотизма. А разве не лучше, чтобы афганцы оставались афганцами? Разве не ущемленный, гордый союзник не надежнее тех, кто готов продать свой народ в угоду личной карьере? Правда, умный союзник требует умного с собой обращения, что не всегда под силу физически сильной противоположной стороне. Эти мысли, скорее вопросительные, чем утвердительные проскакивали в моей лысеющей, сидящей голове.

Вспомнился вчерашний разговор у ректора Кабульского политехнического института, сероглазого пуштуна Хелали, который пригласил меня вечером по случаю возвращения из Союза советника Лунина на афганский ужин. Будучи под «мухой», они почти в один голос несколько раз утверждали: советник должен быть выше ректора, его слово должно быть решающим, надо, мол, Хабиба заставить слушаться советника. Можно было понять желание Лунина повелевать. Весьма распространенная человеческая слабость. Однако чудовищным показалось желание Хелали повиноваться советнику. Что-то здесь подспудно. Все, видимо, гораздо сложнее, ибо не логично. Об этом свидетельствовал сопровождающий сказанное многозначительный взгляд Хелали. На что я ответил: «Верховенствовать должен разум, не важно в чьей голове он поселился - в афганской или советской». Видимо, такого ответа не ждал советник ректора КПИ, неловко при этом поставивший граненый стакан на стол...

Хабиб заметил мою отрешенность и спросил:

- Вы о чем, Григорий Иванович?

Пересиливая опасения за собственную откровенность, ответил:

- Мне вспомнился странный случай: на проводах в связи с назначением министром просвещения Украины ректор Одесского университета Савчук сказал: «Туда, в министерство, мне дорога известна, а оттуда, к сожалению, нет».

- Вы хотите сказать, что не знаете, чем закончится ваше пребывание в этом кабинете?
- добивался Хабиб.

- А вы разве уже знаете? - не без иронии переспросил я.

Здесь вмешался энергичный Набатий, Он заверил, что сотрудничество ректора и советника получится. Они достойны друг друга. Это, мол, видно сразу. В прошлом году было совсем иное дело. Там не было основы для взаимопонимания между ректором и прежним советником. Не знал тогда Набатий, что нас обоих ждет к концу учебного года.

Пророческие слова профессора Одесского университета, по крайней мере по отношению к нему самому, определили предмет моих раздумий на весь оставшийся афганский день. Стержнем размышлений был вопрос о правомерности моего пребывания в

Кабульском университете, о деловой целесообразности, о нравственности и безнравственности самого статуса советника ректора университета в оккупированном городе. Нет, в советнике Хабиб не нуждался. Я нужен был не афганцам, а Москве. И не как советник, а как проводник советской мысли. Уже в цели и статусе заложено разрушающее противоречие. Оно не пощадит меня. Под видом помощи - все тот же экспансионизм, и я оказался на его духовном острие. Кому необходимо мое влияние здесь? Моим детям? Моей Одессе? Моей Украине? Рабочему? Колхознику? Коллегам, оставшимся на кафедре в Одесском политехническом институте? Смешно. А может быть авангарду самой влиятельной в мире политической силы современности, скрупулезно изучившей мою рабскую родословную до седьмого колена, утвердившей мне характеристику? Ох, закрутили!

ПЕРВЫЕ ШАГИ ОБРЕЧЕННОГО СОВЕТНИКА

Жилой городок специалистов политехнического института принял новых поселенцев - 28 советских преподавателей, приехавших работать в Кабульский университет. Пятеро со своими женами. Ранее они жили в микрорайоне в пятиэтажном доме, построенном для афганских преподавателей. Последние, естественно, лишились надежд на получение долгожданных квартир. В 1987 году в связи со значительным сокращением (почти на половину) советских специалистов в вузах Афганистана появилась возможность разместить преподавателей университета в городке КПИ. Тем, кто приехал на второй и на третий год, перемещение за двойной заслон не понравилось. Они сразу же окрестили этот городок «Концлагерь-люкс». Здесь, в отличие от свободного перемещения в микрорайоне, господствовал строгий пропускной режим, установленный советником КПИ Луниным (он же комендант городка). Выезд в город университетским автобусом - в строго определенные дни и часы. На работу - согласно расписанию занятий тем же автобусом. Новичкам понравилось. Они ждали худшего.

Весь жилой городок состоял из шести трехэтажных домиков коттеджного типа. Они выстроились в три шеренги плечом к плечу, выпятив фланговые плечи немного вперед, согнув, точнее, надломив шеренги посередине. Между шеренгами проложены асфальтовые дорожки. Юмористы дали им название: Красноармейская (здесь на первом этаже в одном из домов находился взвод охраны, десантники). Одеколон (что означает одесская колония), Мушаверовская (в переводе с афганского советническая), здесь жили советники не только КПИ, КУ, но и других учреждений и органов. Надо отдать должное советским строителям. Построенные еще вскоре за обещанным в 1962 году Н.С. Хрущевым подарком Афганистану - политехническим институтом, домики и внешне, и внутренне сохранили свою привлекательность, несмотря на варварское обращение с ними временщиков и отсутствие капитального ремонта.

Жилгородок фактически составляет единое целое с учебными и лабораторными корпусами, спортивным залом, общежитиями политехнического института. Однако инициатор усиленной охраны Лунин воздвиг забор вокруг жилгородка советских специалистов, поделив таким образом часть сада на советский и афганский, отгородив стадион и виноградник от советских специалистов, а жилгородок от афганцев. Правда, на стадион можно было выходить с разрешения советского караула в определенные часы. Афганским коллегам вход на территорию городка без разрешения Лунина запрещался, а о приезде советских гостей из других районов необходимо было извещать комендатуру.

Большинство из 28 советских специалистов поселились по два-три человека в двух- и трехкомнатных квартирах. Некоторые сумели по одному в отдельной квартире. Другие разместились со своими коллегами из политехнического института. Меня с женой Лунин

поселил в четырехкомнатной квартире со всеми коммунальными удобствами. В этом же доме под номером один в таких же квартирах размещались Лунин, ректор КПИ Хелали, заместитель руководителя партийных советников, советник Генерального секретаря ЦК НДПА Наджибуллы Виктор Петрович Поляничко.

Возвращаясь после знакомства с Хабибом домой, на территории городка КПИ я увидел энергичного мальчика лет шести, на детском велосипеде, в берете десантника.

— Как тебя зовут? – спросил я.

— Максим.

— А фамилия?

— Грицай.

Это был сын советника ЦК НДПА по идеологии, моего земляка, секретаря Николаевского обкома партии. Мне доводилось слышать о том, что он в Афганистане и был приятно удивлен соседству.

- Пойдем, Максим, ко мне в гости.

Мальчик бросил велосипед на асфальт и зашел в квартиру. Нина Михайловна подарила ему карпатскую дудку. Максим сразу наполнил городок дудочным свистом. Через некоторое время Максимка привел афганского мальчика трех лет, с сандалетам на одной ноге, а другая босая, и попросил дудку для своего друга, сына Хелали. Нина Михайловна удовлетворила просьбу Максима. В городке появился двойной свист. Затем он пришел с мальчиком лет четырех с половиной с такой же целью. Вскоре с улицы доносился тройной свист. Через некоторое время Максим пришел с девочкой лет шести. Все дети Хелали. Жена отдала последнюю дудку. Уже четыре дружных свистка наполнили городок. Вскоре после этого раздался звонок. На пороге появилась жена Хелали, дородная, здоровая женщина, значительно выше своего мужа, с большим носом, в афганской одежде, но без паранджи, держа за руку маленькую крошку-мальчика, от силы полутора лет. Не понимая ничего из того множества слов, что произнесла она по-афгански, мы по жестам установили, что самый младший остался без подарка. Что же делать? Если бы мы знали в Союзе, что такое случится, могли бы взять десятки дудок. Вышли из положения: самому маленькому дали самую большую плитку шоколада одесской фабрики им. Розы Люксембург.

Не успели прийти в себя после пережитой неловкости от недостатка дудок, раздался продолжительный звонок. На пороге, часто дыша, появился Иван Трофимович Грицай. Он пришел убедиться в верности утверждений Максима об источниках подарков. Волноваться было от чего: в Кабуле якобы душманы распространяли среди детей бомбы-игрушки.

Одна из первых организационных проблем - подбор секретаря-машинистки. Вопрос и в своей стране не простой, тем более не прост он за рубежом, где выбора почти нет. Другие учреждения, где по штату определяется эта должность, удовлетворились присланным из Союза человеком, который, соответственно, имел необходимые качества как профессиональные, так и нравственно-психологические. У советника Кабульского университета секретарь-машинистка работала по внутреннему афганскому контракту, то есть содержалась за счет данной страны, подбиралась из жен советских сотрудников.

В предыдущем учебном году на этой должности находилась супруга доцента кафедры конкретной экономики Киевского института народного хозяйства Владимира Александровича Твердохлеба, человека выше среднего роста, худощавого, в возрасте около сорока лет, немного сутулого со вздернутыми плечами, слегка прогибающегося в пояснице. Когда он говорил, его темно-карие глаза чаще смотрели в сторону, чем в очи собеседника, а голова то вrostала в плечи, то совершала повороты с наклоном на одно плечо. Он увлекался шахматами и художественной самодеятельностью - конферансье.

Лидия Алексеевна Твердохлеб была женщиной внешне привлекательной. Почти такого же возраста, как ее муж, она сохранила женственность и в очертаниях фигуры, и в движениях. Ее большие серые глаза озаряли нежное овальное лицо со слегка

миндалевидным носом, каштановые волосы чаще собирались в пучок на затылке, оставляя несколько локонов на чистом лбу.

Среди всех преподавателей, отъезжающих по утрам автобусом в университет, только Твердохлебы были несколько суетливыми, словно оставляли дома неотложную, неоконченную, более важную, чем в университете, работу. Казалось, что они оба испытывают неловкость.

На совещании с отправляющимися в Афганистан в Минвузе в Москве куратор Кипятков обвинил этих супругов в каких-то не совсем ясных грехах и предупредил, что в случае повторения они будут отозваны из Афганистана досрочно. Он также подчеркнул, что Твердохлеб в прошлом году взял часть учебной нагрузки у преподавателей из ГДР работающих в Кабульском университете, что привело к натянутости во взаимоотношениях с немецкой стороной. И если недоразумения с немцами не будут устранены, то Твердохлебам придется возвратиться сразу домой.

Невольно возникал вопрос: учебных часов не было, следовательно, не могла возникнуть необходимость в самом Твердохлебе, конфликт не ликвидирован, а Твердохлеб все-таки командирован в Афганистан, который в нем не нуждается. Следовательно, истинная причина была за пределами гласности. Вряд ли когда-либо она станет известна. А ведь многим желающим поехать в Афганистан было отказано по причине менее существенной или просто без причины, молча.

В ходе обустройства квартир устанавливались знакомства новичков со старожилами. Последние предлагали свою помощь в ориентировании на местности как в городке, так и в Кабуле. Доценты Турсун Хафизович Габитов из Алма-Аты, Роман Андреевич Слепоморий из Киева организовали перевозку вещей из микрорайона. Двери нашей квартиры в эти дни не закрывались. Многие заходили по бытовым вопросам, которые можно решать совместно с сервисной группой, созданной на общественных началах обоих коллективов, а между просьбами как бы невзначай вкрапывались такие: А кто будет у вас секретарем-машинисткой? А кто войдет в состав партийного бюро? Кто будет председателем профкома? Мой ответ был одним и тем же: «Будете решать сами».

Некоторые давали откровенно негативные характеристики одним своим коллегам по совместной работе прошлых лет, другим - хвалебные. Были и такие, которые похвалялись хорошими отношениями с объединенным парткомом советских учреждений в Афганистане, другие - московскими связями. Однако почти никто не говорил о проблемах учебной, научной и воспитательной работы. Молча выслушивая всех, я не принимал ни ту, ни другую сторону. В педагогических вузовских коллективах не редкость сложные межличностные ситуации. Однако там, на родине, борьба ведется скрытнее. В основу, скажем, ложится хотя бы отношение к делу. Часто одни изображают себя великомучениками, избравшими такую судьбу во имя интересов общества, другие охаивают первых как бездарных, безнравственных и т.д. Эти отношения - трагический продукт сталинских и брежневских искусственных антагонизмов и уравниловок, когда нормой была казнь миллионов «врагов народа», поощрялось самоистязание трудовых коллективов, направленное на отвлечение их от истинных причин собственной агрессивности, грехопадения. Своего рода политика натравливай и властвуй.

Еще разительней обнажается агрессивность наших людей во временных коллективах. Здесь нет боязни о провале на конкурсных выборах, нет необходимости заботиться о перспективе отношений с коллегами и руководителями. Многое, проявленное за границей, остается там навсегда. В том числе и временные так называемые микросемьи, создаваемые фактически с молчаливого согласия Москвы, чего не скажешь о мусульманских столицах, в том числе и о Кабуле.

Первое совещание коллектива состоялось в красном уголке советских специалистов Кабульского политехнического института. Он находился в первом доме на первом этаже.

Комната метров тридцать была обставлена стендами в традиционном советском духе. Все там было, что требовалось: стенды с сообразительностями, жизнью контракта в фотографиях, агитационные материалы текущей политики.

Представившись коллективу, уточнив в отдельности имеющиеся в своей рабочей тетради сроки командировки каждого (как метод знакомства), я попросил совета у коллектива, как лучше решить вопрос с подбором секретаря-машинистки. На удивление все высказавшиеся предлагали руководителю искать секретаря в другом советском контракте. Голосовали - единогласно.

В заключение я заверил коллектив, что свою жену буду устраивать на работу по внутреннему афганскому контракту в последнюю очередь, то есть после того как оформлю на работу всех жен наших сотрудников. Преподаватели от радости захлопали в ладони как дети. Мой предшественник, говорили, поступил наоборот, сначала оформил свою жену.

Раздумывая над тем, как озадачить коллектив, с чего начать, я пришел к выводу о необходимости обозначить исходные позиции вместе с афганской стороной, то есть послушать заказчика и мнение наших специалистов о заказе.

Вскоре, согласно договоренности с ректором Хабибом, в зале заседаний Ученого совета университета состоялась встреча советских преподавателей с руководством университета. Цель ее - определить вклад советских специалистов в работу университета и высказать взаимные пожелания на предстоящий учебный год.

Зал заседаний Ученого совета находился в админкорпусе университета. Первый вход в него был рядом с приемной ректора, второй - ближе к вестибюлю. При обычном расположении стульев без столов в нем могло разместиться человек 150-200. В этот день, как и при заседаниях Ученого совета, были поставлены столы. Они, прижавшись торцами друг к другу, вытянулись по контуру зала и образовали квадрат. В центре стояли вазы с живыми цветами - розами. Все разместились по внешнему периметру. Афганцы - за тем столом, что возле трибуны, отодвинутой в угол за ненадобностью.

Встречу открыл ректор. Он обратился на языке дари, господствующем в университете, хотя в стране два государственных языка - дари и пушту. Мой персональный переводчик, ассистент кафедры философии Таджикского университета в Душанбе Киманшо Холдорович Ишимбаев мучительно долго переводил первое предложение, изображая свои муки пляской морщин на лице. Когда он закончил перевод и торжественно зафиксировал голову, Хабиб сказал по-русски: «Вы меня переводите абсолютно неверно. Я вынужден говорить по-русски, а проректора Эноята попрошу переводить афганцам на дари».

Киманшо Холдорович сел. Его лицо словно окаменело. Рот долго не закрывался. А каково мне! Мне предстояло с ним работать целый год, общаться с афганцами, читать лекции студенческой аудитории. Видимо, не случайно мне успели сообщить о том, что Киманшо Холдорович был лишен доверия преподавателя из Киева, кажется, по фамилии Кудин, который, однако, остался виноватым и был досрочно отозван из Кабула.

Руководители университета оказались совсем не такими афганцами, как информировали в Москве и в посольстве. Они не льстили советским специалистам, не скрывали своего недовольства нашей работой. Ни одного положительного отзыва о наших преподавателях. Одни замечания и претензии. Среди них: значительно меньше, чем у афганских преподавателей, учебная нагрузка, слабые результаты научной и методической работы. Надежды афганцев на помощь советских ученых в открытии соискательства и аспирантуры не оправдались.

Наши мужчины закурили. Дым потянуло в сторону женщин. Те отворачивали головы, закрывали носы.

Проворный афганец-нафар мгновенно разнес сахарницы с сахаром-песком, пиалы для слива кипятка после полоскания каждым гостем чашек - санитарный обычай - и поставил перед каждым рядом с чашками на блюде литровый никелированный кофейник советского

производства, предварительно спросив: «Кофе? Чай? Черный? Зеленый?»

Слово от имени советских специалистов взял пятидесятилетний ассистент Одесского гидрометеорологического института, кандидат наук Валентин Андреевич Ветроумов, узкоплечий, худощавый, с короткой густой седеющей прической. Морща лоб и размахивая руками, он упрекнул руководство университета в том, что афганская сторона не представляет возможности советским преподавателям публиковаться. В ответ Хабиб спросил: «Скажите, кому, когда и какую работу отклонили, не приняли к изданию?». Ветроумов посмотрел вопрошающе на своих коллег и, не найдя поддержки, сел.

Проректор по административно-хозяйственной части Умари, двоюродный брат министра госбезопасности Афганистана, в своем выступлении сказал: «Мы надеемся, что новый советник Григорий Иванович поможет нам с приобретением типографских машин. Построенная 30 лет назад англичанами типография износилась, сегодня из четырех множительных машин работает только одна, и то держится на честном слове.

За каждый арендованный у частника старинный автобус для подвоза профессоров, преподавателей, работников университета мы вынуждены платить по сто тысяч афгани в месяц. Крыши зданий протекают, аудитории не ремонтируются, не отапливаются. Нам постоянно твердят о многомиллиардной советской помощи. Где она? Ваши, профессор Гончарук, предшественники многое обещали, но ничего не выполняли. Возможно, хоть вы что-либо сделаете. Нам, руководителям университета, трудно объяснить преподавателям и студентам причины обнищания университета».

На помощь мне поспешил ректор. Он сказал, что советник только приступил к своим обязанностям и спрашивать с него за недостатки его предшественников неследует.

В течение всего совещания я чувствовал, как неожиданно разрушаются мои неокрепшие представления об афганцах и об основах наших отношений. И в Москве, и в посольстве, и в разговорах со своими соотечественниками здесь, в стране гор, я сформировал типичный образ до абсурда скромного афганца, смиренно переносившего трудности и, «как турок иль татарин за все... ровно благодарен». И вдруг отрицательная оценка нашей помощи Неуж-то советские об этом не знали? Неужели афганцы раньше об этом не говорили? Здесь что-то не так. Что ни шаг на афганской земле, то загадка.

Неспособность советского переводчика по-русски передать речь ректора, клубы табачного дыма, пущенные нашими преподавателями в зале Ученого совета во время встречи, отрицательная оценка работы советских специалистов, серия упреков за отсутствие материальной помощи университету породили у меня сомнения в успехе своей миссии. В краткой речи я поблагодарил судьбу за предоставившуюся возможность работать в лучшем вузе Афганистана, сотрудничать с известным во всем мире писателем и ученым Ассадулой Хабибом и в конце сказал: «Я не все могу, но все, что смогу, сделаю для улучшения совместной работы афганских и советских ученых, преподавателей».

По пути в жилгородок КПИ я анализировал результаты встречи. По крайней мере, ясно одно: афганцы недовольны советской помощью. Однако, насколько искренне они в своих претензиях? Нет ли здесь того, от чего предостерегали при инструктажах - провокаций? Не связана ли их откровенность с объявленным советским лидером намерением вывести свои войска из Афганистана? Не сокрыто ли здесь тайное желание поссорить советских специалистов между собой? Использовали же они и весьма успешно интриги для разлада внутренних отношений среди англичан во времена присутствия последних на земле Афганистана.

На первом повороте, когда «Волга» уменьшила скорость, я сквозь запыленное боковое стекло увидел беседующих афганок. Одна в парандже с ребенком на руках, другая с открытым лицом. Ребенок, желая увидеть лицо своей матери, тщетно силился сорвать слабенькими ручонками паранджу. Напрасный труд: одежда длинная, ниже колен, к тому же прижатый к груди ребенок, сам препятствовал своему намерению - осветить лицо матери. Я

на миг сравнил свои попытки постичь тайны афгано-советских отношений с усилиями этого ребенка и ужаснулся собственной беспомощности. Надо из ничего сделать что-то. Попытаться спасти престиж нашего труда, честь Родины. Что-то надо придумать, что-то «закрутить». Несомненно. Оно, это что-то, родится в ближайшие дни, возможно, часы. Такое бывало часто. Интуиция меня редко подводила. Как правило, не за письменным столом, а в самых неожиданных местах - за обедом, на утренней зарядке, среди ночи, за телевизором - вдруг возникает озарение.

Водитель Нуриддин резко затормозил на перекрестке - по широкой асфальтированной мостовой, бегущей на юго-запад вдоль забора политехнического института в сторону Королевского озера, провинции Лагман, на большой скорости неслись советские танки. На броне, вокруг башни, на бортах, спереди, сзади сидели, лежали кто в каске, кто с непокрытой головой, расстегнутые, запыленные, как и сами танки, солдаты. Глядя на торопившихся в новый бой, я на время забыл о своих тревогах. Зримое, грубое, несущее смерть и разрушение внушительнее интеллигентских забот человека, мечтающего созидать в истекающем кровью обществе.

Так зачем мы здесь: разрушать или созидать? Эти понятия не совместимы. Доминирует разрушение. Это легче. Здание можно сооружать годами, а уничтожить за считанные часы, секунды. Не так ли поступила моя страна, перечеркнув вводом войск все то святое, что создавалось столетиями между афганским и предками нынешних советских народов? Что стоит наша помощь по сравнению с разрушениями как материальными, так и духовными? Она кощунственна, ибо направляется семьям, у которых мы погубили самые дорогие сокровища - сыновей, мужей. Да и попадает ли эта помощь пострадавшим? Следовательно, пребывание специалистов-созидателей не логично, противоестественно.

Мной овладело мрачное предчувствие беды. Общее противоречие не обойдет стороной своих носителей. Оно неизбежно заденет карающим мечом тех, кто его формировал. Одних сильнее, других слабее, но достанет. От расплаты не уйти. Это аксиома. Осталось одно: ждать своей формы воздействия этого противоречия. Значит, крах мирной миссии предрешен кровопролитием. Можно гадать, в чем он выразится для советника: в душевном ли кризисе, в горьких собственных упреках, то ли в проклятиях афганцев, иль в осуждении детей и близких... Мирная миссия, замешанная на крови. Абсурд. Возмездие могло случиться для советника здесь, в Афганистане, ибо моя родина пребывала в шовинистическом, имперском угаре и тратила много усилий, чтобы палачей изображать в тоге освободителей. Многолетиями приученные воспринимать ложь за истину жители многомиллионной страны, словно лошади, в шорах, видят то, что под ногами. Эти шоры и у солдат на танках, которые помчались в бой в том направлении, откуда почти ежедневно доносилась артиллерийская канонада, учащаясь к закату дня, умноженная эхом в горах. Да, быть беде. Возмездие неотвратимо.

От таких неожиданных крамольных для моей родины мыслей мне вдруг показался тесным галстук. Я ослабил его, расстегнул воротник, покрутил головой, приспособившись к новому положению ворота, и не заметил, как автомобиль, проскочив мимо афганского, а затем и советского заслонов, остановился возле лестницы из нескольких ступеней, ведущей к моей квартире.

На следующий день после работы мы с женой в сопровождении переводчика отправились в новый микрорайон Кабула сфотографироваться. Фотографии требовались для советских пропусков. Подъезжая к центральной площади столицы, я увидел громадный черно-красный портрет на стене старого здания. Две полосы усов вниз от ноздрей, короткая прическа издали делали его похожим на Гитлера, но шинель с красными петлицами и широкими красными нашивками на крючках-застежках, туго перехватившие грудь, напоминали сослуживца Буденного. Через переводчика я спросил у шофера-афганца:

- Чей это портрет?

- Аммануиллы-хана, – последовал ответ.

В памяти заплясали сведения, почерпнутые из энциклопедии во время подготовки к поездке в Афганистан, освежившие прежние, приобретенные в студенческие годы.

С именами Аммануиллы и Ленина связано все лучшее, что есть в истории афгано-советских отношений. Если так думают и афганцы, то не время ли обратиться к мудрости предков в поисках выхода из нынешних кровавых отношений? Не актуальна ли мудрая осторожность этих двух людей, не ориентир ли для наших, творящих разбой на афганской земле? Видимо, афганцы почитают Аммануиллу-хана. Иначе не поместили бы портрет на самом видном месте. Причем вопреки требованиям ислама, запрещающего отражать образы. Значит, почитают. За что? Разумеется, за его дела. В его послужном списке освобождение Афганистана от иностранной зависимости, последовавшее вскоре после Октябрьской революции, заключение договора с Советской стороной, визит в Москву, встреча с Лениным... Эврика!

Я хлопнул ладонью по заголовнику переднего кресла, словно заверил печатью рождение идеи. На хлопок повернул голову переводчик и вопрошающе посмотрел на меня. Я хоть и смотрел на оглянувшегося Киманшо, но не видел его - завершалось рождение идеи: Аммануилла-Ленин-Афганистан-Октябрь. А через два месяца - 70 лет Октябрю. И, конечно, молодежи. Состыковать прошлое и будущее - вот мост через нынешнюю кровавую реку. Молодежь еще и потому, что она является предметом всех моих научных и педагогических поисков и тревог.

Интересно, кто-либо думал в этом направлении, готовил, планировал? Мне захотелось вдруг вернуться в жилгородок, посмотреть бумаги, поговорить со «старожилами», единственным уцелевшим от прошлогодних потрясений членом партийного бюро Октябриной Ивановной Рожковой, поехать в посольство, в партком, спросить, что планируется к этой дате на их уровне, встретиться с ректором Хабибом, с секретарем комитета НДПА университета Эзмаром, симпатичным сидящим пуштуном, окончившим институт в Ростове-на-Дону, посоветоваться с партийным советником Грицаем...

Следуя методу определения главного звена в цепи любой ситуации, я мгновенно вычислил Хабиба. От позиции ректора университета, члена ЦК НДПА, авторитетного человека, ученого, писателя в основном зависела материализация данной идеи. Как подойти к афганцу, какими словами расположить его к анализу предложения и побудить возглавить подготовку мероприятия?

Дома ждали нас сюрпризы. Появившаяся в системе вода успела к нашему приходу через незакрытый кран проникнуть в ряд комнат. Однако справившись с первым наводнением в знойном Кабуле, я пролистал планы прежнего партийного бюро и, не найдя в них аналогичных идей, вышел с женой на вечернюю прогулку по городку. В беседе со встречающимися «старожилами» как сотрудниками по университету, так и по политехническому институту выяснилось, что научный мир не собирается перегружать 70-летие Октября дополнительными заботами.

На следующий день в 10 часов утра я позвонил из своего кабинета ректору и попросил принять меня по вопросу составления расписания лекций и семинаров советских преподавателей.

Через полчаса за чаем, добившись согласия ректора в расписании расположить занятия советских специалистов на второй и третьих парах в целях безопасности, более организованного их передвижения, я как бы между прочим спросил:

— Доктор Хабиб, о трагических страницах истории афгано-советских отношений мне известно. А вот какие события вы и ваши коллеги могут отнести к светлым, достойным исторического уважения?

— С Октябрьской революцией прямо или косвенно связаны успехи афганского народа в борьбе за свою независимость. Ленин горячо поддерживал нашу борьбу.

Амманулла-хан находил поддержку в Москве. А чем вызван ваш вопрос?

— Поисками путей улучшения сотрудничества между нашими преподавателями. Кровопролитие сеет недоверие. Результативность совместной работы низкая...

— Вы в прошлом ищите выход из сегодняшнего положения?

— У меня, доктор Хабиб, исторический склад мышления. Не умею думать о будущем, не вороша прошлое.

Ректор закурил. Он это делал важно и красиво: затянувшись, отводил согнутую в локте руку с сигаретой несколько в сторону, медленно выпуская тонкой струйкой дым подальше от собеседника.

— У вас, Григорий Иванович, есть конкретные предложения? – спросил Хабиб, как и прежде, с трудом выталкивая мои имя и отчество.

— Как бы вы, афганские ученые, отнеслись к тому, чтобы в честь 70-летия Октября посмотреть исторически на предмет своих научных исследований, педагогической работы, пообщаться с коллегами по этой проблеме. Полагаю, могли бы получиться интересные публикации по результатам анализа собственной работы. Ведь каждый человек - процесс, следовательно, и его оценки собственного труда - аргумент для размышлений.

Хабиб задумался. Встал, продолжая курить. Мне показалось, что ректор хочет выйти из-за стола, но выдвинутые боковые приставки, на одной из которых чашка с чаем, помешали ему это сделать. Напряженное минутное молчание разрядилось словами Хабиба;

— Мне необходимо посоветоваться с проректорами. А решим завтра, на заседании ученого совета, членом которого являетесь и вы, Григорий Иванович.

Включение Ученого совета в проблему осложнило мои планы. Если Хабиб не согласен с моим предложением, то с помощью совета он красиво, без личных неудобств откажет, что будет означать мое первое существенное поражение. Лиха беда начало. Ректор войдет во вкус и будет блокировать другие, если не все начинания советника. Если же Хабиб заручится поддержкой совета, то идея получит гражданство в афганском ученом мире и право на реализацию. Что задумал сын узбека и пуштунки? Завтра станет известно.

Мысленно прогнозируя ход совета, свое участие в нем, я утвердился в одном: в случае провала идеи не обнаруживать своего огорчения, не давать повода афганским коллегам для чрезмерного ликования. Пожалуй большего сделать в моем положении невозможно.

С самого утра в день заседания Ученого совета я ждал персонального приглашения. Вчерашняя информация Хабиба о включении советника в состав членов высшего форума университета сама по себе важна. Однако ректор не сообщил время и повестку дня заседания.

Из окна своего кабинета я видел, как к десяти часам собирались ученые перед входом в ректорат, а затем все вошли в здание. Стрелка на циферблате часов уже отсчитала пять минут одиннадцатого, когда в приемной своего кабинета я услышал оживленную беседу секретаря афганки Хомо с незнакомой женщиной. Дверь в кабинет открылась и они появились на пороге. Хомо на ломанном русском, а красавица-незнакомка - на дари, на перебой стали словами и жестом объяснять, что меня ждет Ученый совет.

Войдя в зал заседаний, я не торопливо поклонился форуму, приложив при этом правую руку к сердцу, и произнес: «Салам алейкум». Стоящий за столом президиума Хабиб пригласил меня к себе и указал на кресло, стоящее рядом, и по-русски сказал: «У нас такое правило: кто опаздывает, тот платит штраф пятьсот афгани». На эту шутку я отреагировал следующим образом: достал бумажник и начал отсчитывать купюры. Под смех зала ректор, сам довольно хохоча, остановил меня и сказал: «На первый раз прощаем».

Представление было кратким. В ответ я подчеркнул, что благодарен судьбе, афганцам за предоставленную возможность трудиться в крупнейшем вузе Центральной Азии, которым руководит всемирно известный ученый, писатель, поэт, обаятельный человек доктор Хабиб и славный профессорско-преподавательский состав. Отвечая на ряд вопросов - откуда родом,

специалист по какой истории и т.д. - я заметил, что слова члена совета, сидящего справа, ни переводчик, ни ректор не перевели. Я посмотрел вопрошающе то на одного, то на другого, но реакции не последовало. Видимо, переводчик не понял вопроса, а ректор посчитал его не актуальным или неуместным. Спустя много дней, проректор сказал мне: пуханд Хасаняр спрашивал, что полезного сделал для университета Советский Союз и предложил написать министру ноту о нецелесообразности сотрудничества с шурави.

После рассмотрения утомительных конкурсных дел, когда обсуждались не только списки ученых и методических публикаций, рукописей участников конкурса, но и их качество, перешли к обсуждению предложений о проведении научно-теоретической конференции «Великий Октябрь и молодежь Афганистана», посвященной 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Были вопросы, высказывались мнения и советы, как лучше подготовить. Здесь подняли статус конференции до Всеафганской. Кто-то предложил организовать соревнование среди факультетов на лучшее участие в организации конференции. Ректор согласился и заверил, что это предложение будет включено в его приказ о подготовке и проведении конференции.

Я почувствовал в груди тепло удовлетворения. Еще бы: моя идея получила афганское добро, которое дали более сорока ученых.

После обеда меня пригласил министр Гияси. В его кабинете - ректор политехнического института Хелали и его советник Лунин, За чаем министр в своей манере тихо, почти шепотом спросил меня, как идут дела. Я поделился впечатлением о работе Ученого совета и сообщил о принятии решения провести Всеафганскую научно-теоретическую конференцию «Великий Октябрь и молодежь Афганистана». Лунин автоматически возразил, утверждая, что подобная конференция уже состоялась. Минутное молчание после глотка чая прервал министр:

- Такой конференции у нас не было. Передайте, Григорий Иванович, ректору Хабибу, что министерство поддержит их решение.

Лунин под предлогом позвонить энергично вышел из кабинета.

Министр обратился с просьбой к советским преподавателям Кабульского университета подготовить свои предложения о штатах на кафедрах, ибо министерство не может получить по официальной линии ни реальную штатную ситуацию, ни потребности в преподавателях каждой кафедры. Я ответил министру, что осуществить эту задачу иностранцам в афганском вузе возможно лишь при условии заинтересованности руководства университета. Министр заверил, что ректорат будет содействовать работе советских преподавателей.

Вечером в жилгородке состоялось производственное совещание советского коллектива с повесткой дня о решении Ученого совета, об обращении министра, о секретаре-машинистке. По первому вопросу единодушное желание участвовать в конференции. Второй отложили в виду того, что преподаватели экономического факультета, которых я просил возглавить работу по расчету штатов, были не готовы к такой миссии. По третьему вопросу коллектив удовлетворил мою просьбу одобрить назначение секретарем-машинисткой Лидию Алексеевну Твердохлеб.

На следующий день прямо с утра я поехал в посольство, чтобы посмотреть по совету Грицая протоколы майского заседания объединенного парткома о состоянии преподавания общественных наук в вузах ДРА. Тогда и состоялось знакомство с секретарем парткома Геннадием Ивановичем Петровым, человеком пятидесяти лет, с густыми загнутыми кверху щетинистыми сидящими волосами, узкими глазами и узким лбом. Был он в сером костюме, синей рубашке, красном галстуке с очками в руках. Сидя за большим массивным, сверкающим белой полировкой столом, окруженным с трех сторон стульями, а с торца - меньшим по размеру столом секретаря, я вдруг ощутил, что в моей работе основные трудности возникнут не среди афганцев, не среди советских преподавателей, а здесь, в этом

стандартно экипированном кабинете, в этом высокомерном, чванливом человеке, который уже успел узнать о решении Ученого совета, о цели моего прихода в партком.

— Как дела? - не отрывая глаз от бумаг на столе, спросил секретарь.

— Врастаю в действительность, есть проблемы.

— А что хорошего?

— Ученый совет поддержал, одобрил мою идею о проведении научно-теоретической конференции «Великий Октябрь и молодежь Афганистана».

— И что же здесь хорошего? - не отрываясь от бумаг спросил секретарь.

— Вы желаете узнать очевидные мотивы такой конференции? - удивленно переспросил я.

— Допустим...

— Слушайте,- и стал перечислять: - Во-первых, в связи с надвигающимся кризисом в нынешних афгано-советских отношениях обратить внимание афганских и советских участников на лучшие времена нашего сотрудничества, уходящие в историю, особенно к Октябрьской революции, сотрудничеству Ленина с выдающимся и уважаемым афганцами политическим деятелем Амманулой-ханом, то есть «заставить сиять заново» славное прошлое в наших отношениях.

Во-вторых, в связи с тем, что советские специалисты сетовали на отсутствие базы для научной работы, конференция позволит имеющиеся результаты научной и методической работы показать в историческом аспекте и, что немаловажно, значение своих исследований для развития афгано-советского сотрудничества, т. е. показать прикладной характер своих исследований, их социальный и политический аспект, а также осветить полезность своей педагогической работы в деле укрепления афгано-советского сотрудничества.

В-третьих, конференция даст простор для широкого сотрудничества советских и афганских специалистов при подготовке совместных докладов, освещения результатов совместной научной работы и научного обобщения совместной педагогической работы.

В-четвертых, обращение внимания молодежи Афганистана к лучшим временам во взаимоотношениях наших стран должно влиять на улучшение отношений в будущем, ибо будущее связано с молодежью.

В-пятых, связь Октября с молодежью Афганистана позволяла каждому работнику вуза, техникума всесторонне использовать непосредственный объект учебной и педагогической работы, как один из важнейших, доступных всем факторов научных обобщений и афгано-советского сотрудничества в сфере образования.

В-шестых, каждый участник будет иметь возможность опубликовать плоды своей работы, что явится и стимулом, и потребностью в деятельности вузовского работника.

Секретарь взял в руку очки и не задумываясь сказал:

- А в-седьмых, остановитесь, профессор. Вы здесь без году неделю, а я четвертый год. Коварства афганцев вы не знаете; они с вами могут согласиться, а поступят наоборот. Мой вам совет: поломайте все, что вы соорудили и воплотите свою идею в программе конференции Института общественных наук ЦК НДПА отдельной молодежной секцией. Идите к Петру Васильевичу Дзюбенко, руководителю советского коллектива, передайте ему мое пожелание, он вам поможет.

Воцарилась пауза. Петров смотрел на меня торжествующе. Я неждал вероломства со стороны секретаря и на мгновение опешил, представив деловые, моральные и политические последствия реализации его требования.

- Это невозможно,- твердо сказал я со слабой надеждой на то, что секретарь прибег к юмору или разыгрывает. - Афганский Ученый совет принял решение. Он - высший орган в университете. У меня нет оснований ему не доверять также, как и нет права отменить решение совета. Пока идея была во мне, я мог ею распоряжаться. Теперь она принадлежит афганцам.

— Если вы настоящий советник, имеете авторитет среди них, то сумеете добиться отмены этого скороспелого решения. В противном случае - грош вам цена, как советнику, а между нами - стена.

Я почувствовал в груди нарастание бури негодования. По-моему представлению позиция секретаря должна быть иной - полная моральная поддержка и посильная помощь в осуществлении идеи советника, ведь речь идет о сокровенном для партии - Октябрьской революции. «Здесь что-то не так», - решил я и направился к выходу.

— Вы все поняли, профессор? Сделайте для себя соответствующие выводы.

— Вывод уже сделан - конференции быть! – ответил я и вышел.

Вечером к нам в квартиру пришел подполковник госбезопасности и за чаем, после длительного зондажа политической надежности советника и наставлений по соблюдению режимных порядков многозначительно предостерег:

– А конференцию лучше провести в Институте общественных наук. С мнением парткома следует считаться.

Секретарь парткома, выходит, уже успел поделиться содержанием нашего разговора, перешел к формированию общественного мнения - испытанный партokratический метод. Оперативно. Не случайно подключил офицера КГБ. Давит на психику, напоминает о своем всемогуществе.

Моему возмущению не было предела, и я, с одной стороны, начал искать пути эффективного противоборства с секретарем парткома, а с другой,- оказания помощи афганцам в организации конференции. Лучшим содействием им будет участие в конференции советских преподавателей. Тут опираться следует на свой коллектив. Очевидно, поддержат и советские преподаватели, работающие в медицинском, педагогическом институтах, в автомеханическом техникуме. Самая большая группа советских преподавателей - в политехническом институте. Не исключено, что Лунин будет строить козни. Однако возможность опубликовать свои материалы для настоящих ученых и педагогов станет выше интриг. Невредно было бы предложить участвовать нашим работникам средств массовой информации - журналистам Аде Петровой и Михаилу Лещинскому. Резервы есть. Надо действовать.

Для нейтрализации секретаря парткома следовало бы использовать партийных советников. Лучше бы, конечно, выйти сразу на самого главного - Виктора Петровича Поляничко. Он живет рядом. Но как к нему подкатиться. Тот краткий разговор, который произошел с ним на улице в порядке знакомства, не давал основания обращаться к нему с дерзкой просьбой остановить Петрова. К тому же, как случайно удалось узнать, Поляничко ранее был секретарем Ростовского обкома партии, а Петров - заведующим Домом политехнического просвещения Ростовского обкома. Не исключено, что последний - кандидатура первого.

Если Поляничко поддержит Петрова, тогда ситуация значительно осложниться. Лучше не обращаться, не увеличивать количество противников.

В тот же вечер, выйдя с женой на ставшую уже традиционной прогулку перед сном, встретил партийного советника Грицаю. Он всегда приезжал с работы поздно. Его аскетический вид словно внушал окружающим: партийная карьера дается ему нелегко.

Не говоря о беседе с секретарем парткома, я спросил мнение Ивана Трофимовича об идее конференции.

– Понимаешь, Григорий Иванович, это дело непростое. Как отнесутся к нему афганцы, сказать трудно. А свою позицию я буду иметь тогда, когда посмотрю программу конференции или хотя бы проект ее.

Мнение Грицаю могло быть продуктом собственной осторожности, но не исключено, что и Петров успел повлиять на его формирование. Когда будет программа, поддержка не нужна. Продолжать разговор не было смысла. Для его прекращения нашелся предлог:

раскатистое, словно говор чудовищно гигантских размеров миллионоголовой змеи, шипение доносилось с небес.

— Что это? – спросил я.

— Это работает наша система «Град». Одним выстрелом поражает все живое на площади в пять квадратных километров. Это в ответ на вчерашний взрыв в Кабуле.

— Стало известно, кто организовал взрыв?

— Этот вопрос адресуй не мне.

Вдруг ощутил я свою вопиющую беспомощность, словно на тех пяти квадратных километрах рядом с афганцами. Тогда я еще не осознавал, что сам являясь объектом действия той самой системы, чуть ли не каждый вечер беспорядочно посылающей смерть на головы незащищенных детей, женщин, стариков. Созданная подавлять, уничтожать, она, система, не может не существовать без постоянного нанесения удара другим, и не важно находятся они внутри или вне ее.

Круг возможностей проведения конференции катастрофически сужался. Спасение ее переходило полностью в руки афганской стороны и советских специалистов. На первую Петрову повлиять нелегко. Его позиции в университете слабые. К тому же ректор Хабиб имел существенную самостоятельность в суждениях и действиях. Факторы обнадеживающие. Петров мог перекрыть поддержку советских коллективов. Это делается просто: приглашаются руководители контрактов и секретари партийных бюро (можно и профбюро) по любому поводу, а между прочим говорится: «Советник университета затеял конференцию. У парткома, посольства и Аппарата экономического советника сложилось мнение о нецелесообразности такой конференции. Время не то. Гончарук не опытен в этих делах, не понимает психологию афганцев, их коварства, слепо доверился им и этим самым поставил под удар наш авторитет. Мы, конечно, не имеем права приказывать нашим специалистам не участвовать в этой аванюре, но сообщить свое мнение вам, руководителям советских коллективов, обязаны». После подобного «обмена мнениями» вряд ли найдется руководитель, посмевающий послушаться свое начальство. Это в Союзе немыслимо, а за рубежом - вдвойне.

Правда, был в этой ситуации обнадеживающий факт: коллективистские партийно-профсоюзные структуры прошлогодние не сохранились, а новые не созданы. К тому же в коллективах много новичков, впервые пребывающих за рубежом, не пуганных угрозами «отправить домой», сохранивших еще домашнюю вузовскую психологию, позволяющую участвовать в научных конференциях без предварительного разрешения парткома.

Выход один: не потерять темп, сжать, без того куцые, обстоятельствами отпущенные сроки на подачу заявок и тезисов докладов и выступлений советских преподавателей, бороться за них групповыми и индивидуальными методами, у кого прямо просить поддержки, у кого косвенно, подчеркивая гарантию публикации материалов. Дело взяло старт. Предсказать его финиш я не мог. Однако твердо знал одно: успех его во многом зависит от количества рационально потраченной энергии.

ХАЗРАТ

На следующий день около десяти утра ко мне в кабинет вошли три советских преподавателя философии: профессор Владимир Александрович Ассеев из Ленинградского университета, доценты Турсун Хафизович Габитов из Алма-Аты, Владимир Федорович Соляник из Киевского автодорожного института и заведующий кафедрой философии, афганец Гулям Хазрат Набипур, превосходно владеющий русским языком.

Они просили оказать помощь в восстановлении учебной дисциплины - основы социально-политических учений, сокращенной какими-то тайными силами в прошлом учебном году. Хазрат показал письмо декана экономического факультета, в котором

говорилось, что в соответствии с устным распоряжением министра высшего и специального образования Гияси эта дисциплина в расписание не включается. По мнению кафедры, в условиях чрезвычайной политизации молодежи не следует лишать студенчество возможности познать основы политологии и сущность происходящих в мире процессов.

Мне была понятна их озабоченность. К тому, что сказал Хазрат, я мог добавить: сокращение учебных часов на кафедре оставит без куска хлеба ряд преподавателей. Однако я этого не сделал. Не сказал и того, что уже выяснил, где собака зарыта. Из протокола (1987 г.) заседания объединенного партийного комитета партийных организаций советских учреждений мне стало известно, что инициатором упразднения общественной дисциплины был мой предшественник, физик по образованию, докладывавший на названном заседании парткома. Его идея была подхвачена в ЦК НДПА.

Еще во время своей второй беседы с министром я понял, что Гияси с болью в сердце отдавал это распоряжение о ликвидации, поскольку не мог возразить секретарю ЦК НДПА Хайдару Масуду, передавшему чье-то мнение или решение об упразднении основ социально-политических учений не только в университете, но и во всех вузах Республики. Мое мнение было следующим: в сложившейся ситуации у кафедры есть единственная инстанция, к которой можно апеллировать - это сами студенты. Если бы удалось провести опрос студентов тех курсов, которые уже прослушали и сдали экзамен по основам социально-политических учений, то, в случае положительных результатов, у кафедры были бы аргументы для дальнейшей борьбы за восстановление отнятого учебного предмета.

Хазрату эта мысль понравилась. Он охотно принял ее к внедрению.

Другие вопросы, поднятые в беседе за чаем, были, как мне показалось, менее значительными. Ассеев предлагал встретиться с деканом историко-философского факультета Кештмандом, братом председателя Совета Министров Афганистана, просто так, для знакомства, Габитов - о расписании. Соляник много курил и только изредка многозначительно поддакивал тому или другому участнику беседы. Однако все пожелания собеседников я обещал изучить и по возможности реализовать.

Мне доводилось встречаться с Хазратом неоднократно не только в своем кабинете, но и на заседаниях кафедры философии, которыми руководит всегда внешне спокойный, с несколько приглушенным голосом хазарец, обладающий теми сглаженными монголоидными чертами лица, которые иногда можно встретить среди населения европейской части России. Невысокого роста, всегда опрятно одетый, иногда в другом костюме, Хазрат в свои тридцать лет казался мудрее пятидесятилетних. В прошлом, при Амине, он как и весь его двухмиллионный народ, преследовался. Говорили, что Хазрат сидел в тюрьме по причине принадлежности или искусственного причисления его к маоистской группе.

По уровню мышления, постановки проблем Хазрат выделялся не только среди молодых членов своей кафедры, но и среди значительно старших советских преподавателей, работающих вместе с ним. Я был свидетелем такого случая. Из Минвуза Республики позвонили ректору и передали просьбу министра подготовить ему доклад на конференцию. Ректор, не задумываясь, поручил писать его Хазрату.

Однако у Хазрата не было ученой степени. Он несколько раз пытался поехать в СССР и поступить в аспирантуру, но ему отказывали по различным предложениям. Когда же в частной беседе я спросил проректора, по какой причине Хазрату Набипуру не разрешают учиться в аспирантуре за рубежом, мне ответили: «Партия готовит кадры прежде всего для себя». Понятно, что ярлык маоиста служил главным поводом для отказа. А причиной могла служить и межнациональная неприязнь.

К сожалению, национальный фактор в Афганистане играет весьма существенную роль. Чтобы выжить малым нациям, подобно хазарейцам, необходимо спланиваться. Рассказывали, что хазарейцы сильны национальными связями, они якобы помогают друг

другу еще больше, чем евреям. Благодаря национальной солидарности и, конечно, деловым, политическим качествам, хазарейцы занимают видные посты в партии и государстве. В мою бытность в Афганистане хазарейцы были представлены в лице Председателя Совета Министров Кештманда, в одно время занимавшего пост секретаря ЦК НДПА, заместителя Президента Республики Сароби, который до этого непродолжительное время занимал пост министра высшего и специального образования.

Как позже выяснилось, таких как Хазрат Набипур, способных и желающих учиться в СССР было много. К различным политическим причинам, препятствующим выезду за границу, добавился не менее значительный фактор – ограниченность сметы, советские возможности.

Стремление молодых одаренных людей продолжить учебу за границей сопровождалось опять-таки различными домыслами циников, распускающих слухи, что основной целью зарубежных поездок является спекуляция дефицитными товарами.

Задумываясь над судьбой Хазрата Набипура и ему подобных, я все крепче утверждался в мысли о необходимости открытия аспирантуры в Кабульском университете. Она и только она могла привести этот крупнейший в Центральной Азии вуз к научной самостоятельности и способствовать раскрытию дарований многих афганцев. Высказывания об открытии аспирантуры имели место едва ли не с самого момента образования университета. В отчетах моего предшественника эта идея присваивалась ему и его коллегам. Однако дело далее слов не продвинулось.

Хазрат не заискивал перед руководством, не проявлял верноподданческих чувств к советским преподавателям. Когда один профессор из Ленинградского университета, он же и самозванный советник факультета, в течение одного заседания кафедры несколько раз домогался рекомендации к печати своих методических пособий, Хазрат, руководивший заседанием, тактично ему отказывал, ссылаясь на обоснованное решение кафедры не публиковать их. Когда же началось еще резче выражаться недовольство студентов лекциями этого профессора, то в ректорате появилась бумага, в которой под благовидным мотивом сообщалось о том, что пребывание профессора на кафедре нецелесообразно.

Хазрат проявил недюженные организаторские способности и оперативность при анонимном анкетировании студентов старших курсов на предмет их отношения к дисциплине основы социально-политических учений.

Спустя две недели после разговора в кабинете советника, Хазрат с большой кипой анкет сообщил на заседании кафедры философии о том, что из двух тысяч опрошенных юношей и девушек старших курсов около 80 процентов подали голос в защиту названной учебной дисциплины.

Этот факт сыграл решающую роль в восстановлении основ социально-политических учений. Министр Гияси радовался таким результатам. Я попросил участников заседания кафедры поручить мне написать новую программу курса, отражающую место Афганистана в мировом политическом процессе и основные факторы политической ситуации в ДРА. Неделю спустя, на очередном заседании кафедры программа была утверждена.

Хазрат внешне спокойно воспринимал тревожный завтрашний день своей родины, вполне осознавая, что в случае победы моджахедов, а, возможно, раньше, после вывода советских войск, ни его предмету, ни кафедре, насчитывающей около двадцати преподавателей, в университете не быть. Однако делал все, чтобы преподавание не ухудшалось, а молодые стремились в ученые.

Хазрат... Что-то непознанное мной, глубоко тайное, но вызывающее уважение своей положительностью было в нем. Спасибо ему, он первым подтолкнул меня к активной работе по организации аспирантуры, явился своеобразным катализатором мысли по обеспечению кадровой и научной независимости университета.

Прости, Хазрат, за то, что не все наши планы осуществились. Ты сам видел, с кем мне

приходилось трудиться, какая жизнь была у меня в последние месяцы нашей с тобой работы. Меня лишили возможности дочитать учебный курс студентам, за который мы с тобой успешно боролись, запретили встречаться с тобой и другими моими аспирантами. Мне суждено было стать твоим руководителем в аспирантуре, но не суждено присутствовать на защите твоей диссертации.

ТОЛЬКО ДОБРЫЕ ДЕЛА ДОСТОЙНЫ РАДОСТИ

Не вижу необходимости детально описывать наши заботы в подготовке конференции. Кто занимался когда-либо этим хлопотным делом, тот поймет нас без лишних фраз. Кто не сталкивался с трудностями и даже существенным риском, организуя мероприятие такого масштаба, тому я не сумею передать всего многообразия работы. От волнения в ожидании реакции на приглашение к участию, подготовки программы, собственного доклада до проверки работы микрофона, которыми заняты ответственные исполнители постановлений, учредителей и решения организационного комитета.

Остановлюсь на нюансах, совокупность которых может отразить ряд особенностей конференции. Во-первых, оргкомитет конференции состоял исключительно из афганцев. В него вошли В. Гияси, член ЦК НДПА, министр высшего и специального образования ДРА – председатель оргкомитета; М. Дауд, секретарь ЦК ДОМА - заместитель председателя оргкомитета; А. Хабиб, член-корреспондент АН ДРА, ректор Кабульского университета - заместитель председателя оргкомитета; М. Гафари, член-корреспондент АН ДРА, ректор Института общественных наук при ЦК НДПА - член оргкомитета; М. Хелали, член-корреспондент АН ДРА, ректор Кабульского политехнического института - член оргкомитета; М. Салим, ректор Института молодежных кадров при ЦК ДОМА - член оргкомитета; М. Эджози, член-корреспондент АН ДРА, ректор Кабульского медицинского института - член оргкомитета; Г. Алинур, ректор Кабульского педагогического института - член оргкомитета.

Комитет получил заявки на участие в конференции от 17 организаций, заведений и учреждений, от ученых и преподавателей учебных заведений Германской Демократической Республики, Ирана, Кубы, Народной Республики Болгарии и нашей страны, работавших в вузах Афганистана.

На мой взгляд, объективная оценка конференции содержится в отчете о ее проведении, представленной оргкомитетом. В нем, в частности, говорится: «Согласно программе в конференции приняли участие 292 человека. Из них 186 - афганцы, 84 - советские ученые и специалисты. Состоялось два пленарных и 12 секционных заседаний. На них выступили 145 человек. Большинство сообщений были подготовлены афганскими и советскими специалистами совместно. В связи с напряженным регламентом многие участники представили свои выступления в письменной форме»¹.

Среди советских участников конференции можно было видеть и советника Кабульского медицинского института Георгия Ивановича Ходоровского, и репортера Центрального телевидения Аду Викторовну Петрову.

Еще один абзац из отчета оргкомитета: «На открытии конференции выступили с приветствиями член-корреспондент АН ДРА, ректор КУ доктор А. Хабиб, член Политбюро, секретарь ЦК НДПА доктор Х. Масуд, с докладами - член ЦК НДПА, зав. отделом здравоохранения Башармаль «О задачах молодежи в условиях национального примирения», член ЦК НДПА, министр Минвуза РА Бурхан Гияси «Основные направления афгано-советского сотрудничества по подготовке специалистов», секретарь ЦК ДОМА Дауд Мазьяр

¹См.: Великий Октябрь и молодежь Афганистана. (Материалы Всеафганской научно-теоретической конференции, представленные на русском языке. 1-4 ноября 1987 года) Кабульский университет. Кабул, 1987, с. 6.

«ДОМА - активный помощник НДПА в деле осуществления политики национального примирения», советник университета, доктор исторических наук, профессор Г.И. Гончарук «В. И. Ленин о факторах развития революционного движения молодежи»²

Радовали практические рекомендации, принятые на заключительном пленарном заседании, подготовленном по итоговым докладам руководителей секций. Были отмечены сильные стороны и недостатки конференции. Все сошлись на том, что конференция достигла цели. Она освещалась в печати и по телевидению. Многотиражная газета «Кабульский университет» посвятила Пленарному заседанию первую страницу. На четырех фотографиях виден весь зал на 500 мест. Он заполнен участниками. За трибуной Масуд и Башармаль. Во втором ряду слева на первом плане наш М.Н. Мамадназарбеков и другие¹.

Однако основным документом, свидетельствующим о работе конференции и позволяющим дать более реалистическую оценку, явился сборник материалов. Согласно решению оргкомитета, выступления печатались на языке оригинала. Так появилась идея подготовки сборников на дари и русском языках. Последний было поручено готовить советским преподавателям. Он получился объемом более 10 печатных листов или 190 страниц большого формата.

Не могу обойти роль конференции в проявлении нравственных качеств наших специалистов.

Выше говорилось о том, что основной оппонент конференции - секретарь объединенного парткома посольства Геннадий Иванович Петров,- делал все, чтобы не допустить ее. Принес он немало беспокойства, когда отказался прийти на ее открытие в ответ на приглашение оргкомитета. Только личная просьба Ивана Трофимовича Грицяя и телефонное обращение министра Гияси способствовали осознанию Петровым своего назначения. Однако хотя он и сидел в президиуме конференции, имея программу и материалы, это не помешало ему подписать документ, где утверждается, что конференцию провели советские специалисты.

Помню, на второй день работы конференции я отпросился у руководителя нашей секции Хабиба, чтобы посетить ту, где будет выступать моя жена. В ожидании ее очереди с большим удовольствием слушал выступления афганцев. Одни это делали на дари с переводчиком, другие предпочитали говорить на русском. Особенно содержательным и эмоциональным было выступление Фаузик Манаври, соавтора нашей Светланы Ивановны Крыловой. Ее доклад «Ознакомление с советской действительностью на уроках русского языка в афганской аудитории» вызвал заслуженные аплодисменты. Поэтому для меня было большой неожиданностью выступление доцента Михаила Георгиевича Шарце на заседании Совета советских специалистов Кабульского университета, где обсуждались итоги участия наших преподавателей в конференции. В краткой протокольной форме его выступление сводилось к следующему: «...Надо обратить внимание на то, что никто из афганцев не выступал. Темы некоторых докладов носили медицинский характер. Например, лечение минно-взрывных ран»¹.

В его оценке меня поразило несколько моментов: во-первых, откровенная ложь в отношении того, что афганцы не выступали; во-вторых, извращение проблемы названного им доклада (в действительности он имел социальный, а не медицинский характер - «Сотрудничество афганских и советских врачей при лечении минно-взрывных травм»); в-третьих, разительное бесцеремонное обращение кандидата юридических наук, доцента с фактами.

Было здесь еще одно обстоятельство, которому нельзя не придавать значения. Шарце

² См.: там же, с. 7.

¹ См.: Газета «Кабульский университет», 12 ноября 1987 года,

¹ См.: Протокол № 1 заседания Совета советских специалистов Кабульского университета от 22 ноября 1987 года, с. 1.

был заместителем секретаря партбюро, имел в посольстве, среди работников КГБ, прессы знакомых, часто посещал посольство, даже в нарушение инструкции по безопасности. Не исключено, что он знал отношение к конференции секретаря парткома Петрова. Но, мягко говоря, обращение Шарце с фактами, его поведение, напоминающее слона в посудной лавке, вынудило меня поставить вопрос о достоверности его утверждений на заседании партийного бюро, на Ученом совете и на партийном собрании 29 ноября, где он бездоказательно привел такой тезис: «Тов. Гончарук Г.И. в своих высказываниях допускает презумпцию недоверия к людям»². Шарце принес извинения.

Выступивший на указанном заседании совета доцент Владимир Федорович Соляник дал прямо противоположную оценку: «Явления в чистом виде не бывает. Конференция сыграла выдающуюся роль в политической жизни Афганистана. Я на секции сидел один советский. Гафари зажег аудиторию. Загорелась дискуссия. Были прямо заинтересованные люди из ДОМА. Конференция удалась, хотя она прошла не без недостатков. Нужно было сделать анализ недостатков»³.

Странно вел себя профессор Таджикского университета Мамадер Назарович Мамадназарбеков. Например, войдя в состав редколлегии, не помог отредактировать ни одной странички, более того, его личные материалы принесли много хлопот доценту Людмиле Павловне Апполоновой, которая их редактировала. Или еще: обратился с просьбой вместо одного выступления на конференции поместить в сборнике три. А как понимать разночтение его оценок конференции? Выступая на указанном заседании совета, он сказал: Истина проявится в сравнении. Я участвовал в работе не одной конференции и не одной секции. Мы заинтересовали афганцев той частью, которую они раньше бойкотировали. В ИОН помпезности было больше - у нас больше рабочей атмосферы. Научный уровень был выше, чем в ИОН и чем у нас в прошлом году. Конференция удалась. Надо довести все до конца. Должна быть хорошая публикация. Тот, кто дал тезисы, но не пришел, должен быть отторгнут». Однако в отчете, подписанном Мамадназарбековым восемь месяцев спустя, сказано противоположное: «Перечисление большого количества авторитетных афганских политических организаций и министерств отнюдь не компенсировало научной некомпетентности большинства статей... Но самый главный их недостаток - низкий теоретический и методический уровень»¹.

Здесь следует обратить внимание на три безнравственных момента: отрицание Мамадназарбековым самого себя; присвоение себе права судить о всех материалах по самым разным проблемам; приписывать несуществующие показатели, чтобы потом их критиковать - конференция не была методической, а в сборнике не было статей.

Нелогично вел себя доцент логики и психологии Виталий Алексеевич Терентьев. Когда формировалась программа конференции, он ее проигнорировал. Когда же встал вопрос о публикации материалов, он проявил такой напор, проталкивая своих несколько не состоявшихся выступлений, что перед ним не устояли ни афганская, ни советская стороны. При этом он успешно использовал свои знания психологии добрых людей.

Были случаи прямо противоположные по форме, но по существу тоже нравственно не оправданы. Трое наших преподавателей русского языка Татьяна Александровна Архипова, Любовь Степановна Ванина, Татьяна Викторовна Смирнова подали заявки в соавторстве с афганскими партнерами на участие в конференции. Но не выступили и не представили текста своих сообщений. Их поведение может иметь различные мотивы, но бесспорно одно: они не помогли афганским коллегам опубликоваться, что очень важно для статуса и, соответственно, зарплаты последних. Грустно и то, что именно эти трое наших любители

² См.: Протокол № 6 заседания партийного бюро организац.:! советских специалистов Кабульского университета от 1 декабря 1987 г., с. 3.

³ См.: Протокол № 1 ... с. 1.

¹ См.: Протокол № 1 ... с. 2

говорить о своей бескорыстной помощи афганским коллегам в повышении теоретического и методического уровней последних. Не вышло и то, что, не желая участвовать в конференции, Смирнова, как партгруппорг пыталась вписать в характеристику Архиповой участие, которого не было.

На этом можно было бы закончить, если бы еще не одно обстоятельство. Имею в виду выступление на партийном собрании нашего коллектива 29 ноября 1987 года куратора Минвуза СССР Владимира Александровича Ларионова - оппонента конференции. Оно напоминало неприятную отрывку после вкусного обеда. Снова начал говорить о просчетах конференции. В подтверждение своей оценки он привел чьи-то данные о том, что на заключительном пленарном заседании в зале на пятьсот мест имелись свободные стулья. Из протокола его выступления это не вытекает (умеют наши партийцы писать официальные бумаги). Однако на содержание его выступления проливает свет реплика Апполоновой: «Я считаю необоснованным упрек в адрес Г.И. Гончарука, что окончание конференции было неудачным, потому что на итоговом заседании присутствовало мало народу. Это явление обычное. В последний день люди начинают разъезжаться, выходят на работу. О результативности конференции нужно судить по работе секций, по уровню докладов, по тому резонансу, который она имела»¹.

Нет, Ларионов не оговорился. Линию секретаря парткома он выдерживал. Особенно это четко проявилось, когда Центральный комитет Демократической организации Афганистана обратился в Аппарат экономического советника с просьбой дать согласие на награждение советника Гончарука - инициатора, активного участника и организатора конференции в числе других медалью «Слава». Согласия с советской стороны не последовало. Было ясно: мои руководители-оппоненты не простят мне ослушания - конференция проведена против их желания. Ларионов дал понять моим подчиненным, что песенка моя спета. Пора определиться преподавателям: с кем они - с Гончаруком или с руководством.

Несмотря на желание моих оппонентов повернуть конференцию против меня, то есть доброе дело - против его инициаторов (метод весьма распространенный в нашей партии и государстве), в душе моей преобладало удовлетворение.

Я знал: конференция будет присутствовать в жизни каждого участника, влиять на его судьбу, а эти публикации особые - в пылающем Афганистане. Каждая печатная работа остается с автором на всю жизнь, обогащая, украшая ее. Хотя бы того коллеги или нет, но их новым поискам в Афганистане в данном случае дало толчок мое начинание.

Не последним аккордом в моей радости было и то, что, вопреки позиции советской стороны, афганцы в числе десяти участников конференции наградили меня медалью. Вопреки указаниям Ларионова я все-таки явился на церемонию вручения.

ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ СТРАНЫ ВРАЖДЕБНОЙ

После выступления Ларионова на партийном собрании, прозвучавшего диссонансом, и требовавшего от меня больше прислушиваться к его, Ларионова, указаниям¹, мне стало ясно, что в моей жизни в Афганистане начинается черный этап.

Собрание единогласно одобрило мой отчет и поддержало мои начинания. Но было понятно, что такое единодушие коллеги проявили по отношению ко мне в последний раз. Даже в Союзе непосредственный руководитель, лишенный поддержки сверху, обречен на провал или на унижительное существование. И будь ты семи пядей во лбу, без

¹ См.: Протокол № 2 партийно-профсоюзного собрания парторганизации советских специалистов Кабульского университета от 29 ноября 1987 г., с. 7.

¹ См.: Протокол № 2 партийно-профсоюзного собрания парторганизации советских специалистов Кабульского университета от 29 ноября 1987 г., с. 6.

благосклонного расположения верхов обречен на мгновенный позорный уход или мучительное прозябание, которое неизбежно завершится потерей энтузиазма, погружением в апатию.

Надежда, которую вселяют на первых порах низы в твоей борьбе с верхами, угасает в прямой зависимости от ослабления поддержки масс, вызванных твоими неудачами, запрограммированными вверху.

Еще драматичнее эти связки в наших системах за рубежом. И не думай обращаться с какими-либо жалобами - будет хуже. Те, кто тебя преследуют, не одиноки. Можно смело утверждать, что в советских учреждениях за рубежом на руководящих должностях находятся в основном те, у кого надежная «крыша». В этом их сила, в этом источник произвола, амбициозности и несчастье подчиненных. Слово «наш человек» - словно пароль для автоматической поддержки его со стороны таких же сидящих под «крышей». И горе тому, кто попытается среди этих кланов искать правду. Кто сосчитает, сколько было таких безумцев и чем они закончили свою борьбу? Утверждаю это не только на основании своих наблюдений, но и по рассказам лиц, работавших в других странах. Одним из доказательств можно взять, например, тот факт, что гласность коснулась работы всех партийных, государственных органов, даже КГБ, но только не нашего внешнеполитического ведомства. Под знаком государственной тайны там неизбежны произвол и самоуправство.

В очень бесправном положении находятся наши специалисты за рубежом. Никто с ними не подписывает контракты. Никто не гарантирует им условия и сроки пребывания. Никто им не напишет, куда обратиться за поиском истины, за защитой от тамошних советских чиновников.

Если ты попадешь «под колпак», чиновники так тебя обделают снизу и сверху - сплетнями, интригами, провокациями и «документально», что твои дети могут отказаться от тебя, не говоря уже о знакомых, товарищах по работе.

Дома до отъезда в Афганистан мне доводилось конфликтовать с партократической бюрократической системой. Хоть ей не удалось тогда меня сломить ввиду нестабильности верхних эшелонов (было время клича: все умрем генсеками), а следовательно, неуверенности в завтрашнем дне, или, возможно, в силу других причин мной пока не проанализированных, однако мне стала известна нечистоплотность карьеристов-бюрократов. Правда, я был уверен, что мои беды исходят не от системы, а от случайных людей в местных партийных и советских органах и достаточно их заменить, как восторжествует нравственность. То была наивная вера, чем-то напоминающая веру угнетенных крестьян в доброго царя.

Выступление Ларионова на партсобрании, основанное на домыслах, искажении фактов и на желании во что бы то ни стало скомпрометировать меня, мгновенно воскресило в памяти аналогичное событие в моей жизни ранее и связало в единое целое поведение чиновников-земляков и чиновника-москвича.

Здесь следует сказать о себе. Воспитанный кристально честным отцом, бесхитростной сельской школой, а затем офицерским училищем на произведениях Пушкина, Лермонтова и Шевченко, я абсолютно был бессилен перед ложью и подлостью. В былые времена мне бы не избежать дуэли. К сожалению, в советские годы честь и достоинство лишены какой-либо реальной защиты. Поэтому у меня укоренился один метод: подальше от лживых людей. Из-за лжи я уволился из армии в чине старшего лейтенанта, оклеветанный ушел из Одесского госуниверситета, в Одесском же политехническом институте по причине отсутствия угла для отступления пришлось дать бой, который дорого мне обошелся - десять лет добивался рекомендации к защите докторской диссертации.

Давать бой своим в Афганистане было делом безнадежным. Один в поле, даже в горах не воин. Поддержка временного коллектива - фактор временный. Завтра собрание может принять другое решение. Выступления Ларионова, несомненно, должны были возыметь тяжкие последствия для коллектива. Чиновник подал пример безнаказанной

фальсификации фактов, определил неугодного ему человека. Этим самым он растравил низменные чувства склонных к клевете людей, отвлек их от созидательного труда, стал генератором и тайным дирижером вакханалии в коллективе.

Оставалось два выхода: или идти с повинной к секретарю парткома по принципу «прости меня мила, что ты меня била» и стать в дальнейшем безоговорочным солдатиком, или же отступить, точнее, держаться от них подальше. Первое противоречило моей хохлацкой натуре, которая «у чуждых пощады не просит». Второе, хотя и сулило душевные драмы, соответствовало более моей сущности. Выбор сделан.

На следующий день я отвез в посольство заявление с просьбой освободить меня от занимаемой должности, текст которого будет приведен в последней главе.

Прежде чем перейти к дальнейшему освещению событий, расскажу о реакции на мое заявление, ибо она явилась еще одним свидетельством богатого арсенала бюрократов по обработке и укрощению строптивых, существенным штрихом в спектре условий, в которых пришлось работать. Это произошло 2 декабря 1987 года. Приведу запись из дневника: «Позвонил Эноят (в кабинет) и сказал, что пришли сотрудники МГБ и через 20 минут арестуют моего шофера Нуриддина. «Почему?» - спросил я. Он сказал: «Завтра - послезавтра готовилось ваше похищение». Через некоторое время пришел водитель автобуса, который возил специалистов, и стал упрасивать меня заступиться за Нуриддина (переводила Фатима). Я ответил, что у меня к Нуриддину претензий нет, но вмешиваться в афганские кадровые дела я не имею права».

После обеда вызвал Гушин. Долго говорил о собрании, о том, что мой отчет ему понравился. Новаторский и вместе с тем самокритичный. Выступающие были мелочны. «Ларионова я беру на себя. Больше он такие оценки, давать не будет», - подчеркнул Гушин.

Затем он повел меня к экономическому советнику А.Ф. Петрову. Тот, как всегда, говорил весело и крепкими словечками. Сущность беседы была такова: послу, экономическому советнику, парткому мои начинания нравятся, они действительно перестроечные. Однако с заявлением горячиться не надо, есть вопросы поважнее. Он поведал, что посол удовлетворил мою просьбу, высказанную у того на совещании, велел запланировать на 3-4 человека - руководителей аспирантов, как я просил, и даже пять на случай экстремальной ситуации. Что на меня возлагается большая надежда в открытии аспирантуры в университете. Это открытие рассматривается как важная политическая акция. Он сказал: «Григорий Иванович, вы теперь уже наш...».

Приехал в городок. (Меня сопровождал Макхамов Негмат, научный сотрудник АН Узб. ССР, невысокого роста, приятный, добросовестный человек). На проходной ждал Н.И. Игошин. Видно волновался, тревожился догадками, с чем я приеду. Сразу спросил, где заявление? Я достал из кармана обрывки бумаги. Мы зашли к нам. Пили чай и беседовали. Н.И. спросил меня, не является ли случайным совпадением арест шофера и болезнь Киманшо (моего переводчика и сопровождающего - Г.Г.). Ведь они были друзьями. Он посетил Киманшо в больнице и ему показалось странным поведение того (дрожали руки и т.д.). Есть над чем подумать. Мне показалось, странным и то, что накануне (перед болезнью) ареста шофера Киманшо уклонился под видом дежурства от выхода на работу. Я был вынужден ехать на работу и с работы автобусом».

Не буду кривить душой – я поверил Петрову и Гушину и порвал при них заявление. Деловая позиция посла - основная тому причина. Но верили в то, что говорили сами организаторы беседы? Видимо, нет. Вот доказательства. Заявление к их удовлетворению я порвал, однако, как позже выяснилось, они запаслись отличными ксерокопиями моего заявления. Зачем? Если они не лицемеры, то как их назвать? Есть здесь еще один показатель безнравственности, образчик амбициозной монополии на истину, столь распространенный среди бюрократов. В своем доносе на меня в Госкомобразование Ларионов, который не присутствовал на указанной беседе, утверждал, что Гончарук осознал свою ошибку и обещал

впредь подобного не совершать¹. Если Петров и Гушин так извратили сущность нашей беседы - их грех. Однако из справки Ларионова иного источника, кроме как присутствия автора, не просматривается. Кто из них лучше? Разве они не одного поля ягода? Не трудно догадаться, сколько Ларионов, работая ранее в райкоме, написал подобных справок на людей; которых надо было сломить.

Ну, да Бог с ними.

Выше упоминалось о том, что разговоры об открытии аспирантуры велись давно, едва ли не с начала работы университета, т.е. с 30-х годов нашего столетия. Порой они настолько были интенсивными, что несведущим казалось: аспирантура существует. В этом можно убедиться, просмотрев отчеты преподавателей нашего контракта прошлых лет. Однако эти документы свидетельствовали не о функционировании аспирантуры, а о великом соблазне наших ученых быть руководителями мифических аспирантов. Еще бы! У себя на родине, видимо, у многих такой возможности ввиду недостаточного научного авторитета не было. А тут, пожалуйста, напиши в отчете, что руководил и поверят. Кто его станет проверять?

В действительности все было сложнее. Для решения проблемы подготовки научных кадров через аспирантуру необходимы, как минимум, три фактора: наличие магистерского потенциала, руководителей-ученых и деньги. Первые два к указанному времени созрели. Переход университета несколько лет назад к реализации магистерской программы обеспечил, так сказать, квалифицированный массив для отбора кандидатов. Второй фактор формировался в основном за счет афганских ученых, он мог бы усилиться работавшими в университете и иностранными учеными, в том числе и советскими. Я располагал цифровыми данными по первым двум факторам. Эти сведения мы получили в результате большой работы по расчету штатов на кафедрах и факультетах, проведенной при участии наших доцентов Игошина и Слепоморого по просьбе министра Гияси.

Для создания третьего фактора необходимы были значительные хлопоты. Прежде всего, со стороны ректора. Однако Хабиб упорствовал. Он пытался, ссылаясь на традиции, доказать, что афганцам выгоднее заниматься в иностранных вузах, которые располагают более высоким научным потенциалом. Но Хабиб не был до конца искренним. Для многих афганцев поездка за рубеж по любому поводу выгодна с коммерческой стороны. Это в свою очередь затрудняет отбор лучших студентов.

Мой дневник «хабибовского периода» буквально испещрен записями бесед с ректором об актуальности открытия аспирантуры. Во-первых, наличие аспирантуры в Кабульском университете не исключает посылку афганцев в зарубежные вузы. Во-вторых, лимиты на прием в аспирантуру в зарубежных вузах, в том числе советских, удовлетворяют только незначительную часть желающих и необходимых для страны будущих ученых. В-третьих, посылка за рубеж осуществляется с разрешения органов госбезопасности. При наличии национальных, партийных и Аллах ведает еще каких противоречий и интриг многим по политическим мотивам уже не раз отказывали не только учиться за границей, но даже защищать там диссертации. Я приводил ему фамилии многих афганцев, в том числе и Хазрата, которым под различными благовидными предлогами отказано выехать за границу.

Незавидная судьба этих людей, в частности Хазрата, побудила меня включить в свой доклад на пленарном заседании конференции такие строки: «С молодежью, которая ищет правильный путь, совершает порой просчеты, горячие высказывания, не следует воевать. Это было бы непростительной ошибкой. Если молодой человек заблуждается в поисках истины, то это не его вина, а его беда. И виноват не он, а старшее поколение, которое не помогло вовремя ему разобраться в дремучем лесу социально-политических, идеологических, морально-психологических сложностей. Иногда бывает так: приклеили много лет назад какому-либо молодому человеку ярлык, например, «маоиста» или другого оппортуниста по

¹ См.: Справка об основных событиях, связанных с работой -г. Гончарука Г. И., в Афганистане. 2.04.88 г. Ларионов В. А.

его непониманию сущности, и не снимают этот ярлык до старости. Человек сразу разобрался в своем заблуждении, осудил маоизм, стыдится своего заблуждения, делом доказал, что никакой он не маоист, а ярлык снять некому, не хватает ни мудрости, ни мужества»¹.

«А если учесть, что у целого ряда из них уже готовы диссертации, то это безнравственно по политическим мотивам губить таланты - достойные нации, народа», - пытался я убедить Хабиба. Нелишне будет сказать, что верные исламской нравственности родители и мужа неохотно отпускают женщин в чужие страны.

С каким трудом решался вопрос об аспирантуре, можно судить по дневниковой записи 8 декабря 1987 года. Приведу ее полностью, чтобы полнее воскресить не только сущность, но и условия рождения сущности. «Уехал без 10 минут девять, без переводчика с Ниной и Саловой. Безопасность взял на себя. Пистолет начинает надоедать. Он - за ремнем брюк, на шве от аппендицита. Когда сидишь в машине - рукоятка давит в печень. Зимой его удачно закрывает пуловер или жилет. Летом хуже - приходится брать в дипломат, чтобы никто из афганцев не заметил.

Утром зашел к Хабибу. Еще раз настоял на том, чтобы в повестку дня Совета включить вопрос о ходе организации аспирантуры. Пришел Задран (проректор по научной работе). Согласился. На большом Совете университета (9 час. 30 мин.) выступил по указанному вопросу (первый вопрос), подчеркнул, что с организацией аспирантуры Кабульский университет вступает в новый этап своего развития и те, кто серьезно отнесется к организации аспирантуры, будут вознаграждены историей, благодарными потомками. Аспирантура должна стать предметом национальной гордости, достоинством афганцев. До каких пор можно ездить на подножках чужого транспорта, когда есть и научный (руководящий), и аспирантский потенциал. Первые результаты показали, что многие заведующие кафедрами и деканы не знакомы с положением об аспирантуре и не откликнулись на просьбы целого ряда желающих поступить в нее. Поэтому необходимо еще раз вернуться к этому вопросу и помочь магистрам, способной молодежи стать аспирантами. В результате энергичных выступлений стало ясно, что моя позиция нашла поддержку.

Третьим обсуждался вопрос о работе кафедры философии (докладывал заведующий кафедрой Хазрат). Вопрос был включен по моей рекомендации. Мне пришлось выступить с большой речью. Начал с известной встречи руководства университета (17 сентября) с Наджибуллой, где при нашем содействии Наджибулла обратил внимание на проблемы кафедры философии. Среди них: отсутствие остепененных преподавателей философии, догматические формы преподавания, пренебрежение к семинарам, дискуссиям, отсутствие учебников, не читается курс диалектического материализма. Как-будто бы нашел понимание. Тяжело воспринимал мое выступление декан теологического факультета...».

После этого заседание по организации аспирантуры со стороны афганцев пошло веселее. Самое радостное было то, что Хабиб «выбил» деньги для аспирантуры, а также две ставки: заведующего аспирантурой и его заместителя. В министерстве приняли предложение ректора, чтобы аспиранты первого года обучения, так сказать, до выявления их способностей и намерений вели небольшую учебную нагрузку - не более шести часов в неделю.

Для меня успех означал полдела. Когда я решал те или иные проблемы с афганцами, я чувствовал за спиной авторитет моей страны. Но не менее важно было заручиться поддержкой, как ни странно это звучит, советской стороны. Зная способность наших руководителей поворачивать добрые дела против их инициаторов, если последние не добились согласия на то первых, я целеустремленно добивался поддержки верхов. На случай отрицательной реакции готовил подкрепление снизу, чтобы сбалансировать позитивное и негативное как минимально необходимое условие дальнейшей работы. То есть готовился

¹ См.: Великий Октябрь и молодежь Афганистана, с. 14. - 52

лететь на одном крыле.

Поддержка низов - важный фактор для руководителя, но, как говорилось выше, она - временный фактор. А за границей - тем более. Ибо материальное благополучие каждого советского специалиста за рубежом в руках чиновников. А это означает, что в их руках базовая основа нравственности подчиненных. В любой момент чиновник сформирует такое общественное мнение, какое он пожелает. Об этом мне приходилось помнить постоянно, особенно после награждения меня медалью «Слава» вопреки позиции посольства и Аппарата экономического советника. Не проходило ни одного совещания секретарей первичных организаций, семинаров пропагандистов, где бы секретарь парткома не мазал меня дегтем.

Однако я нуждался не только в моральной поддержке советских специалистов. Дело в том, что следующим за открытием аспирантуры этапом, по моей прикидке, должно стать по мере подготовки диссертаций создание специализированных советов по защите диссертации. Здесь-то, наряду с участием в руководстве аспирантами, советские ученые, работавшие в Кабульском университете и других вузах РА, могли бы внести значительный вклад в решения узловых проблем формирования научных кадров. Вот почему были использованы различные совещания, собрания, беседы, заседания для того, чтобы склонить наших ученых к участию в подготовке аспирантов, соискателей.

Однако сначала - работа по убеждению верхов. Она шла тяжело. 15 ноября 1987 года состоялось конфедериональное совещание у экономического советника. Участвовало двенадцать советников различных контрактов. На нем шла речь о том, что на будущий год в случае вывода советских войск из советских специалистов останется работать не более 200 человек по самым горящим специальностям. На все вузы, в том числе университет, несмотря на мои возражения, планируется ноль специалистов.

В парткоме секретарь с цинизмом утверждал: скоро Ассеев или Мамадназарбеков станет председателем Совета обществоведов и все твои инициативы, профессор, по боку. Он знал, что говорил.

Тогда я пошел на неслыханную дерзость. Вопреки решению у экономического советника, апеллировал к послу. Об этом лучше расскажет дневник за 20 ноября 1987 года. «Пятница. Выходной день, но... В 9 час. 30 мин. совещание у посла. Ехал с Луниным (в его машине). Поздоровался и все. Ехали молча. На совещании присутствовали все советники (как и у экономического советника Петрова А.Ф.). Посол и экономический советник Петров А.Ф. До Совета Петров сказал Гончаруку: «Не зарывайся». Наверно, это означало: «Говори то, что решили у меня на совещании».

Послу сказал об открытии аспирантуры (он не знал!) в университете. Состоялась расширенная беседа между мной и послом в присутствии всех руководителей контрактов (12 человек) о необходимости помощи университету в форме руководства вновь созданной аспирантурой (по нашей инициативе) после вывода ограниченного контингента советских войск (ОКСВ). В порядке аргумента я рассказал о формах влияния западных стран в университете, где и поныне находятся 22 преподавателя и магистра: концентрируется помощь каждого конкретно западного государства конкретному факультету. Например, юридический факультет - Франция, экономический - ФРГ, инженерный факультет - США, сельскохозяйственный - Великобритания и т.д. Они не только создали программы и их внедрили, но и подготовили почти весь преподавательский контингент на Западе, в своих странах, таким образом, превратили их в неприступные бастионы своей идеологии.

Наша помощь, которая осуществляется разрозненным периодом (1-2 человека на факультетах, всего 18), малоэффективна, основные наши предложения и инициативы блокируются. Нам удалось закрепиться на кафедрах философии, политэкономии, новой и новейшей истории Афганистана. Мы полагаем, что созданная нами аспирантура является своего рода прорывом на фронте западной идеологии и науки. Необходимо укрепить позиции и сохранить во что бы то ни стало в будущем. Ценой больших усилий удалось

склонить руководство университета, министерство и ЦК НДПА к открытию аспирантуры в КУ.

Руководили аспирантами, в основном, советские ученые, которых, я полагаю, необходимо при любой ситуации оставить до завершения диссертаций и их защиты. Павел Петрович Можяев поставил целый ряд вопросов, отнесясь с пониманием и поблагодарил за разъяснение. Он сказал экономическому советнику А.Ф. Петрову о необходимости пересмотреть предварительное решение - сократить до нуля помощь университету. Заместитель экономического советника по вопросам экономической помощи сказал, что это невозможно, что университет не заслуживает такого внимания в связи с тем, что он всегда был источником политических гадостей. Я вынужден был возразить и подчеркнуть, что если и были какие-либо выступления, то это результат недостаточной помощи с нашей стороны в деле подготовки кадров и идеологического влияния. Здесь же показал, что, например, японцы с целью обеспечения перспективы своего влияния посылают своих молодых людей учиться в магистратуре Кабульского университета с последующей их командировкой для преподавания в КУ. Посол еще раз напомнил, что речь идет о самом трудном вопросе - подготовке кадров высшей квалификации, поэтому моя позиция заслуживает внимания. И тут же выразил недоумение, почему советник КПИ А.Ф. Лунин с необычной легкостью согласился на нулевой вариант помощи КПИ.

На обратном пути с Луниным всю дорогу молчали».

Именно после этого совещания, твердости позиции посла Можяева я вдруг стал своим для парткома и для Аппарата экономического советника, о чем говорилось в начале главы, в записи дневника от 02.12.87 года. Боже мой, как легко у нас перейти из неудобных в свои. Когда же мои оппоненты будут принципиальны и последовательны?

Не легче было добиться поддержки низов. Тут оппонентами выступили частые посетители парткома и посольства - профессор Ассеев из Ленинграда и доцент Шарце из Москвы. Первый выдвигал какие-то невразумительные причины, второй - бойкотировал мою просьбу о подготовке проектов документов об аспирантуре. В этом можно убедиться, читая протокол партийно-профсоюзного собрания, обсудившего мой ответ о совершенствовании стиля и методов руководства коллективом советских специалистов: *«Ответ тов. Гончарука Г.И. на выступления... Выступление тов. Шарце М.Г. было слишком обтекаемым. Он намекает на то, чего не ведает никто и он тоже. Он сам не выполнил моей неоднократной просьбы составить проект договора аспиранта и руководителя. Я это сделал сам и больше к нему с подобными просьбами обращаться не стану.*

Тов. Ассеев В.А. пытался свести наши разногласия к эмоциям, которых, кстати, у него больше, а ведь он философ, но разногласия - в отношении к идее аспирантуры, которую он пытался похоронить, прикрываясь разговорами о качестве. Как это не спешить? Вы уже третий год в Кабуле, а где результаты?»¹

Этот диалог отразил события до совещания у посла П.П. Можяева. После этого совещания иной оказалась позиция и Ассеева и Шарце. Об этом свидетельствует протокол заседания Совета наших специалистов 22 ноября 1987 года, на котором слушался вопрос *«Об открытии аспирантуры в Кабульском университете». Постановили:* 1. Поддержать инициативу профессора Гончарука Г.И. по открытию аспирантуры в Кабульском университете. 2. Предложить научным руководителям аспирантуры приложить максимум усилий для успешной работы аспирантов и соискателей над диссертациями...»¹

Придет время и также единодушно ими будет принято решение, осуждающее усилия Гончарука...

¹ См.: Протокол № 2 заседания Совета советских специалистов Кабульского университета от 22 ноября 1987 года, с. 3.

К началу 1988 года механизм аспирантуры был в основном смонтирован и начал шевелиться. Мной был разработан проект «Положения об аспирантуре в Кабульском университете. «Хабиб назначил заведующего отделом, его заместителя, секретаря-машинистку и выделил для них комнату. Согласно приказа ректора на ряде кафедр были созданы комиссии для приема вступительных экзаменов и они приступили к работе.

Вскоре начался этап определения тем исследований и научных руководителей. Помню, ко мне приходили советские специалисты Л.Я. Мячина, А.И. Моренко, В.А. Ветроумов с просьбой помочь в приеме в аспирантуру их кандидатур, у которых они намеревались быть руководителями. И я очень сожалел, что не мог оказать им помощь, ибо прием в аспирантуру и определение руководителя - сугубо кафедральное, афганское дело. Ограничивался советами общего плана. К моей радости в дополнительном приказе ректора названные коллеги и их подопечные присутствовали одни в качестве руководителей, другие в качестве аспирантов.

Навестили и меня в разное время три «вновь испеченных» аспиранта: ранее упомянутый Гулям Хазрат Набиपुर, заведующий кафедрой философии, Белкис Гульнаби, пуханер кафедры новой истории и Гулям Ахмат Ван, пуханер Наргархардского университета.

Белкис Гульнаби зашла ко мне со своей коллегой-женщиной. (Она, видимо, старалась быть выше подозрений в безнравственности, всегда заходила с кем-либо из женщин). Среднего роста, с нежным лицом, спокойными глазами, маленьким ртом с алыми губами, тонким, библейским носом, она производила впечатление скромной мусульманки. Русский знала плохо, ее коллега вообще не знала русского, пробовала общаться со мной на немецком, но старания ее были напрасными. Мы оба в такой степени владели немецким, что с большим трудом понимали друг друга. Пришлось пригласить Фатиму, прикрепленную за мной афганской стороной совгражданку¹, пуханера кафедры новой истории.

Белкис - замужем. Муж, бывший заведующий отделом горкома партии, призван в армию и сейчас участвует в боях за разблокирование южного города Хоста. Родной брат тоже там. Имеет двоих детей, закончила исторический факультет Кабульского университета. В составе экзаменационной комиссии я участвовал в приеме у нее экзамена. Помню ее корректные ответы на многочисленные вопросы верных мусульманским традициям ортодоксов, неохотно пускавших женщин в науку. Оценили ее ответы в 80 баллов, что соответствует по пятибалльной системе - «хорошо». Ее интересовала политика национального примирения. По этой проблеме она подготовила материал в сборнике «Великий Октябрь и молодежь Афганистана». Публикация оказалась добротной.

Она получила мое согласие на руководство ее работой над диссертацией. Я предложил двойное руководство - попросить кого-либо из афганских ученых, так сказать, быть соруководителем. Мой мотив был таким: для эффективности и корректности. А сам, грешный, подумал о другом: во-первых, Белкис станет легче работать и защищаться, если кто-то из афганцев будет нести за ее успехи ответственность, а во-вторых, не исключено, что вместе с войсками из Афганистана уйдем и мы, советские специалисты, или мои противники воспрепятствуют моему повторному приезду в Афганистан. Не оставлять же Белкис одну. Моему примеру последовали ряд наших преподавателей и, таким образом, родилась новая форма международного сотрудничества ученых - соруководство аспирантами.

Вскоре все трое моих аспирантов имели планы диссертации. Хазрат составил сам. И весьма удачно. С другими пришлось основательно поработать.

В начале января 1988 года ректор издал приказ о зачислении в аспирантуру и назначении руководителей. Я попросил Киманшо перевести на русский. Он взял приказ и пошел к Хазрату за помощью. Когда я заглянул в приказ, то с грустью увидел, что среди 37

¹ Совгражданками называли тех советских женщин, которые вышли замуж за афганцев и жили в РА.

аспирантов нет фамилии Хазрата. Что и говорить, органы безопасности свое дело знают - «маоисту» нет места среди ученых. После бесед с проректорами Комратом Хомаюном, Эноятмом, Задраном, секретарем парткома Эзмаром и, наконец, Хабибом Хазрат был внесен в дополнительный приказ. Более того, его выступление включили в программу церемонии открытия аспирантуры. Безобидный, невозмутимый Хазрат принял все, как должное.

В одной из бесед с Хабибом я предложил организовать встречу аспирантов с ректором университета, чтобы официально благословить их на трудный путь поиска истины. Хабиб сказал, что он уже думал над этим. Однако пришел к выводу, что следует это сделать торжественно. Пусть и аспиранты, и руководители с первого дня почувствуют свою ответственность перед коллективом университета, перед государством. Путешествуя по своему мусульманскому календарю, он определил день открытия аспирантуры. В переводе на наш календарь - это было 19 января 1988 года.

Были подготовлены, изданы и разосланы пригласительные на дари и русском языках, в котором, в частности, говорилось: «Министерство высшего и специального образования Республики Афганистан приглашает Вас принять участие в церемонии открытия аспирантуры в Кабульском университете...». Я имел серию бесед с Виктором Петровичем Поляничко. Добивался его содействия в том, чтобы в программу пребывания в эти дни в Кабуле президента АН СССР Марчука включить его присутствие на открытие аспирантуры. Он помог, но, как будет сказано в главе о Хабибе, наши советники допустили произвол в выполнении намеченного и Марчук на день раньше внезапно появился в университете в обеденный перерыв, где и застал Хабиба с полным ртом риса.

Хоть в моей памяти сохранились детали этого торжества, однако дневник все-таки надежнее. «Главное событие дня, а возможно, и всех 4,5 месяцев пребывания в Кабуле - *открытие аспирантуры*. Оно состоялось согласно программе в зале заседаний Ученого совета в 11 часов.

Открыл заседание Хабиб. В своем выступлении он отметил роль шурави (советских) и мою отдельно в организации аспирантуры. Затем выступил министр Сароби. Я в своем выступлении подчеркнул, что открытие аспирантуры - важный шаг к научной самостоятельности университета, который ранее готовил свои научные кадры за границей. Рассказал о работе, которая проводилась по подготовке к открытию аспирантуры. Принято 37 аспирантов по 17 кафедрам. А первоначально предполагалось 6-8 аспирантов на двух-трех кафедрах. Отметил заслуги Хабиба, прибегнул при этом к дипломатии, словно и не было его сопротивления открытию аспирантуры, обратился с напутственным словом к аспирантам. Затем выступил мой аспирант Хазрат Набинур, заведующий кафедрой философии. После весь президиум, в том числе заведующий отделом науки и учебных заведений ЦК НДПА Башармаль, министр и его заместитель Набатий, советник министра Ю.А. Деражне, О.С. Гушин, В.А. Ларионов, корреспондент «Правды» В.С. Окулов, заведующий корпусом ТАСС Байков Г.И., ректор КПИ Хелали и его советник А.Ф. Лунин пили чай с афганскими сладостями в кабинете ректора. После чая корреспонденты остались взять интервью у ректора и у меня».

Для документальной аргументации приведенного факта (это необходимо для того, чтобы читатель подготовился к предстоящему чтению советских бумаг, в которых открытие аспирантуры отрицалось) следует сослаться не столько на телевидение, которое уделило достаточно внимания, сколько на прессу. Многотиражная газета университета поместила репортаж «с места события» и фотографии зала, и отдельно выступающего министра¹.

Сдержал свое слово и корреспондент «Правды» Вадим Сергеевич Окулов. (Правда, он предупредил, что материал выйдет в сочетании с другими и небольшим, потому что его корреспонденции очень «стригут» в редакции газеты). Много месяцев спустя, 5 декабря 1988

¹ См.: Газета «Кабульский университет», 26 января 1988 года.

года в статье «СССР-Афганистан: партнерство друзей» Вадим Сергеевич писал: «В Кабульском университете по инициативе работающих там советских преподавателей - профессора из Одессы Г. Гончарука и его товарищей - открылась аспирантура. Выступавшие на церемонии по этому поводу говорили о том, что если раньше при подготовке ученых высшей квалификации университет ориентировался на зарубежные вузы, то ныне сделан шаг к его научной самостоятельности.

Запомнились слова одного из первых аспирантов Гуляма Хазрата Набипура:

- Стать на ноги в большой науке, идти путем самостоятельного развития в других областях легче, когда чувствуешь локоть Друга - доброжелательного и верного, каким является Советский Союз»²

Как ни странно, но узнал я об этой статье не в декабре 1988 года, а в сентябре 1990 года. К тому же случайно. Нет, не потому, что я не читаю газеты, а потому, что в тираже «Правды», которая печатается в Одессе, просто-напросто этих двух абзацев в статье В.С. Окулова за 5 декабря не оказалось.

А помог мне узнать, тоже как ни странно, мой оппонент чиновник из Гособразования СССР М.А. Слепцов, который в ответ на письмо секретаря Одесского обкома партии, высказавшего мнение о необходимости назначить комиссию по делу Гончарука на московском уровне, возразил, в частности, что в статье В. Окулова в «Правде» 5 декабря 1988 года заслуги Гончарука преувеличены, о чем он сообщил в «Правду» уже 7 декабря 1988 года. Вот как оперативно работает аппарат. Досталось не только мне за доброе дело, но и Вадиму Сергеевичу за «необъективность». Должны же, наконец, в Одессе понять, что сидящему в это время в Москве Слепцову виднее, что делается в Кабуле, чем находящемуся там корреспонденту Окулову.

Как бы там ни было, но благодаря прежде всего Слепцову, я узнал об объективности Окулова.

Важнее другое: чувство собственного удовлетворения от того, что многие способные афганцы получили возможность у себя на родине формироваться как ученые, не покидает меня до сих пор.

В добрый путь, научные таланты Афганистана!

ДОКТОР ХАБИБ, ПРОСТИ

Частые воспоминания об Афганистане редко заканчивались без сожаления, угрызения совести за причиненные неудобства университету и его ректору Ассадулле Хабибу... Первые недоверие и высокомерие его к своему советнику вытеснились деловым взаимопониманием. Ректору импонировало стремление советника освоить требования исламского этикета, посещение мной на второй день своего пребывания памятника основателю панисламизма Сайду, возвышавшегося над просторным в несколько гектаров пустовавшим полем на территории университета, подчеркнутое уважение ко всем афганцам от дежурного у входа в административное здание до членов Ученого совета и, разумеется, ректора.

Я отдавал себе отчет в том, что мой авторитет будет складываться не столь от показного уважения, сколь от конкретных дел. Советники-демагоги Хабибу не нужны... С учетом университетских возможностей Хабиб сам справлялся со своими обязанностями и, естественно, не смог бы терпеть советника-бездельника, не ведя против него тайную или явную борьбу.

Первая идея советника о проведении научно-теоретической конференции «Великий Октябрь и молодежь Афганистана» нашла однозначный деловой отклик и усилия ректора по ее осуществлению. Вторая - об открытии аспирантуры в Кабульском университете была

² См.: Газета «Правда», 5 декабря 1988 года.

воспринята ректором не сразу. Мне потребовалось несколько бесед с ректором, взываний к его патриотизму, чтобы он решился на такой радикальный шаг на пути к научной независимости университета. Третья идея советника - введение диалектического материализма и семинарских занятий по общественным дисциплинам - с пониманием была воспринята ректором только после встречи его в составе делегатов очередной! партийной конференции с Наджибуллой 17 сентября 1987 года.

Об этой встрече следует сказать особо. Дней за пять до нее партийный советник Грицай попросил меня высказать в письменной форме свое мнение об университетских проблемах, ибо та справка, которая подготовлена афганцами, составлена в мажорных тонах и не могла стать предметом деловой беседы Наджибуллы с университетской делегацией.

В своей записке я высказал пожелания замены догматических форм преподавания (только лекций) на активные - практиковать семинары, коллоквиум, рефераты, необходимости создания аспирантуры в университете, подготовку кадров философов и другие.

17 сентября, рано утром, спускаясь по лестнице своей квартиры, я встретил Грицай, торопящегося, как всегда к своей машине, чтобы отвезти Максимку в садик в посольство. Как бы в шутку Грицай сказал: «Григорий Иванович, смотри, чтобы твой Хабиб не опоздал сегодня к 10 часам на встречу с Наджибуллой».

Я ответил, что именно в это время Хабиб улетает в Ирак. Пораженный новостью Грицай еще больше заторопился.

После обеда удрученный Хабиб жаловался мне, что его сняли с самолета и отвезли на встречу с Наджибуллой, который в своей речи высказал ряд претензий к университету: о догматическом преподавании, о слабых кадрах на ряде кафедр, об аспирантуре...

Я предложил выход: подготовить план реализации замечаний президента и обратиться в правительственные и партийные органы за помощью в его осуществлении. Таким образом можно упреки президента использовать как фактор выбивания денег и других средств для университета. И, если потребуется, попросить аудиенции у Наджибуллы с целью оказания помощи в деле внедрения его же пожеланий. Ректору понравились суждения советника. Настроение его стало меняться к лучшему. Он тут же попросил меня набросать проект плана реализации замечаний президента. Я охотно согласился. Таковы истоки появления диалектического материализма, семинарских занятий по общественным наукам, аспирантуры, о которых речь вели в стенах университета и раньше, но от слов к делу путь, как известно, долгий и, часто, тернистый.

Пару дней спустя, после нашумевшей встречи 17 сентября, меня пригласил к себе в кабинет проректор по культурно-массовой работе (так он официально именовался), а фактически по безопасности Камрон Хомаюн, симпатичный невысокого роста пуштун, с тугой укладкой волнистых волос на голове, плотно, почти без движений, скрепленной короткой шеей с плечами.

За столиком для посетителей сидело двое молодых смуглых людей с чрезвычайно сдержанными движениями рук. Камрон с помощью переводчика представил их мне как работников седьмого отдела министерства госбезопасности, то есть тех, кто отвечает за безопасность членов Политбюро ЦК НДПА. Вскоре принесли большое переполненное блюдо плова со скрытыми в нем кусками говядины и на отдельной тарелке овощную приправу.

В ходе приема плова Камрон сказал, что его товарищи хотят доверительно поговорить с советником. Я согласился. С помощью переводчика один из гостей спросил: «Не знает ли уважаемый советник, кто передал сведения Наджибулле о проблемах университета?».

Я без труда определил, что поиск источника информации - основная причина столь значительного расхода плова. Разумеется, эта информация нужна была не Наджибулле,

скорее, его противникам. Выдавать себя хадовцам я, естественно, как и любой другой на моем месте, не стал. Говорить неправду не хотел. Оставалось прибегнуть к дипломатии, находящейся в постоянном конфликте с совестью. Я ответил: «Могу вам сказать нечто более важное». При таком начале глаза вопрошавшего начали выходить из орбит, видимо, от предвкушения большой разведывательной удачи. «Ваш вопрос удобнее адресовать высокопоставленным афганским лицам и даже самому Наджибулле, чем мне, иностранцу. Они бы оскорбились, если бы знали, о чем вы меня спрашиваете», - продолжил я и закончил на этом. Наступила минутная тишина. Обоюдную неловкость несколько сглаживал плов, который вдруг стал главным предметом встречи.

Шагая по длинному коридору к себе, я пришел к выводу о все-таки грубой работе контрразведки. Это уже был второй подобный случай. Первый - предложение офицера контрразведки Шамса сотрудничать с ними в деле слежки за афганскими преподавателями и студентами, привлекая советских специалистов. На что я ответил, что у советского коллектива иная задача - нести знания студентам. Как в первом, так и во втором случае я сообщил содержание бесед советскому ответственному за безопасность подполковнику Бирюкову, имея ввиду, что состоявшиеся «приглашения» к участию в работе хадовцев могло быть согласовано с нашими советниками в Министерстве госбезопасности РА или в его отделах, то есть я не исключал провокаций.

К ноябрю отношения ректора и советника стабилизировались, выражаясь техническим языком, вошли в номинальный режим. С разрешения Аппарата экономического советника и советского офицера госбезопасности я пригласил Хабиба с семьей к себе на квартиру на чай.

Он приехал со своей красавицей-женой. Поговаривали, что до последних родов, полтора года назад, она была вообще безупречна. С ними был кудрявый сынишка пяти лет. Как утверждал Хабиб, советские коллеги-писатели называли мальчика юным Пушкиным.

К их приезду мы с женой готовились несколько дней. Сервисная группа подвезла к тому времени диван и пару мягких кресел. Мне было известно, что правочерные мусульмане не пьют спиртного, точнее, им принимать огненные напитки не велит священное писание. Однако нет такого писания, которое не нарушалось бы. Жизнь трудно втиснуть в написанное. Еще утверждали, что мусульманин в виде исключения принимает спиртное, если в компании он из мусульман один, т.е. без свидетелей пророка.

Однако среди тех афганцев, которые окружали меня и с которыми приходилось встречаться не только один на один, но, скажем, в узком кругу, все пили не только будучи в единственном мусульманском числе, но и в компании своих. К последним можно отнести обильное потребление афганцами виски на ужине в гостинице «Интерконтиненталь», устроенном кубинским послом по случаю приезда в Кабульский университет проректора Гаванского университета. Не был исключением и Хабиб.

После ужина мы совершили прогулку по территории городка. Мальчик был очень доволен. Среди наших преподавателей оказались бывшие по микрорайону соседи семьи Хабиба - знакомые ребенка.

В тот же вечер к концу беседы, как мне показалось, Хабиб в завуалированной форме выразил желание встретиться с советником Наджибуллы, или как его официально называли, заместителем руководителя партийных советников Виктором Петровичем Поляничко по проблеме руководства университетом со стороны министерства.

Спустя некоторое время такая встреча состоялась за тем же столом. Однако Поляничко в отличие от Хабиба почти не пил. Первый почему-то вообще мало пил. То ли от того, что ему необходимо было быть всегда трезвым, то ли по состоянию здоровья, то ли потому, что он успел выпить до этого, то ли потому, что ему еще предстояло пить где-то в тот вечер в другом месте.

Когда разговор коснулся деятельности министра Гияси, я посчитал удобным оставить

их одних. Мне ранее было известно отрицательное мнение о министре не только Хабиба, но и ректора Кабульского политехнического института Хелали.

Моя точка зрения была противоположна мнению афганцев - единственной причиной неприязни к министру мне виделось их честолюбие. Снять Гияси, чтобы сесть на его место - такова подоплека, на мой взгляд, травли министра со стороны ректоров. Правда, следует помнить, что столь смелые нападки на Гияси стали возможны после того, как он попал в немилость к президенту Академии наук Лайеку-старшему, младший брат которого был помощником Наджибуллы. Ходили слухи, что на выборах в их родной провинции Наргархар Гияси обеспечил себе победу над Лайеком-старшим, прибегнув к нарушениям процедуры, что Гияси категорически отрицал.

Как бы там ни было, но вскоре после встречи Хабиба и Поляниченко Гияси был снят с поста министра, а новым министром высшего и специального образования стал хазарец доктор Сароби, воспитанник Венского экономического университета.

Всегда подчеркнуто спокойный, даже высокомерный Асадулло Хабиб, казалось, продумывает каждый свой жест. Особенно это проявлялось в беседе с подчиненными. Он любил встречать различные делегации, отдельных гостей, журналистов. При этом, рассказывая об истории университета и современных проблемах, внушал гостям, что он владеет ситуацией и не только прочно сидит в кресле, но и достоин большего.

Мне дважды приходилось видеть Хабиба разъяренным и только однажды - не довольным своим советником.

Начну с последнего. Не исключено, что по подсказке советских, близких к Наджибулле людей, начался ажиотаж по формированию студенческих строительных отрядов (естественно, по нашему образцу) для восстановления разрушенного старинного города Афганистана Кандагара. Его, как утверждали афгацы, разрушила наша авиация в ответ на убийство нашего генерала в отместку за то, что он заставил с пистолетом в руках толкать женщин-афганок свой транспортер, застрявший в болотистой местности города.

Первым отправил своих студентов и преподавателей, как и следовало ожидать, ректор политехнического института, отличающийся показным верноподданничеством президенту. Когда встал вопрос о подготовке к отправке студентов университета, то Хабиб наотрез отказался это делать.

Помню, как он зашел ко мне в кабинет. (Он это делал исключительно редко по только ему известным причинам. Они могли быть разными: не афишировать перед афганцами свои связи с шурави, не унижать своего достоинства, или, что мало вероятно, не беспокоить по мелочам советника).

Не реагируя на мое предложение присесть, ректор стал просить моего содействия в том, чтобы студентов университета не посылали в Кандагар. Во-первых, там идут бои, не исключены жертвы среди студентов. Во-вторых, какой смысл в военное время восстанавливать сегодня то, что может быть завтра разрушено. В-третьих, матери не желают отпускать своих дочерей,- это ведь мусульманский, а не христианский мир.

При всей моей уверенности в бесплодности намерений Хабиба отказать ему в поддержке означало лишиться его доброго расположения. Мне нужно было время для осмысления его просьбы, а главное - посоветоваться со своими начальниками.

Под предлогом срочного вызова в посольство я попросил Хабиба перенести этот разговор на вторую половину дня. Он согласился. Я действительно поехал в посольство, только по собственной инициативе в связи с просьбой Хабиба.

Зашел к куратору Минвуза СССР Ларионову. Владимир Александрович выслушав меня, пошел советоваться с заместителем экономического советника Гуциным. Вернувшись оттуда, он передал мнение Олега Сергеевича лучше не вмешиваться в это дело.

Решил зайти к секретарю парткома. Возможно, в этом деле он даст мудрый совет, ведь он четвертый год в Афганистане. Ничего нового. Петров утверждал, что я ослабил

идейно-воспитательную работу с ректором. Если будет сорвана отправка студентов в Кандагар, то партком расценит это, как отсутствие всякого авторитета советника в университете.

Не сказав ни слова на угрожающий монолог секретаря, я отправился к Хабибу. Обращаться к Поляниченко или Грицаю с просьбой Хабиба не было смысла. Не исключено, что идея о посылке студенческих строительных отрядов на восстановление Кандагара принадлежала им. Вряд ли кто-либо из афганцев, в том числе и Наджибулла, мог додуматься до такого. Этот продукт нашего, советского мышления. Сомнений нет.

По пути в университет я еще раз проанализировал доводы Хабиба и пришел к выводу, что более всего он беспокоится за жизнь студентов и, конечно, же свою, ибо ректор обязан ехать со студентами, а следовательно, подвергать свою жизнь опасности.

Хабиба я застал в своем кабинете. Он возбужденно объяснял что-то по телефону, пригласил жестом руки меня присесть. Закончив разговор, ректор закурил и поведал мне, что только объяснял заведующему отделом науки и учебных заведений Башармалю о нецелесообразности посылки студентов в пылающий Кандагар.

Свой разговор я начал с вопроса к Хабибу о том, на что он рассчитывает, объявляя бойкот решению Наджибуллы. Ибо я не видел шансов на успех ректора. Он был ближе к поражению, чем к победе. Если президент, отстранив ректора, назначит на его место любого из проректоров, то каждый из них сочтет за честь выполнить указание президента. Исключение может составить только Задран, проректор по науке. Хабиб задумался. Тогда я пустил в ход предложение, родившееся по пути в университет: «Считаю, уважаемый доктор Хабиб, что советник должен находиться рядом с ректором не только в университете, но и в Кандагаре. На это прошу вашего согласия».

Хабиб не ждал такого решения. Он радостно оживился и сказал, что это меняет положение, ибо наличие советских людей среди афганцев вызовет необходимость усиления охраны в том числе со стороны советских военных. Асадулло Хабиб преодолел себя и принялся за подготовку коллектива к отправке в Кандагар.

Слухи о моем согласии ехать в Кандагар стали разноситься по коллективу университета, я видел одобрение в улыбках и глазах многих встречных преподавателей, членов Ученого совета и своих студентов. На следующий день афганцы спросили, какой размер моей одежды. Они шьют форму всем членам отряда из армейского материала. За 26 декабря 1987 года в дневнике есть такая запись: «Принял экзамен у студентов. Все студенты изъявили желание поехать в Кандагар, если поеду я».

Нафар Гулян Сухим, который дежурил у входа в приемную моего кабинета, попросил разрешения поехать на восстановительные работы в Кандагар. Там, оказывается, будут платить по девять, тысяч афгани в месяц. Этого достаточно, чтобы он мог занять еще одну жену. На этом настаивает его первая жена.

Неоднозначно отнеслись, к моему решению советские преподаватели. Когда собравшимся к отправке автобусом в жилгородок я сообщил о своем решении, то Александр Иванович Моренко, ассистент кафедры математики, кандидат наук здесь же спросил разрешения поехать со мной. Мне казалось, что проблем для желающих не должно быть. И ответил таким образом; если будут от советских специалистов письменные заявления, то я доложу о них советским представителям. Валентин Андреевич Ветроумов, ассистент факультета наук о Земле, сказал, что он ни за этим сюда приехал. Всего же поступило 14 заявлений, в том числе от моей жены, с просьбой разрешить отправиться на восстановление Кандагара вместе с афганскими коллегами и студентами.

Секретарь парткома НДПА университета Асадулло Эзмар рассказал, что тысячное партийное собрание колебалось с принятием решения о посылке стройотряда до тех пор, пока он не сообщил о решении советских преподавателей, среди которых есть и женщины, разделить с афганцами их участь. Результат превзошел все его ожидания. Решение об

отправке приняли единогласно. Более того, преподаватели-женщины и студентки решили сформировать свой женский отряд и работать наравне с мужским отрядом.

Однако ответ на поданные мной заявления на имя посла затягивался. Примерно недели через две меня вызвал к себе Гушин и в присутствии Ларионова устроил воспитательную проработку. Смысл ее сводился к тому, что я поступил опрометчиво. Никто не имеет права рисковать жизнью людей. Они приехали в Афганистан как преподаватели, а не как строители.

Мой ответ был кратким: во-первых, наших преподавателей никто не принуждал писать заявления, кто не желает ехать, тот остается, их большинство, во-вторых, мы все, обращаясь с просьбой в Москве направить нас в Афганистан, отдавали себе отчет в том, что направляемся в воюющую страну, за это нам, между прочим, платят в несколько раз больше, чем тем советским специалистам, которые работают в мирных государствах, в-третьих, если, действительно, есть серьезные препятствия для советских преподавателей в отличие от афганских ехать в Кандагар, и жизнь советских дороже жизни афганских, тогда прошу передать послу мою просьбу разрешить хотя бы мне одному из советских поехать с афганцами. Олег Сергеевич выругался, конечно, по-русски, закурил и сказал приблизительно так: «Если тебе твоя жизнь не дорога, то мог бы подумать, в каком положении можем оказаться мы, если ты погибнешь. Мы с Ларионовым можем лишиться партийных билетов». Видимо, последняя фраза и определила основную причину отказа мне в поездке в Кандагар. Собеседники думали о своем благополучии и абсолютно не заботились о наших отношениях с афганцами.

Уходя, я выразил надежду на то, что на заявления моих коллег ответит посол, ибо они находятся у него.

О том, как развивались далее события, ответит дневник за 28 декабря 1989 г. Приведу запись в большей ее части, чтоб воспринимать происходящее как во времени, так и в пространстве. «Перед утром снова канонада. Если вчера обстреливали штаб 40-ой армии, который находится недалеко от нас, то сегодня утром - афганскую часть, которая расположена ближе (за ИОНОм). Убит один и ранено несколько афганцев.

Утром получил сообщение от посла, которое передал Грицай И.Т. Посол выразил благодарность всем нашим сотрудникам, написавшим заявления с просьбой послать их вместе со студентами на восстановление Кандагара, предложил написать об этом в характеристику, однако в поездке отказал в связи с отсутствием надлежащей безопасности.

В Кандагаре имеется воинская часть, однако армия послу не подчиняется, хлопоты с нами ей не нужны, у нее своих предостаточно. Приходил советник отделов царандоя (милиции) 3-го и 5-го районов Кабула, где находится университет и наш городок. Он предупредил, что в Кабул прорвались из Пакистана диверсанты в форме царандоя и хада (госбезопасности), прежнее название МГБ. Их задача - похищение советников. Среди других методов они практикуют выставление своих постов на улицах Кабула. Останавливают машину, проверяют документы, ищут тех, кто им нужен...

Вечером по телевизору смотрели полностью пресс-конференцию посла Можаева. «До не хочу» насмотрелись на себя с Ниной...»

Еще через пару дней меня снова вызвали те же и в тот же кабинет. Сообщили то, о чем мне сказал Иван Трофимович. Тон разговора был иным. Оказывается, посол Можаев восхищается мужеством наших преподавателей и советника, выражает нам благодарность за проявленную инициативу в деле солидарности с коллективом университета, о чем будет указано в характеристике каждого. Вместе с тем, ехать нам в Кандагар запретил по простой причине: военные не подчиняются послу и отказались нести ответственность за нашу безопасность. Здесь же мне были возвращены все заявления. Задумка моя рухнула.

На следующий день утром в автобусе я сообщил решение посла нашим преподавателям. Все молчали. Одна Лидия Алексеевна, мой технический секретарь, громко

сделала мне замечание: зачем я, мол, объявляю сообщение посла о том, что армия ему не подчиняется в присутствии шофера-афганца. На поправку о том, что водитель не знает русского языка, Твердохлеб настойчиво доказывала, что афганец знает русский. Однако то была забота не о военной тайне, а о желании подчеркнуть просчеты советника.

Хабиб и Эзмар находились в кабинете ректора, уже были одеты в подогнанную по ним форму песочного цвета, подобную цвету большинства гор Афганистана, когда я сообщил, что советские специалисты не могут поехать в Кандагар по причине, не предусмотренной протоколом о сотрудничестве. Они стали убеждать меня поехать хотя бы мне, ибо коллектив университета решит, что руководители его обманули. К тому же афганцы не простят и советнику его трусость. Крыть их доводы мне было нечем. Я действительно достоин презрения афганцев, да и некоторых советских. Ни те, ни другие не простят мне желания быть в Кандагаре, где несколько лет перед этим мой земляк Евгений Иванович Стеценко, секретарь горкома партии, видимо, в борьбе не столько с афганцами, сколько со своими нажил обширный инфаркт миокарда и вскоре скончался. Принципиально честный был человек. Такие редко встречаются в аппаратах. Не выживают.

Теперь черед рассказать о тех двух случаях, когда я видел растерянного ректора Хабиба. Первый был связан с приездом в Кабул Президента Академии наук СССР Марчука. Воспроизведу в этой связи свою дневниковую запись. «16 января 1988 года... Утром связался по телефону с Поляничко после разговора с Хабибом о предстоящем открытии аспирантуры. В плане нашей вчерашней договоренности было решено, что в открытии аспирантуры (19 января в 11 часов утра) примет участие президент АН СССР Марчук Гурий Иванович. Его будет сопровождать президент АН РА Лайек... 18 января. Хабиб утром меня обрадовал. Он сказал, что вместе со всеми членами АН РА рано утром, встречая Марчука Г.И. в аэропорту, он, Хабиб, узнал от советника АН РА Рыжанкова Б.Н., что посещение Марчуком университета запланировано на завтра на 11 часов по просьбе Поляничко. Занимались с Хабибом подготовкой программы, ее печатанием, составлением тезисов своих выступлений. Перед самым обедом позвонил вице-президент АН РА и сказал; «Через полчаса мы будем у вас». Хабиб понял так, что они (афганцы) хотят посмотреть завтрашний маршрут советской делегации. Я уехал на обед. Спустя час зашел в кабинет Хабиба и застал его там обескураженным. Он меня спросил: «Вы знаете, что произошло? Не догадаетесь. Президент Марчук и президент Лайек с большой, свитой афганцев и советских сопровождающих лиц внезапно вошли в мой кабинет и застали меня за обедом. Я с трудом оправился, рассказал им немного об университете. Марчук спросил об обеспеченности учебниками, кадрами и спустя минут двадцать они ушли».

Я тот же час позвонил Поляничко. Он расстроен моим сообщением, стал ругать советников, обслуживающий персонал. А вечером, прогуливаясь, мы с женой встретили в разное время двух партсоветников и каждый из них сказал, что Поляничко в беседе с ними сообщил: с посещением Марчуком университета допущен большой прокол. С ним можно согласиться.

Пригласительные и программка завтрашнего открытия аспирантуры разосланы. Можно спокойно спать».

В этом эпизоде винить только наших советников, значит, грешить против того, что афганская сторона в значительной степени влияла на ход событий. Не исключено, что обе стороны не подумали о положении Хабиба, внося скоропалительные изменения в программу без предупреждения заинтересованных сторон.

Прежде чем перейти к описанию печального аккорда в наших отношениях с доктором Хабибом, уже в ходе написания этой главы мне подумалось, что все-таки следует рассказать еще о двух ситуациях, в которых я выглядел перед Хабибом, мягко говоря, не лучшим образом.

О ситуации с квартирами. До 1987–1988 учебного года советские преподаватели

университета жили в пятиэтажном хрущевского типа панельном доме. В указанном году их перевели в жилгородок политехнического института. Остались пустыми 24 квартиры. Их не отдавали почему-то афганским преподавателям, хотя дом построен для университета - в остальных его квартирах живут университетские коллеги. На встрече Хабиба и экономического советника Александра Филипповича Петрова, на которой присутствовал Ларионов и я (она состоялась в красной комнате, которую, по словам Петрова, очень любил посол Можаяев), по предварительной моей подсказке Хабиб включил в число поднимаемых вопросов и вопрос о том, чтобы эти квартиры вернуть его законному владельцу - университету. Кстати, на квартирной очереди насчитывалось более 250 человек, многие из которых ждали квартир более 15 лет.

Экономический советник предложил написать на его имя письмо за подписью ректора и, его советника, в котором просить ходатайства - согласия его, Петрова, о передаче афганских квартир афганцам. (Парадоксы нашего сотрудничества). Мы такое письмо подготовили.

О том, какое значение я придавал этому факту, можно заключить уже по первым записям в дневнике за 14 января 1988 года. «Завтра годовщина политики национального примирения, к этой дате готовятся не только сторонники правительства и НДПА, но и враги. С вечера и всю ночь, и весь день, и теперь, когда пишется дневник, доносится грохот канонады. То душманы запускают РС по Кабулу, то наши отвечают своими реактивными системами.

Ночью проснулись не от канонады, к которой уже привыкли, а от подземных толчков. Мы уже потеряли им счет, но такой силы толчка еще не было...

Самой большой радостью текущего дня было сообщение Петрова А.Ф. о том, что председатель Совмина Кештманд согласился передать 18-20 квартир, о которых мы писали вчера, преподавателям Кабульского университета. Похоже, что и эта моя, идея будет материализована. Хабиб очень доволен».

Однако радости были преждевременны. Через несколько дней Ларионов потребовал от меня номера пустующих квартир. На мой вопрос «зачем?» он ответил, что необходимо для конкретного ведения дела. Но почему по линии советской стороны? Он не знает. Пояснил Хабиб: он скрывает номера квартир, чтобы их не заселили без ведома ректора. Хабиб доверил мне номера. Ларионов их получил. Еще через несколько дней Ларионов потребовал ключи от квартир. Чувя что-то неладное, я отказался обращаться с этой просьбой к ректору, считая ее вероломной. Ларионов дал мне понять, что я пожалею о том, что пренебрегаю требованиями старших. Вскоре Хабиб с горечью сказал мне, что у него в ультимативной форме министр Сароби отнял ключи от квартир, которые по имеющимся у него сведениям уже поделены между работниками аппарата Совмина. Боже мой, как все просто и скверно.

Была у нас с Хабибом еще одна непродолжительная победа, завершившаяся также, как и ситуация с квартирами, торжеством наших оппонентов. В последних числах января 1988 года меня пригласил к себе в кабинет ректор. В минуты волнения у него на белых щеках появлялся румянец негодования. На этот раз этот румянец расширился до самых глаз и ушей. Хабиб стоял за своим столом рядом с креслом и курил. После приветствия он сказал: «14 февраля в университете состоится торжество по случаю присвоения директору Института Азии и Африки Московского университета Ахрамовичу почетного звания доктора Кабульского университета. Прошу вас, Григорий Иванович, заняться подготовкой к этим торжествам. Юбиляр ваш, вам и организовывать. Я делать этого не стану».

Нетрудно было распознать, что Хабиб придумал не лучший прием высказать свое несогласие с этим мероприятием и добиться моей поддержки его позиции. На мою просьбу расшифровать свою информацию, ибо я впервые слышу о присвоении такого звания, Хабиб рассказал следующее. Многие иностранные ученые имеют несомненные заслуги перед

Афганистаном и, в частности, университетом. Западные страны, наконец, построили университет и подготовили для него первоначальные кадры. Но никто из иностранцев не претендовал на почетное звание университета. А советские постоянно добиваются этого. Первым почетным доктором Кабульского университета стал переводчик Хрущева Алиев. За годы пребывания советских войск другие неоднократно предпринимали попытки добиться такого звания. Особенно активными в этом плане были советские преподаватели, работавшие в университете.

Доводы против Ахрамовича ректор привел такие: Хабиб хорошо знает самого Ахрамовича, знает его работы по истории Афганистана, но не видит оснований для присвоения ему почетного звания Кабульского университета. Такого мнения придерживается и историко-философский факультет. Хабиб сообщил некоторые подробности о том, как «варился» почетный доктор.

Первого февраля 1988 года в моем дневнике появилась такая запись: «...С утра к секретарю парткома Петрову Г.И. Поставил его в известность, что Хабиб, ректорат, историко-философский факультет в недоумении, как могло случиться, что Ахрамовичу И.Т. в обход университета Совмин РА присвоил звание почетного доктора Кабульского университета. По имеющимся у меня сведениям, этот вопрос поднимал у Набатия (зам. министра ВССО РА) помощник посла Ожегов Владимир Семенович, в результате чего Набатий написал представление в Совмин. Петров Г.И. но обещал немедленно встретиться с послом и выяснить, откуда ноги растут».

Об этом же я имел разговор с И.Т. Грицаем и просил его поставить в известность Поляничко. 5 февраля Грицай сообщил мне, что посол отмежевывается от действия Ожегова по факту присвоения Ахрамовичу звания почетного доктора Кабульского университета и попросил секретаря парткома Г.И. Петрова и его, Грицаю, «поломать» эту недобропорядочную затею. Еще через пару дней Грицай сообщил, что Ахрамович не приедет, присвоение ему почетного звания не состоится.

Хабиб был доволен. Ему казалось, что он одержал победу над могущественными действующими лицами совместного советского и афганского механизма, определяющего судьбу миллионов жителей его свободолюбивой, гордой Отчизны. Глядя на него в этот миг, молено было догадаться, что он вообразил себя рядом с героями битвы при Майванде, где было нанесено сокрушительное поражение английским колонизаторам в Афганистане.

Однако радости были преждевременны, как все добрые чувства в воюющей стране. Перефразируя русского поэта Некрасова, здесь уместно сказать, что только тот, кто всех давил, свободно и дышал, и действовал, и жил.

Вскоре стало известно, что у посла Можаяева обширный инфаркт. Его отправили в Москву и, по всей вероятности, назад он не вернется. Меня особенно поразила эта весть. Кроме того, что он интеллигентный, спокойный, взвешенный, Павел Петрович с пониманием отнесся к моей просьбе помочь университету материально и, вопреки Аппарату экономического советника во главе с его руководителем, работникам посольства приказал, чтобы среди немногочисленных советских специалистов, планируемых для работы в Афганистане после ухода наших войск, были советник Гончарук и еще трое руководителей аспирантов вновь созданной аспирантуры.

Хабиб поведал, что его навещил советник-посланник Ожегов. Пообещал разнообразную скорую помощь бедствующему университету и, разумеется, подчеркнул уважение к ректору. Хабиб недоумевал: ведь Ожегов не первый год знает о скудности университета, но ранее интерес к нему не проявлял.

Истинная причина вояжа стала мне известна 14 февраля. Привожу дневниковую запись. «Ко мне на работу позвонил Ожегов (советник-посланник посла) и попросил прийти к нему в 15 часов. Ему на вид около 60 лет, невысокого роста, склонен к полноте, в очках, лысый. Стал говорить мне о том, что он знает нужды университета, попросил подготовить

служебную записку с указанием необходимой конкретной помощи университету. По его виду можно было заметить, что не ради этого он меня пригласил. Я ждал главного. А оно заключалось в том, что он стал просить меня не вмешиваться в их затею присвоить почетное звание доктора Кабульского университета Ахрамовичу, если они снова поднимут этот вопрос. Все ясно: у посла обширный инфаркт - они решили воспользоваться его беспомощностью и осуществить свои коварные планы...»

Вскоре стали говорить, что у Ахрамовича учился сын предсовмина Каштманда, сам Ожегов, кроме того, что получил благосклонность Ахрамовича при защите кандидатской диссертации, рассчитывает на его помощь при защите докторской диссертации. Заместитель министра высшего и специального образования хазарец Набатий с удовлетворением рассказывал, как ему было поручено подготовить текст диплома почетного доктора, а он в свою очередь поручил это сделать своей жене, русской, знающей английский язык.

Позже, кажется, в мае того года, уже находясь в опале, фактически под домашним арестом, когда мне было разрешено сдать книги в университетскую библиотеку я, проходя мимо административного корпуса, увидел как исполняющий обязанности ректора Кабульского университета Эноят (Хабиба к тому времени тоже уже не было в университете) руководит настилом тяжелых ковровых дорожек на ступеньки корпуса и ведущей к нему асфальтовой аллее. Боже мой, такого мне здесь не приходилось видеть.

Поздоровавшись с Эноятом, я в шутку спросил: «Похоже вы ждете в гости пророка Мухаммеда?» Энояту стало неловко за свою роль - он знал, сколько мы с Хабибом добивались, чтобы этой церемонии не быть.

– Нет, Григорий Иванович,- сказал Эноят - сегодня вручаем диплом почетного доктора Кабульского университета профессору Ахрамовичу. Если есть желание, приходите.

Приглашение было скорее свидетельством доброты Эноята, чем издевкой. Спустя несколько дней, гостивший у меня Эноят показал фотографии, отражающие некоторые моменты торжества. Среди многочисленных гостей - Ожегов, Лунин, Хелали.

Мне подумалось: что значит интересы государства, дружбы народов по сравнению с личными интересами таких людей?

Хабиб любил юмор. Облегченные, образные фразы. Он понимал шутки других. Помню, на заседании Ученого совета разгорелась дискуссия о том, достаточно ли оснований для избрания на должность заведующей кафедрой международных отношений подавшей документы на конкурс преподавателя. Спор имел эмоциональный накал. Скорее всего, что мужчины не хотели пускать на руководящую должность женщину. Я не часто выступал на Совете, по кадровым вопросам вообще не вмешивался в дискуссию. На этот раз заступиться за женщину посчитал своим долгом. Хабиба попросил перевести свое выступление.

Я начал с обращения к своему коллеге-историку, декану Кештманду.

– Ваши претензии по монографии участницы конкурса сводятся только к оформлению научного аппарата, то есть к форме, а не к содержанию. Ведущая же категория - содержание. Следовательно, по существу работы замечаний нет. Другие уважаемые коллеги доказывали, что без знания зарубежных языков стать ученым нельзя. Однако смею вам напомнить, дорогие, что ваш пророк Мухаммед знал один язык, при этом оставил исключительно мудрое наследие. И последнее. Женщина стала предметом полуторачасовой дискуссии умнейших мужей Афганистана. Уже по одному этому она заслуживает того, чтобы настоящий мужчина отдал за нее голос.

По тому, как долго смеялся Ученый совет, и победила женщина в этом конкурсе, можно было судить, что Хабиб не только правильно передал мою мысль, но и одел ее в образные художественные одежды. Можно было бы привести еще примеры из легкого жанра, но, к сожалению, определял нашу с Хабибом жизнь черный юмор.

Перехожу к заключительному сюжету наших отношений с ректором Хабибом. Признаться, это самая трудная страница данной книги. В моральном, отношении. Ибо

настало время сказать то, о чем я не решался говорить ранее. Нет, не страх господствует в душе моей. Это душа ждала своего приговора со стороны сознания, которое медленно, но неизменно прозревало в сторону определения моей роли в Афганистане. Приговор - не всегда падение. Но - иногда облегчение. И, наконец, оценка родилась. Внезапно. И кратко. Да, я вел себя тоже как оккупант! Органическая часть всей системы, накрывшей, словно гигантская машина «Град», Афганистан. Причем часть непростая. Пусть не убивающая афганцев, но активно вмешивающаяся в их жизнь, а следовательно, нарушающая, тормозящая естественное развитие, отбрасывающая их назад. Кто измерит урон, нанесенный такими, как я, Афганистану, где критерий?

Ко времени совместного заявления М.С. Горбачева и Наджибуллы (9 февраля 1988 года) о выводе советских войск из Афганистана вокруг ректора Хабиба стала складываться сложная ситуация. Ходили слухи, что его планируют на пост вице-президента АН РА. На мой вопрос о достоверности этих слухов, Хабиб не без гордости заметил: «Я дам согласие только на первое место в Академии наук». Что и говорить: он человек с претензиями.

В свою очередь он предпринял ряд шагов на дискредитацию самого способного из проректоров Тахира Эноята. Мне Хабиб неоднократно советовал избегать с Эноятом встреч, намекал на его коварство. Мне, наоборот, проректор показался деловым, принципиальным, открытым, смелым, энергичным организатором. Он закончил в нашей стране техникум, институт, аспирантуру. Защита кандидатской состоялась во вновь созданном специализированном Совете политехнического института. Эноята пригласили из Союза для защиты в КПИ, и он гордился тем, что он первый ученый, защитившийся на земле своей страны. Мне представлялось, что основная организационно-методическая работа в университете лежит на нем. И он успешно с ней справляется.

Поэтому мне было совсем непонятно, когда вошедший 9 февраля в мой кабинет Эноят сообщил, что министр Сароби отправляет его ректором Наргархарского университета, что под Джелалабадом. Этот университет существовал формально. Занятий в нем не проводилось, преподаватели в основном жили в Кабуле. Там шли бои. Было ясно, что найден повод избавиться от Эноята.

Надо сказать, что против Хабиба усиленно вел пропаганду ректор политехнического института Хелали.

О ходе подготовки материалов по проблемам университета, а точнее сказать, о Хабибе и о встрече с президентом Наджибуллой, где решалась судьба Хабиба 11 февраля 1988 года, будет сказано в главе о президенте.

В последующие дни у меня не было возможности зайти к Хабибу. Мы встретились 15 февраля. Именно в этот день мы узнали, что накануне вечером произошел взрыв пластиковой мины в туалете помещения кафедры биологии. В дневнике записано так: «После посещения Гущина зашел к Хабибу. Узнал о том, что он намерен работать в университете, устранять недостатки. Состоялась (вчера) у него беседа с Масудом, тот его успокаивал и обещал узнать, кто подал материалы президенту.

В обед я об этом сказал Грицаю. Он сообщил, что завтра собрание актива и Наджибулла снова в своем докладе будет критиковать Хабиба.

Поляничко вечером на прогулке сообщил мне о том, что наш вопрос будет решаться в субботу-воскресенье». Речь шла об освобождении Хабиба от занимаемой должности. К чему я считал себя причастным.

Завершить разговор о Хабибе, видимо, следует записью из дневника: «28 февраля 1988 года. В 9 часов 10 минут при входе в административный корпус, где находился мой кабинет, встретился с министром Сароби. Он что-то говорил немецкими словами и дари, но я ничего не понял. Однако не успел я снять пальто, как прибежал секретарь ректората и пригласил меня в кабинет к ректору. Там за большим столом сидели в полном сборе проректора, деканы. На месте руководителя - Сароби. Мое кресло было рядом с Эноятом.

Министр сказал об увольнении Хабиба и перемещении Эноята, о задачах университета во всех видах работы, потребовал от деканов написать отчеты о внедрении замечаний Наджибуллы, высказанных в апреле 1987 года, когда он был в университете, о кадрах и т.д. На прощание, пожимая друг другу руки, сказал по-немецки, что он говорит не только логично, но и красиво. Он меня поблагодарил за комплемент».

В этот день завершилась моя работа с Хабибом. Мы с ним сделали немало при столь коротком сроке сотрудничества. Об этом говорится в других главах. Как человек, он в моей памяти всегда будет олицетворять гордого, самодовольного афганца. Случай с ним у президента помог мне пристальней взглянуть на собственную сущность. Во мне начался душевный переворот, формировалась новая оценка себя. Вместо того, чтобы защищать своего коллегу, я способствовал его падению.

Прости, Хабиб!

кто мы?

До чего же предательская сущность психики. Одному можно внушить, что он признан править народом или народами, другому, что ему на роду написано быть всю жизнь обиженным и оскорбленным. И люди привыкают. Даже целые народы привыкают быть богом избранными. Привыкли и мы быть самыми интернациональными миссионерами мировой социальной справедливости. Вместе с нашей партией - авангардом коммунистического движения, как самой влиятельной силы современности, постепенно, исподволь стали самыми-самыми. Присвоили нам звание ведущих интернационалистов мы сами и те из международных вождей мирового пролетариата, кто содержался за наш счет.

Как это здорово обладать самым передовым политическим сознанием, научным мышлением и быть готовым в любой момент выполнять любой интернациональный долг. Никто из империалистов своим меркантильным мышлением дойти до такой вершины одухотворенности не мог. Не сумели, естественно, постичь тайны интернационального миссианства ни обжоры-феодалы, ни тем более развратники-рабовладельцы. Это суждено нам. И пусть благодарят нас те народы, которым повезло получить нашу интернациональную помощь. Не важно какую. Военную, политическую, моральную, а то и непосредственным участием самых лучших, бескорыстных, готовых на самопожертвование во имя счастья других наших специалистов.

Призванным историей быть миссионером-интернационалистом считал себя до недавнего времени едва ли не каждый советский человек. Мало кому приходило в голову спросить себя и других: мы несем народам счастье или несчастье? Мы оставили после себя благополучие или разорение? Мир или реки крови? Чему мы можем научить других, если у себя в стране массовые несчастья и безнравственность?

Видимо, самое трудное для человека познать самого себя. Определить степень разумности своего существования. Не доверяться оценкам твоего существа извне. Быть подотчетным прежде всего своей совести. Однако совесть, словно аист, гнездится не на каждом дереве, то бишь не в каждом человеке.

Если наша совесть признает, что мы понесли в Афганистан смерть, то этого достаточно, чтобы понять нашу сущность. Другие определения - это компромисс с совестью. Если мы способны убивать невинных, значит, мы готовы на все другие преступления, ибо нет ничего преступнее, чем убивать людей.

Можно ли допустить мысль: если наши военные убивают афганцев на полях сражений, то мы, гражданские, не способны наносить удары мирным афганцам? Не следует заблуждаться на этот счет, как это пытались делать мы, находящиеся там. Мы изображали из себя носителей гуманной миссии в то время, как наши дети рядом с нами убивали тех же афганцев. Так не пора ли пристальней посмотреть на суть нашего пребывания в чужой стране с точки зрения совести, т.е. верности правде? А она - в нашей оккупационной сущности.

Причина нашей интернациональной агрессивности - материальное и духовное убожество, прикрытое амбициозными претензиями на интернациональный долг. Все это напоминает причины и предлоги крестовых походов европейцев на Ближний Восток. Чем мы беднее - тем опаснее для цивилизации.

Кто сможет отрицать, что все, за редким исключением, наши гражданские направляются за рубеж с материальной целью? В Афганистан изъявили желание ехать, возможно, самые нищие и самые голодные, а следовательно, самые агрессивные. Вот несколько социальных показателей нашего коллектива, или, как было принято его называть, контракта. Из 28 специалистов 25 человек семейные, у которых имеются дети, у большинства - двое и больше, к тому же девочки. Что могло заставить матерей оставить своих детей, семью на два-три года? Неужто интернациональный долг? Желание помочь чужим детям изучить русский язык, без которого они обходились тысячелетия и жили не хуже, чем при нашем присутствии?

Что вынудило мужчин, не умеющих готовить себе пищу, стирать, бросить домашний уют, жену, детей и удалиться в неизвестную страну на столь продолжительное время? Неужели Афганистан так остро нуждался в наших ассистентах или профессорах, чьи учебные пособия афганские ученые отклонили по причине ненаучности или плагиата? Не верю. Погнала за границу наших людей наша нищета, как основной фактор так называемого интернационального долга. Не случайно среди советских ходила саркастическая поговорка: свой интернациональный долг никому не отдам. То есть не повезли долг, а поехали в Афганистан за долгами. И афганцы или наша сторона сравнительно щедро его выплачивала с коэффициентом один к четырем целым и шести десятым.

Были, конечно, и другие мотивы, играющие второстепенные роли: повысить свой статус у себя в стране, привезя политический багаж, выйти замуж и т.д.

Если читатель согласится со мной, что главной причиной «крестового похода» в Афганистан советских специалистов было наше убожество, то мне будет легче убедить его в том, что не случайно также самые агрессивные вузовские коллективы - это кафедры русского языка в негуманитарных вузах. Именно здесь самый низкий фонд заработной платы и, следовательно, больше всего скандалов.

Мне может возразить придирчивый читатель: мол, не всегда материальная обеспеченность показатель нравственности. Согласен, не всегда. Но, смею заверить, нравственность всегда имеет материальную основу. Материальная зависимость, убожество являются главным фактором безнравственности. Где нет материальной гарантии независимости, там нет личности, там люди легко покупаются и продаются, даже сами себя предлагать власть имущим для употребления по их усмотрению. Если голод может привести к людоедству, то почему нищета не может привести к предательству, к любому другому безнравственному поступку? Не может быть личности без материальной гарантии ее свободы.

Почему феодалы, капиталисты личности? Потому, прежде всего, что их социальный статус материально гарантирован. Почему советские люди в массовом порядке участвовали в массовых репрессиях своих соотечественников? Потому, прежде всего, что материальная часть их жизни им не принадлежала, она в руках тех, кто требовал от людей преступлений.

Однако, мы не просто нищие. Мы сложно нищие. Уверовавшие в миссионерские назначения нести народам интернациональную справедливость, мы вели себя не как аскетические пророки, или гордившийся своим материальным убожеством Иисус Христос. Мы не могли сознаться сами себе, что мы нищие, а других заверяли, что по разным мифическим показателям далеко оставили позади капиталистические страны и видим свою судьбу в том, чтобы помочь странам третьего мира пойти по нашему пути, минуя капитализм.

Мы не просто люди с плебейским мировоззрением и убожественным самосознанием. У

нас, нищих, в руках еще и топор. И мы помогали другим народам стать на путь к светлому будущему путем уничтожения тех, кто был против, кому повезло быть недостойным такого счастья, такой доли, как у нас. Более того, мы не просто убивали несогласных, мы делаем все, чтобы убивать их руками их братьев, в большинстве своем, тоже нищих. Как это делали мы со своими братьями, кто был против, кто не способен был нас понять, а следовательно, не достоин этого светлого пути, права на жизнь. С этими качествами, нищие и амбициозные, свой империализм выдавая за интернационализм, мы пришли в Афганистан, где уже лилась кровь в войне, стимулированной и организованной нашей страной, под предлогом выполнения интернационального долга, которого на нас никто не возлагал.

В чем выражалась нищета, а в чем имперское сознание, попытаюсь объяснить несколькими примерами. О первой свидетельствовало то, что уже с первой полочки многие семейные и все незамужние сменили свои союзные одежды на приобретенные в дуканах различные платья и костюмы как западного и восточного, так и афганского производства. Надо же, понесли передовые идеи в старомодных одеждах в бедную страну, которая в течение нескольких дней передела нас во все, что есть лучшего в мире. Порой наша безвкусица не знала предела. Помню, наша преподаватель русского языка, которой было без года 60 лет, одела мужские брюки-варенки со множеством карманов и змеек. Они своим малым размером подчеркивали изъяны ее фигуры. И уже совсем смехотворно выглядела она в этих юношеских брюках, когда обзавелась костылем в связи с отказом ноги служить исправно.

Свидетельством нашего убожества было и то, что самой большой радостью для советских специалистов были поездки на рынок, в магазины. Шутники называли дни выездов на Шахринау или в дуканы микрорайона, маршрутами марксиста, т.е. материалиста.

Многие ради одежды и «союзных» накоплений экономили на самом необходимом - на еде. Не случайно из Аппарата экономического советника ежемесячно запрашивали справку о том, кто сколько денег перечисляет в Союз, а сколько оставляет на пропитание. При этом требовали оставлять прожиточный минимум, не доводить себя до голодно-обморочного состояния. Эти требования имели основания. Однако не следует упрекать наших людей в скупости. Они знали во имя чего рисковали жизнью. Не они виновны в своей бедности. К тому же бедность человека - не порок, еще не безнравственное состояние, но почва для его духовного порабощения. Жаль только, что мы погрязли во лжи и боимся сознаться себе в своем убожестве.

Об оборотной стороне нашей материальной нищеты - амбициозности - имперском мышлении и действиях может свидетельствовать так называемая массовая советническая деятельность. Она была придумана самими преподавателями, на мой взгляд, по двум мотивам: удовлетворить собственное честолюбие, повысить свой статус с целью увеличения карьеристного заграничного багажа и, как ни странно, нежеланием работать по своей специальности, а точнее, облегчить свою жизнь подменой своих обязанностей.

Согласно контрактам между советской и афганской стороной в вуз направлялся один наш советник - советник ректора, в его обязанности входило также руководство советскими специалистами. У меня нет официальных данных об общем количестве наших советников в Афганистане. Излагая материал о встрече с Наджибуллой, Б. Пядышев в газете «Известия» писал: «Помимо нескольких тысяч военных советников в Афганистан было направлено множество людей по другим миссиям, скопилась мощная группа партработников...»¹

Нуждался ли в таком их количестве Афганистан? Судить не берусь. Выше мной отмечалось, что Кабульский университет ранее существовал без нас и мог бы безболезненно работать в таком режиме впредь. О взглядах самого Наджибуллы на роль советников можно догадываться по тем же записям Б. Пядышева: «...Ходили и толкались по министерским

¹ См.: Б. Пядышев. Как это было... Рассказывает президент Афганистана Наджибулла, газ. «Известия», 28 ноября 1989 г.

кабинетам, оттаптывали друг другу пятки, «собачились...» Сейчас президент вспоминает об этом с юмором, с горьковатым юмором:

- Начинается заседание Совета Министров. Садимся за стол. Каждый министр пришел со своим советником. Заседание идет, дискуссии разгораются, и постепенно советники подвигаются все ближе к столу, соответственно от стола отдаляются наши, а потом и вовсе за столом остаются одни советники, схлестнувшись между собой».

Советнический зуд охватил многих, пребывающих в Афганистане специалистов. Тот же президент Наджибулла заметил: «В Кабульском политехническом институте был даже советник-водопроводчик».

А что же в Кабульском университете? Здесь определились две группы: советники факультетов и кафедр и присвоившие себе право на советническую деятельность все преподаватели. В бланке индивидуального плана работы была графа «Советническая деятельность». Кому первому принадлежит такое открытие советнических качеств у всех без исключения наших преподавателей, сказать не берусь, возможно, в политехническом институте, где по различным причинам студенты не занимались не меньше времени, чем учились. Поделюсь только теми документами, которые имеются в моем распоряжении.

Пожалуй, более других материалов проливает свет на сущность советнической деятельности протокол заседания Совета советских специалистов 21 мая 1987 года. Слушался вопрос о советнической деятельности. Доклад «О состоянии и перспективах советнической деятельности советских специалистов в Кабульском университете» сделал советник А.С. Москвин. Его канву составила мысль о замене учебной работы наших преподавателей этой самой деятельностью. «Более активное влияние мы должны оказывать на формирование кадрового состава кафедр, и в связи с уменьшающейся учебной нагрузкой советских специалистов, нужно постепенно подводить афганское руководство к мысли, что штат кафедр должен укомплектовываться за счет афганских преподавателей», - говорилось в докладе и подчеркивалось: «Для повышения престижа и ответственности советников кафедр и факультетов предлагается ввести систему их представления в Минвузе ДРА и ректорате КУ в присутствии всех деканов». То есть своеобразная коронация самозванных советников должна проводиться публично, ибо нет другого пути повышения престижа, кроме как предстать перед народом. Докладчик, видимо, отдавал себе отчет в том, что удовлетворяет оккупационистские вождедения своих коллег. Но вряд ли думал он о душевном состоянии тех деканов-афганцев, которых никогда не представляли в Минвузе, но которые должны присутствовать при «коронации» не только «своих» советников, но и кафедральных.

Поражает в этих протоколах отсутствие каких-либо оснований для учреждения подобной деятельности, согласия афганской стороны или просто нравственной окраски затеянного. Все дозволено на афганской земле. И убивать, и, тем более, повелевать.

Правда, в докладе вскользь сказано о каком-то противодействии этой авантюре. То ли афганском, то ли советском. «И хотя на словах практически никто не возражает против советнической деятельности, но на деле приходится сталкиваться с противодействием. В результате этого важнейшая работа по ряду направлений, на ряде факультетов идет вяло, безинициативно».

О том, что афганская сторона неизбежно должна была сопротивляться советскому произволу, сомнения исчезают, когда пристальней познакомишься с документом, одобренным и утвержденным на упомянутом совете. Документ называется «Основные принципы и направления советнической деятельности в Кабульском университете. Памятка для советских специалистов». В нем, в частности, утверждается: «Советническая деятельность становится главным направлением советских специалистов в Кабульском университете... ведется путем активного участия в работе заседания кафедр. Ученых советов, различных комиссий, путем индивидуальной работы с руководством кафедр, факультетов, афганскими преподавателями. Особое внимание при этом уделяется подготовке

предложений, вопросов для обсуждения, активному содействию их принятия и контролю за исполнением»¹.

Дальше в лес - больше дров. Авторы и утвердители вошли во вкус и что ни положение «Основных направлений», то любимое словечко «контроль». «Контроль за принятием решений... контроль за исполнением», «контроль за их содержанием, внедрением и исполнением (речь идет об учебных планах и программах), контроль «за исполнением индивидуальных планов преподавателей, планов работы кафедры, факультета. Ученого совета», «контроль за работой методических семинаров, кафедр, факультета», «...организация контроля выполнения научно-исследовательских работ».

Спрашивать, кто дал право так унижать афганских ученых, все равно, что спрашивать, кто дал право на оккупацию Афганистана? Иное дело, если поставить вопрос так: как могли советские ученые, педагоги, возомнившие себя почитателями передовых, интернациональных качеств, так безнадежно пасть, чтобы получать удовлетворение от рабского унижения своих афганских коллег? Какие психологические факторы руководили теми, кто принимал этот документ? Возможно, стремление к советнической деятельности, а попросту - имперским диктатом среди афганцев компенсировать свою правовую ущербность на родине, где личности в цивилизованном смысле этого слова места нет. Возможно, заглушить собственную боль, оскорбление унижением других. Возможно, желанием побыть (пусть непродолжительное время) в роли тех бюрократов-чиновников, которые составляют привилегированную касту в Союзе. Может быть, приобрести зарубежные козыри для улучшения своего должностного благополучия по возвращению на родину. Отдельные примеры, подтверждающие вероятность вышеприведенных предположений привести нетрудно. Однако самыми вескими доказательствами располагаю в пользу утверждения, что советническая деятельность служила фиговым листком для прикрытия до срамоты незначительной учебной нагрузки целого ряда наших преподавателей. Нежелание лучше работать материально стимулировалось самой уравнивающей, так называемой, зарплатой. Мало того, что люди одинакового профессионального уровня получали одинаково за разные объемы выполняемой работы. Одинаково оплачивался разный труд профессора, доцента, ассистента, а не остепененный получал немного меньше остепененного. Хочешь работай, хочешь не работай - все равно деньги одни и те же. Для защиты корыстных интересов можно объединиться в неформальную группу. Так успешнее можно доказать, что советническая деятельность важнее любой другой.

Без материальной основы добросовестный труд в нашем коллективе был критерием сугубо нравственным. Как совесть позволяла человеку, так он и трудился. Добросовестный человек рисковал попасть под обстрел сторонников советнической деятельности. При этом последствия трудно было предсказать.

О том, что советническая деятельность - запретная зона, вне всякой критики наших специалистов, мне пришлось убедиться на двух форумах.

21 февраля 1988 года на заседании Совета советских специалистов Кабульского университета слушали плановый вопрос «О советнической деятельности на экономическом факультете» Докладчик Мамадназарбеков М.Н. Он сообщил, что на факультетах работает 41 штатный преподаватель, кроме них, 8 иностранных ученых, из которых - 3 советских, трудится 11 докторов наук, 4 профессора. К информации Мамадназарбекова можно было бы добавить, что там работал бывший министр высшего и специального образования Афганистана, работал действующий министр этого департамента, окончивший Венский экономический университет, там же учился в докторантуре и защитил диссертацию профессор, ученик министра, прошедший по научным стопам своего учителя. Мамадназарбеков, кандидат экономических наук, являлся советником декана факультета на

¹ См.: Кабульский университет Краткая справка. Кабул—1987, с. 31.

общественных началах, то есть самозванных основах.

На вопрос Н.И. Игошина, какие наиболее важные советнические рекомендации, предложения, замечания были сделаны, приняты и обсуждались на факультете и какие из них были внесены на рассмотрение советских специалистов, последовал краткий ответ: были даны рекомендации по правильному оформлению документов специалистов, направляемых в СССР, говорил о целесообразности приглашать советских специалистов не только на учебный год, но и на непродолжительный срок, и выступил за соискательство на факультете. То есть подсказал, как технически правильно заполнить анкету для отъезжающего (хотя это обязанность нашего технического секретаря), подтвердил ту мысль о краткосрочных командировках наших специалистов, которая неоднократно высказывалась другими лицами как нашими, так и афганскими на всех уровнях и поддержал давно бытующую идею соискательства, вместо того, чтобы попытаться сделать новый шаг в этом направлении, например, разработать проект положения о соискательстве.

Однако мы делали особую ставку на Мамадназарбекова, точнее, написание запланированного им учебника политэкономии с учетом афганской специфики. Учебник был включен в план афганских изданий к 10-летию Саурской революции. Автору были созданы все условия для написания, по его просьбе дали ему двух переводчиков, освободив их даже от поездки в Кандагар на восстановительные работы, где находился весь коллектив университета.

И вдруг Мамадназарбеков сообщает, что этот труд не выйдет к указанному сроку по техническим причинам. Но причина, как оказалось, была в другом. Некоторый свет пролило на перспективу труда выступление доцента Слепоморого Р.А., работавшего на одной кафедре с Мамадназарбековым: «Сейчас два преподавателя-переводчика кафедры политэкономии переводят огромное количество листов текста, написанного Мамадназарбековым М.Н. Они говорят, что нам такая «библия» не нужна. Ведь объем этого курса лекций 500-600 страниц... Тем более, что ни Совет, ни кафедра не принимали решение о написании этого пособия, а Мамадназарбеков М.Н. взялся за него сам, без согласования с нами, советскими политэкономистами. Кроме того, Мамадназарбеков М. Н. не дал ни мне, ни другим специалистам своей рукописи на рецензию... Считаю, что к изданию таких пособий нужно относиться со всей серьезностью и упорядочить издательское дело в нашем коллективе, чтобы в будущем над нами не смеялись»¹.

Вскоре мы узнали, что афганская сторона, обсудив рукопись, признала труд М. Н. Мамадназарбекова не подлежащим опубликованию по причине то ли плагиата, то ли компиляции. Так бесславно рухнула наша надежда на достойный подарок афганцам по случаю десятилетия Саурской революции.

При обсуждении вопроса о советнической деятельности мной было сказано следующее: «О советниках. Я не находил ответа в документах. «Делай, как я» - пусть это будет наша партнерская работа»² Однако Мамадер Назарович потребовал дословно внести мое мнение в протокол для дальнейшей борьбы. Мог ли он достаточно представлять нашу страну в качестве советника экономического факультета, который, по выражению Наджибуллы, был форпостом Западной Германии в Афганистане, пусть судит читатель. Мое мнение следующее: во-первых, не по Сеньке шапка, а во-вторых, безнравственно быть самозванным советником.

То было публичное знакомство с советнической деятельностью одного человека. Вскоре судьбе было угодно толкнуть меня одного на восстание против массовой советнической деятельности. Но чем больше платишь, тем дороже тебе содеянное. Более того, совершенный тобой смелый, мужественный шаг с годами становится дороже, и

¹ См.: Протокол № 4 заседания Совета советских специалистов Кабульского университета от 21 февраля 1988 г., с. 5.

² См.: там же, с. 6.

становится предметом гордости, вдохновляет на более решительные поступки. Интересная взаимосвязь платы за дерзость и самоудовлетворения: со временем плата теряет свою ценность и поступок становится твоим достоянием. Эта обратная связь срывается не сразу, словно, дает возможность автору поступка переболеть, глубже осознать его сущность.

Случилось это 28 февраля 1988 года на открытом партийном собрании нашего контракта. Это собрание я по-своему назвал открытым. Во-первых, потому, что мне пришлось открыть некоторые черты моего характера в экстремальной, чрезвычайной ситуации. Во-вторых, я увидел сущность ряда лиц - членов нашего коллектива. В-третьих, это собрание открыло мне глаза на пагубность, реакционную, антиделовую роль партийных организаций в трудовых коллективах.

В повестке дня собрания был один вопрос: «О состоянии учебно-методической и научно-исследовательской работы и перспективы ее развития». Слушался мой доклад, который накануне был единодушно одобрен на расширенном заседании партийного бюро. Его содержание стало известно в коллективе.

Актуальность вопроса мотивировалась предстоящим (в марте) началом учебного года. Для меня лично момент был неудачен. Это было то время, когда единственный человек в посольстве, вообще в верхах, который меня понимал и поддерживал, находился в Москве с обширным инфарктом и надежды на его возвращение не осталось. Не случайно сразу после его отправки потянулись серии встреч наших преподавателей с В.А. Ларионовым и О.С. Гуциным, поездки В.А. Асеева в партком, а М.Г. Шарце в посольство.

В докладе после положительной части, шла речь о грубых деформациях в учебной нагрузке наших преподавателей. Ее объем был в два-три раза меньше нагрузки афганских преподавателей. Среди наших, в том числе на кафедре русского языка, он колебался в процентах один к двум. Как ни странно, самая малая нагрузка оказалась у так называемого партийно-общественного актива. То есть у тех, кто должен служить нравственным примером в коллективе.

В заключении раздела об учебной работе сказал: «Судите, товарищи, сами: можно ли равнодушно смотреть на подобную раскладку и, что необходимо делать, чтобы основной принцип социализма - оплата по труду торжествовал? Многие уже задумываются над этой проблемой. Но не видят достаточно эффективных рычагов внедрения справедливой нагрузки согласно оплаты. Если честно говорить, то у руководителя контракта нет прав заставить работать всех одинаково, поскольку все перед кассой равны.

В будущем, видимо, следует Минвузу СССР заключить контракт с каждым преподавателем, где четко оговаривать учебную, методическую и другую работу за рубежом, ее критерии. Сейчас же прошу активной помощи со стороны партийной и профсоюзной организаций. Вас, Владимир Александрович Ларионов, в деле планирования учебной и методической работы по союзным и афганским меркам. Одному руководителю здесь не справиться: чувствуя безнаказанность, отдельные лица или планируют по-прежнему недопустимо малую нагрузку, или занимаются приписками, или откровенно саботируют добросовестное отношение к составлению индивидуальных планов. Это результат уравниловки...».

В разделе научно-исследовательской работы были отмечены успехи доцента из Таджикского университета Негмат-заде. Он в 1987 году опубликовал 18 статей на языке дари, участвовал в ряде международных конференций и симпозиумов, завершил написание в соавторстве с Хабибом монографии.

Отдельно раздел был посвящен нашим задачам в предстоящем первом семестре. В частности: «Коллективу кафедры русского языка сосредоточиться на подготовке курсов лекций, методического обеспечения каждой темы программы. Партгруппорг кафедры Т.В. Смирнова и профорг Т.А. Архипова должны прежде всего нести ответственность за то

положение, на которое указал заведующий кафедрой Халим Хаким, сделав публично упрек в наш адрес, что в последние годы не подготовлен ни один партнер, не обеспечена методическими пособиями ни одна тема, ни один курс. Число кружков русского языка на кафедре резко сократилось... Разве не главная задача наших преподавателей всеми средствами и методами способствовать распространению русского языка? Эти проблемы не обсуждались ни на собрании партийной группы, ни на собрании профсоюзной группы»¹.

О мифической советнической деятельности, о работе советников в докладе не говорилось.

Первым по бумажке выступил доцент В.А. Твердохлеб из Киева. Вел он себя напряженно, нервно. Ничего хорошего от него ждать не следовало. За «концерты», которые устраивала его жена в моей приемной, будучи машинисткой, взятой мной на эту должность вопреки мнению коллектива, четырехугольник контракта предложил ей уволиться. Сам Владимир Александрович имел чрезвычайно низкую учебную нагрузку. К тому же стало известно, что в первом семестре ему афганская сторона вообще отказала в учебных часах. В других видах работ он не отличался. Отсюда содержание его выступления: учебная работа - не главное, главное - подготовка партнеров, т.е. советническая деятельность. А Гончарук думает по-другому. Вывод: советник не на своем месте, он не подходит к этой должности по всем статьям. В таком же плане выступили тоже по бумажке те, у кого недостаточная учебная нагрузка и нечем ее компенсировать, кроме как советнической деятельностью. Сомнений не было: скоординированная атака и цель ее - отвлечь внимание от главного вопроса, ради которого мы здесь - сеять разумное, доброе, вечное. Кто заказчик этой атаки? Возможно, не отомстившие мне верхи? Или здесь - сплетение иждивенческих интересов низов и жажды мести верхов?

Новое во мне для меня не открыли. Ибо путь к сердцу человека лежит через добросовестный анализ его дел, поступков. Человек открывается тем, кто осторожно раскладывает в строгой последовательности и естественной взаимосвязи кирпичики, составляющие сущность его души, кто не допускает при анализе психологических и нравственных качеств нечистоплотности. И наоборот, как только человек заметит, что в его душу протягиваются грязные руки, его душа сворачивается ежиком и отвергает какие-либо контакты с такими людьми. Инстинкт самосохранения имеет не только тело, но и душа.

Человек, характеризуя предмет, или другого человека, больше открывает себя, свое видение, свои способности, как бы разоблачает не только свои цели, но и нравственность методов их достижения.

Услышав своих оппонентов, мне впервые после выступления Ларионова и Шарце в ноябре 1987 года стало стыдно за нашу партию, за наше общество. Кто довел людей до такого состояния, что для них стало нравственной нормой передергивать факты, ставить их с ног на голову и лгать, лгать, лгать вкривь и вкось, не боясь последствий? Кто внедрил в обществе как метод достижения собственных целей безудержную клевету? Кто культивирует и насаждает издевательства одних над другими? Почему за десятки лет советской власти нет ни факторов, ни механизма нейтрализующего эти приобретенные уродливые качества человека, не позволяющие ему иметь собственную гордость и достоинство? Почему люди, прибегшие к клевете, не способны понять, что они топчут не столько других, сколько лишают себя возможности взрастить собственные достоинство и честь?

Ответ у меня был кратким: материальная нищета обрекает людей беспощадно терзать себя, не говоря уже о другом, который попытался, пусть даже невинным путем, замахнуться на ту кровавую улыбку судьбы, какой оказался для наших специалистов Афганистан. Ибо, что значит главное - учебная работа, которой почти нет? Это значит, пора собирать вещи и ехать домой на «грязных» 160 рублей, на которые и сам не прокормишься. Что значит

¹ См.: Протокол № 5 открытого партийного собрания организации советских специалистов Кабульского университета от 28 февраля 1988 г., с. 6-9.

советническая деятельность не главное? Это значит, что снимается тот фиговый лист, который прикрывает пустое место. А за него платят 2000 рублей, да еще разрешают пользоваться магазином «Березка».

У нас нет материальной основы быть нормальным человеком. Боже мой, был бы человек материально обеспечен, неужели он опустился бы до такой черты, где лишаются самого сокровенного, самого дорогого - самоуважения?

Еще одна мысль появилась у меня, заставившая по-иному воспринять предмет моей работы - историю партии. Скорее вопрос, а не вывод: почему именно партийные форумы стали ареной прямых и косвенных унижений человека? Даже люди, провозглашающие человеческий фактор, как важнейший в политике партии, показывали образцы бесчеловечности. Так было во все годы власти партии. Основные удары инициативным людям наносятся не на производственных собраниях, не на ученых советах, а на партийных форумах. Почему так? Не потому ли, что партия стала пристанищем безнравственности? Она нахватала в свой чемодан столько всего, не присущего политической партии, что превратилась в грандиозную хунту. Она превратилась в арену побоищ между теми, кто все бремя своей ответственности готов свалить на других и теми, кто не хочет нести груз чужих ошибок. Почему так получилось на собрании, что из выступавших фактически один беспартийный доцент Н.И. Игошин говорил о деле? А может корень нашей нищеты и духовного убожества уходит вглубь истории партии? Не партия ли является основным фактором нашей плебейской психологии?

Партийные собрания, где возобладает групповой эгоизм и царит безнравственность, ведет к отрицанию человеком самого себя. Боязнь оказаться в одиночестве или меньшинстве берет верх над, казалось бы, самым естественным, несомненным. Страх изоляции, которая ранее легко окрашивалась в оппортунизм, антипартийность или антинародность. На глазах у всех мужчину лишали качеств мужчины, ученого - чести ученого. Сравните две фразы из выступлений профессора В.А. Асеева на Ученом совете в январе и на партийном собрании в феврале. В первом случае он отчитывался о советнической деятельности на кафедрах историко-философского факультета.

«Асеева В.А.: ...Новое: будет по инициативе проф. Гончарука Г.И. открыта аспирантура. Проф. Гончарук Г.И. будет руководить 4 аспирантами. У меня будет 2, у Габитова Т.Х. - 1, у Соляника В.Ф. - 1»¹. В другом случае он выступает на партийном собрании: «Тов. Асеев В.А.: Вскоре, после встречи с Наджибуллой, была собрана кафедра философии, где было объявлено, что на кафедре и в университете создается аспирантура (она, кстати, была создана за два года до этого)»².

Назвать поведение Асеева просто непоследовательным, значит не увидеть всего котла, где эта непоследовательность варится. Для меня несомненно одно: его таким сделали партийные собрания и все наше нищенское бытие. Только немногим удавалось сохранить свою последовательность, не заплатив за нее жизнью. Можно ли найти в нашем обществе человека, достигшего какого-либо положения и не пошедшего при этом на сделку со своей совестью?

Кого винить: Асеева, Твердохлеба, Архипову... или условия, которые их лепили? Если условия, то почему не все на собраниях плескались в кашнице безнравственности? Видимо, прав классик, утверждавший, что обстоятельства в такой мере влияют на человека, в какой человек влияет на обстоятельства.

Мои оппоненты цели не достигли: на колени я не стал. Мне было жаль этих людей. В конечном счете их формируют условия. Но моя жалость не вела к всепрощению, которое

¹ См.: Протокол Л № 3 заседания Совета советских специалистов г. Кабульского университета от 17 января 1988 года, с. 2.

² См.: Протокол № 6 открытого партийного собрания организации советских специалистов Кабульского университета от 28.02.88 г., с. 7.

не способствует человеку пристальнее взглянуть на себя. Мне очень не хотелось брать заключительное слово. Но упускать момент, чтобы помочь людям «пройти», так сказать по следам своих выступлений, тоже не желал.

Собрание помогло мне открыть в себе источники мужества и выступить практически одному против организованной, не брезгующей никакими средствами оппозиции снизу. (Ранее мне приходилось сопротивляться давлению сверху).

Приведу заключительное слово в таком виде, в котором мне показывал секретарь партбюро перед отправкой протокола в партком.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи!

Тот факт, что доклад вызвал беспокойство, даже желание некоторых доказать несостоятельность докладчика как руководителя контракта, указывает, с одной стороны, на актуальность проблемы, а с другой - на попытку заинтересованных лиц подменить предмет обсуждения, увести разговор от своих просчетов, свалить вину за многолетние недоработки на руководителя, который всего пять месяцев как в Афганистане. Недостатки у меня есть, я о них знаю, говорил о них в докладе, устраняю, сегодня узнал новое. Но еще раз убедился, что антагонизмы прошлых лет, групповщина, раньше тщетно пытавшиеся подчинить меня, теперь перешли к прямой угрозе.

Хочу определенно сказать: или мне партийное собрание даст полномочия загрузить каждого всеми видами работ, согласно существующему «Положению», определенному нашим советским и международным опытом, в том числе и афганским, норм учебно-методической, научной и воспитательной работы, или освободите меня от руководства коллективом. Не вижу чести, достоинства в том, чтобы руководить теми, кто позорит своим бездельем славное имя советского ученого, педагога.

Отвечу на вопросы, поставленные в мой адрес.

Товарищ Ветроумов выразил беспокойство в связи с недостатками в работе аспирантуры. Дело новое для афганцев, мы делали и делаем все, чтобы начатое нами не погибло. Только прошу учесть, что и руководитель контракта не все может. Многое зависит от каждого нашего специалиста, работающего на кафедре, ведь основным звеном аспирантуры, как любой работы в вузе, является кафедра. Если есть затруднения, приходите - будем решать.

Товарищ Твердохлеб не случайно смещает акценты с учебной работы на методическую. Во-первых, у него чрезвычайно малая учебная нагрузка, порядка 10 часов в неделю, если не меньше. Разделите это время на него и переводчика и будете иметь пять часов в неделю, т.е. один неполный рабочий день. К тому же они вместе с советниками отняли эти часы у немцев из ГДР, чем осложнили в прошлом году отношения с ними.

Во-вторых, накануне собрания он носился с рукописью методического пособия, о котором я авансом сказал в докладе, не зная мнения о нем специалистов и афганцев. Но, к сожалению, за полтора года Вы, Владимир Александрович, не подготовили никаких методических материалов для опубликования на дари. Где же Ваш конкретный результат?

В отношении Мамадназарбекова М.Н. Мне не известно, какого-либо документа, свидетельствующего о том, что Мамадер Назарович советник. В аттестате он значится преподавателем. Но зато известна его амбициозность: сначала он называл себя советником кафедры, потом факультета, а завтра кем он станет? Нужно иметь совесть и скромность. На вашем факультете много профессоров и докторов афганцев, оттуда недавно пошел на пост министра Минвуза Сароби, есть группа немцев и других иностранцев с, возможно, высшей подготовкой, чем кандидат экономических наук Мамадназарбеков, никто не называет себя советником. К тому же упразднение этих незаконных званий советников принадлежит не

мне, а нашему партийному бюро.

Несправедливы Вы, Владимир Александрович, и в том, что, якобы, совет факультета сразу принял решение о сокращении часов по политэкономии. Совет изменил соотношение часов на лекции и семинары в пользу последних. Это замечательно. Именно об этой необходимости перейти от догматических к активным формам учебы мне пришлось просить вашего декана и выступать на большом Ученом совете. К тому же Мамадназарбекова никто из состава Совета не выводил, он не явился по причине своей амбициозности на заседание Совета, что не делает ему чести и нам, советским специалистам. Так кто же из нас лучше знает положение дел на вашем факультете?

Вы утверждаете, что в коллективе нездоровый морально-психологический климат и что вина этому - руководитель контракта. Товарищи, члены коллектива! Вы помните, как перед отъездом в Кабул на двух совещаниях в Минвузе М.В. Кипятков назвал товарища Твердохлеба и его жену виновниками развала коллектива в прошлом году?

(- Помним,- дружно ответило собрание).

Тогда подчеркивалось, что Вы с женой насаждали подхалимаж, угодничество, групповщину, психологический террор по отношению к честным труженикам, «задушили» в объятиях вместе с товарищами Архиповой, Мамадназарбековым и другими бывшего советника Москвина. Вы пытались и меня опутать паутиной групповщины.

Свои симпатии к передовикам труда не скрываю. Это они обеспечили нашему коллективу впервые призовое место в соревновании - лучший показатель здорового микроклимата. Но несправедливости не допускаю ни к кому и чувств своих не проявляю. Фактов у Вас нет. Так что прошу, Владимир Александрович, быть самокритичным и видеть свою вину в трудностях коллектива. Мой коллектив в Союзе не меньше этого. Однако все годы, которые мне довелось его возглавлять, он был передовым. Об этом свидетельствует моя характеристика.

Ответ В.В. Колесову. Данные о Вашей нагрузке взяты именно из расписания не мной, а теми людьми, которым Вы доверяете. У Вас неполных два рабочих дня в неделю, не считая того, что январь, февраль и часть марта - каникулы. Методических пособий Вы не представили, курсов лекций и научной продукции не видно. Лучших условий для работы искать не надо. Много времени, хорошая библиотека. Представители многих стран работают в единственном числе, без руководителя. Кто им создает условия? Вы небрежно обращаетесь с фактами. На факультете у Вас я был, с деканом беседовал, заведующий кафедрой отсутствовал. О Вашей работе с Вами беседовал. Помните, прежде, чем выйти с предложением о создании физико-математического факультета, беседовал с Вами, Виталий Владимирович. Однако, скажите, в решении какого вопроса Вы не нашли поддержки у меня? Молчите. Вас перевел бывший советник Москвин из КПИ для усиления своей группы. Но мне группы не нужны. Считаю ниже своего достоинства ориентироваться на групповой интерес в ущерб коллективному.

Несколько слов об Т.А. Архиповой. В Вашем выступлении есть существенное противоречие. С одной стороны. Вы утверждаете, что советник не в состоянии поставить четкой задачи, а с другой силитесь доказать, что только в этом году перед кафедрой был поставлен вопрос о подготовке пособий. А кто же эту задачу поставил? Молчите. А почему Вы не сказали, что не первый год работаете на этой кафедре, но не подготовили ни одного партнера, ни одной методической рекомендации? Вы все силы тратите на сохранение групповщины на кафедре. Вы предлагали мне в ультимативной форме дружить с Вами, как это делал Москвин. А после того, как я отверг Ваш ультиматум, Вы повели, словно незрячих, на меня Твердохлеба, Мамадназарбекова, Колесова, Ассеева, Смирнову. Вы глава этой группы. Вы должны нести основную ответственность за беды коллектива. Ваши голословные обвинения, клевета уже имели место на собрании. Мне все казалось, что Вы погорячились. Но теперь вижу, что клевета - Ваш метод подчинять себе слабых. Должен Вас разочаровать;

напишите хорошее методическое пособие - поощрим, не будете работать - покоя не дам. И никакие угрозы, клевета в мой адрес Вам не помогут.

Хочу, Татьяна Александровна, обратиться к Вам, как к женщине, которая имеет пенсию, прожила шесть десятков лет: скажите, чему Вы научили молодых преподавателей - наших и афганцев? Молчите. Тогда сам скажу; групповщине, психологическому террору. Понимаю, что стыдно осознавать эти «достижения». Но мои слова подтвердят многие, здесь сидящие. Вы утверждали, что в Вашей практике был случай, когда весь контракт откомандировали досрочно. Видимо, это Ваша цель. Но подумайте о тех, кто приехал честно работать.

Товарищи Н.И. Игошин, М.Г. Шарце и Т.Х. Габитов правильно поставили вопросы о недостатках в планировании, об основных обязанностях преподавателей. К этому следует дополнить, что опыт составления индивидуальных планов у каждого из нас большой. Формы планов такие, как в Союзе. Так что же мешает Вам правильно их заполнить? На производственных совещаниях мне приходилось об этом говорить. Прошу еще раз партийное бюро помочь мне призвать коммунистов, а профком - беспартийных к выполнению элементарных норм. У меня нет аппарата. Единственный переводчик и того отдаю на кафедру философии в связи с тем, что некому переводить лекции.

Коммунист В.А. Ассеев в сентябре-ноябре ставил меня в пример моим предшественникам Дедкову и Москвину за демократизм моих методов руководства, гласность, внимательность к людям. Но достаточно мне было напомнить в конце ноября о том, что пора за три года пребывания в Кабульском университете, имея минимальную учебную нагрузку, хотя бы отпечатать свой курс лекций и оставить на кафедре, как я стал антидемократичен, а когда подверг критике план методологического семинара, которым руководит Ассеев, так приобрел кличку сторонника командно-военного стиля руководства. Однако товарищ В.А. Ассеев представил, правда, небольшой, около 4-5 лекций спецкурс, который он читает всю педагогическую жизнь. Это уже мой успех.

Но, Владимир Александрович, Вы как профессор должны делать много раз больше. Ведь это Вас я имел в виду, когда говорил в докладе о том, что Вы единственный в течение двух месяцев не написали лекции в сборник курса по политике национального примирения, который отметил Наджибулла и который должен был быть переведен на дари и размножен среди преподавателей-афганцев с таким расчетом, чтобы с 5 марта начать учебный год с изучения этого курса. Сегодня 28 февраля, а лекции нет. Если бы у меня был военно-командный стиль, я бы Вас за такую откровенную, мягко говоря, безответственность посадил бы на гауптвахту, но у меня нет никаких прав, я даже не имею возможности объявить кому-либо выговор. А вспомните, как на заседании кафедры афганские преподаватели при всей их деликатности и уважении к нашей стране, отвергли Ваш спецкурс, как не представляющий ценности? А как недостойно профессора и человека Вы себя там вели? Мы, советские преподаватели, со стыда не знали, куда деться. А что Вы натворили с диалектическим материализмом? Вы валили всю вину на моих предшественников за то, что они не добились разрешения читать диамат. Но ведь я добился у министра Гияси этого разрешения еще в сентябре, а Вы под различными предложениями его не читаете и афганцев сбиваете с толку.

Уместно спросить, кто из трех советников Вам нравился? Никто! Так может быть, пора на себя взглянуть? Ведь самокритичность у Вас не просматривается. К тому же Вы чрезвычайно грубы. Вы не раз предлагали мне свою поддержку взамен на ограждение Вас от критики. Порой мне казалось, что Вы понимаете смысл перестройки, происходящей в СССР. Вы притихли, когда что-то Вам было необходимо от советника вопреки правилам, и мгновенно возникали на тех собраниях, на которых присутствовали представители из вышестоящих организаций. К тому же Вы очень искажаете факты, Владимир Александрович. По главным вопросам я советуюсь с коллективом, с кафедрой, с Ученым советом. Так было и в связи с открытием аспирантуры (аспирантура - это наша заслуга и,

пожалуйста, не поливайте ее дегтем), и с конференциями, и со спецкурсом по политике национального примирения. Если Вы забыли, посмотрите протоколы Ученого совета, партийных собраний. Демократия предусматривает высокую культуру дискуссий. Она ничего общего не имеет с наговорами, передергиванием фактов, грубостью. Вы уже не молоды. Когда же будете учиться качеству гражданина? Что же получается? Ветроумов меня оскорбил, извинился наутро, а Вы обвиняете меня? А в отношении Кандагара - просто наклеп. Товарищи, кого я заставлял писать заявление? Слышите, Владимир Александрович? Никого.

Коммунист Мамадназарбеков утверждает, что эффективность его работы во много раз возросла бы, если бы советник создал условия. Мы все в одинаковых условиях. Но скажите, что я мог сделать для Вас и не сделал? Не слышу. А теперь ответьте на такой вопрос. Я работаю неполных пять месяцев, у меня большой круг советнических обязанностей, моя основная работа - советник ректора. Вы же работаете полтора года, а где результат Вашей работы? Сколько Вы опубликовали методических пособий? Сколько учебников? Вы требуете переводчиков, а сами таджик, и значитеесь дари-язычным. Все Ваши просьбы, вплоть до не этических, я выполнял. Вспомните же Вы, наконец, кто с Вами ходил к министру? Кто решил Ваш очень трудный кадровый вопрос один? А теперь Вы мне подсунули второй. И этот я решил, хотя это не моя обязанность. Кто Вам нашел соискателя? Молчите.

Ученый совет начал работу в ноябре только потому, что раньше не были сформированы партийное бюро, профком и женсовет, а без этого Совет не создается. Надо правдиво обращаться с фактами.

Да, Вы правы, что поздно начали готовиться к конференции «Великий Октябрь и молодежь Афганистана», т.е. с сентября месяца. Это делалось по моей инициативе, с моим приходом. А почему Вы, считавший себя советником, не вышли с этим предложением год, или полгода назад? Весь мир готовился к 70-летию Октября, а Вы словно ждали меня для того, чтобы поставить наши успехи мне в вину. Неужели Вы забыли, когда в ноябре на Ученом совете утверждали о том, что конференция прошла на высоком теоретическом уровне, сравнивали ее с той, которая была в ИОНе и сказали: «Там было больше помпезности, а у нас больше деловитости, результативности». Посмотрите протокол Совета, который писала Ваша приятельница Архипова. Когда же Вы были правы, мужчина?

Полностью согласен с выступлениями товарищей Рожковой и Апполоновой. Получается так, что я виноват в том, что целый ряд товарищей не хотят работать. Надо всем коллективом потребовать от них отдачи.

Мне нечего сказать секретарю партийного бюро товарищу В.Ф. Солянику. Его послушать, так получается: кто работает, тот виноват.

Прав Владимир Александрович Ларионов, что у нас собрания не готовятся.

В целом по обсуждающемуся вопросу: основные проблемы - учебная и методическая работа - не получили делового обсуждения. Руководитель не мог помешать всем хорошо работать. Многие из Вас в Кабульском университете по 2-3 года. Но самокритичности в выступлениях почти не было. Никто не сказал, почему у него такая малая учебная нагрузка. Так дальше жить и работать нельзя. Мы позорим нашу страну, нашу миссию. От нас отворачиваются афганцы. Прошу партийное бюро, партком, профком, женсовет помочь мобилизовать коллектив на созидательный труд, повернуть многих от демагогии, критиканства, клеветы на путь труда».

Собрание все-таки приняло правильное решение. Мне были даны полномочия заняться учебной нагрузкой преподавателей. Замечания в мой адрес собрание отвергло. Оппозиция дрогнула и единогласно участвовала в принятии постановления. В открытом бою, где можно сравнить факты и нравственность разных сторон, она проиграла. В этот день в дневнике появилась весьма краткая запись: «Оппозиция во главе с Архиповой готовила

Твердохлеба, Колесова, Мамадназарбекова, Папяна, Ассеева к выражению мне недоверия, однако их цели были настолько очевидны, что вызвали отвращение не только у большинства собрания, но и у гостей: Шевченко Н.Г. и Ларионова В.А. Номер им не удался». Уже много времени прошло с момента писания дневника, а у меня не прекращается с ним полемика. Почему он так недоверчиво отражал факты? Почему поверхностно, без учета перманентной подлости людей спешил поверить людям, принять их пороки за поправимые ошибки? Почему успокаивал, не мобилизовал меня на более дипломатичное поведение, желал облегчить мне жизнь и тем самым усложнил ее?

Дневник, дневник! Ты свидетельство моей беспомощности в столкновении с групповым эгоизмом, моей жажды верить в порядочность людей без каких-либо на то оснований. Возможно, эта жажда исходила не столько от моей доверчивости, сколько от безудержного таяния моих сил в борьбе с безнравственностью других. Мне хотелось верить в людей, потому что катастрофически терял надежду на успех своего дела.

В детстве мне не раз приходилось слушать обращение моего отца к Господу-Богу. Исключительно трудолюбивый, переживший коллективизацию и все формы обдираловки и унижения партократии, вернувшись с фронтов Отечественной войны глухим и с набором осколков в теле, он, спрятавшись в сарае, или в огороде, громко взывал к Всевышнему помочь выжить его семье, дать хлеб насущный и избавить от лукавого.

Это были душераздирающие монологи человека, который в молодости по физической силе не знал себе равных во всем большом селе. Меня в отце поразили две стороны: замкнутость в беседе с людьми, тайная гордость, самообладание и откровенность, коленопреклонение, унижение перед несуществующим. То было недоверие к людям, взращенное сталинизмом, и жажда веры в то, что не все предательское в этом мире, должно быть хоть что-то порядочное.

Нечто подобное произошло с моим дневником 28 февраля 1988 года. Я поведал ему свою жажду веры в людей, принял их злопыхательство за скоротечную ошибку, а голосование «за» удовлетворяющую меня резолюцию, как акт раскаяния моих оппонентов. А как же иначе? Разве можно было совместить в одних и тех же людях такие факты. В январе они единодушно приняли решение: «3. За проявленные и внедренные инициативы, за существенный вклад в организацию учебно-методической, научно-исследовательской и советнической работы в Кабульском университете просить Объединенный профсоюзный комитет и АЭС отметить деятельность советника ректора Кабульского университета тов. Гончарука Г.И.»¹.

Это они отмечали, что благодаря в значительной мере внедрению моих инициатив, наш коллектив занял призовое место среди 149 коллективов советских специалистов в Афганистане. И вдруг опорочить то, что сами приветствовали. Для нормального человека такое шарахание противоестественно. Следовательно, были основания верить в ошибочность, временное заблуждение оппозиции. Судя по дневниковой записи, моя вера в раскаяние оппонентов не позволила увидеть того, что они дважды на собрании проявили беспринципность. Первый раз, когда в своих выступлениях опровергали сами себя, второй - когда не добивались включить в решение собрания свои предложения.

Я был готов принять за искренность выступление В.А. Ларионова, который заметил неделовитость партийного собрания и указал на непоследовательность оппонентов².

Поэт сказал: «Блажен, кто верует. Тому легко живется». Я был настолько наивен в своей вере, что не придавал значения возне с оформлением протокола собрания. Его готовила секретарь собрания Т.В. Смирнова. Женщина, уверовавшая в свою неотразимость, имевшая

¹ См.: Выписка из протокола профсоюзного собрания коллектива советских специалистов Кабульского университета от 9 января 1988 года

² См.: Протокол № 5 открытого партийного собрания организации № советских специалистов Кабульского университета от 28 февраля 1988 г., с. 16.

чрезвычайно низкую учебную нагрузку, партгрупорг кафедры русского языка, необыкновенно изобретательна в аргументации своих скверно отражающих действительность мнений.

Помню, однажды офицер по безопасности В.А. Бирюков среди рабочего дня потребовал от меня сведений, где в настоящее время находится Смирнова. Я ответил, что она вместе с преподавателем русского языка Ю.М. Папяном руководит практикой студентов в школе. Стали звонить в школы, где согласно расписанию находились студенты. Нам ответили, что их на работе нет. Бирюков начал мне угрожать санкциями за то, что я нарушаю инструкцию по безопасности подчиненных, не контролирую их передвижение в Кабуле. А Смирнову был намерен отправить в Союз. Вечером Смирнова мне сказала, что они были у знакомых, что тоже не снимало с них ответственности за нарушение безопасности и трудовой дисциплины. Однако после ее персональной встречи с Бирюковым претензии к Смирновой у него исчезли.

Вернемся к протоколу. Татьяна Александровна вдруг стала требовать от меня мое заключительное слово, наброски которого я делал по ходу выступлений. Я ей ответил, что секретарь президиума партийного собрания обязана составлять протокол по своим записям. Однако ее настойчивость была настолько утомительной, что я согласился дать копию своих набросков. Когда же мне предложили ознакомиться с протокольной записью моего заключения, то удивило, что оно дано к протоколу в виде приложения. На мой вопрос к секретарю партбюро В.Ф. Солянину, почему нарушается форма ведения протокола, он ответил, что это мелочи, они будут устранены в парткоме. Когда же, спустя несколько месяцев, передо мной оказались протоколы наших партийных собраний, то я с грустью увидел, что в протоколе даже не упоминается о том, что мне было предоставлено заключительное слово, а самого заключения нет даже в приложении. Кому жаловаться? Секретарю парткома Г.И. Петрову или его заместителю Н.Г. Шевченко, который присутствовал на собрании, а затем принимал эти протоколы у Соляника? Не уж-то коварство одной Смирновой, не замеченное партийными боссами? Вопросы... вопросы...

Мог ли я тогда со своей доверчивостью предположить, что изъяв мое заключительное слово из протокола, они таким образом изобразили меня для несведущих как признавшего критику правильной и на этом «основании» приняли решение о снятии меня с должности. Телеграмма с целью получить согласие у министра Г.А. Ягодина была отправлена в Москву 3 марта 1988 года. И согласие было получено.

Все это делалось в глубокой тайне от меня, но не от коллектива. От своих коллег я узнал, что посольство, партком и АЭС ждут со дня на день самолет, чтобы отправить меня в Союз. Однако со снятием почему-то медлили. То ли усомнились в надежности оснований, то ли не подготовились к принятию решения нового посла. То ли ответ из Москвы «на ваше усмотрение» дал почувствовать организаторам вакханалии, что ответственность ложиться на них. Судя по дальнейшему развитию ситуации, мудрые руководители решили добрать фактов, наработать материала, существенно пополнить мое досье. Моя же активность по выполнению решения указанного партийного собрания показалась для них ничем иным, как поведением обреченного подопытного кролика.

Только то приветствовалось в Аппарате экономического советника и в парткоме, что могло порочить меня. Как мне сообщил Габитов, слухи о моей отправке в Союз распускает в коллективе Шарце. Во второй половине марта полковник КГБ А.И. Гоев, кабинет которого находится в АЭСе, сказал мне, что визит Ларионова в Москву имеет первой целью добиться однозначного согласия Ягодина на мою отправку в Союз. Однако он, Гоев, не уверен в успехе этой миссии, ибо оснований для отстранения меня от должности нет. В доводах АЭС и парткома чувствуется больше мести за мою строптивость, амбициозности, чем здравого смысла. Гоев просил на него не ссылаться. Если буду поднимать этот вопрос, то говорить: земля слухами полнится.

Надо сказать, что Алексей Иванович кагэбист тот, который вызывал симпатию не только своим добрым лицом и уважением к собеседнику, но и трезвыми оценками нашего пребывания в Афганистане. Последний раз судьбе было угодно свести нас в вагоне московского метро в июле 1988 года, когда я направлялся к председателю Государственного комитета СССР по народному образованию Г.А. Ягодину.

Гоев оказался прав. Ларионов приехал без дополнительной поддержки. На мой вопрос: добивались ли согласия на отстранение меня от должности, он, отведя в сторону большие плохо видящие серые глаза, ответил: «Нет. Сказали, что с вами необходимо больше работать, воспитывать вас». Но пользу от своей поездки он все-таки извлек - добротой покрасил в блондинистый цвет седые, некогда рыжие волосы. Московская покраска выгодно отличалась от той грубой, кустарной, неаккуратной, которая ранее была у Ларионова.

Не забыть рассказать тебе, читатель, об одном загадочном явлении в жизни нашего контракта, которое формировалось и процветало на кафедре русского языка, вовлекая в свою орбиту слабохарактерных, несамостоятельных или склонных к психологическому воздействию людей из других кафедр. Я бы назвал его «бабовщиной», напоминающую армейскую «дедовщину» - издевательство «стариков» над «салагами». Организатором этого явления была фантастически, болезненно властолюбивая шестидесятилетняя москвичка Татьяна Александровна Архипова, среднего роста, средней упитанности, неостепененная, с короткой юношеской черной крашенной прической, со столичной заносчивостью и непокрытой в морозы средних размеров головой. Как указывалось в характеристике, разводная. Ее достойной ученицей была сравнительно молодая, знающая самой себе установленную цену тоже неостепененная преподаватель из Киевского университета тезка первой Смирнова, в больших очках. Все похвалялась, что ее второй муж очень ревнивый. Они второй год находились в Афганистане. Поселились в одной квартире. Обе обладали неукротимой страстью верховодства, словно желая компенсировать знанием приемов обработки людей отсутствие ученых степеней и званий.

Надо отдать им должное: они проявили незаурядные, почти кашпировские способности склонять на свою сторону людей. Арсенал их приемов был чрезвычайно разнообразен. Поражал в нем исключительно индивидуальный подход к каждому. Приведу несколько примеров. В группе советских преподавателей русского языка (их было сначала 14 человек) советником был избран на общественных началах преподаватель из Еревана, впервые в тот год прибывший в Афганистан Ю.М. Папаян, симпатичный, невысокого роста с подчеркнутым чувством личного достоинства. Начинать он неплох. Пытался быть объективным, стоял за справедливую учебную нагрузку, часто приходил ко мне. Советовались, искали решение. Однако достаточно было ему поехать вдвоем со Смирновой в районы прохождения студентами практики - человека словно подменили. Он лишился объективности, автоматически занимал позиции этих женщин, участвовал в формировании конфликтов на кафедре. Партийное бюро, рассматривая жалобу его же коллеги Г.Ю. Бычковой на него, отстранило Папаяна от руководства группой.

Еще примеры. Доцента юридического факультета, москвича М.Г. Шарце, заместителя секретаря партбюро, страдающего язвенной болезнью, они расположили кухней. Он сам этого не скрывал. Гениально просто эти дамы лишили самостоятельности в суждениях и поступках секретаря партийного бюро доцента кафедры философии, киевлянина В.Ф. Соляника. Нетрудно было заметить, что он боится подозрений в тайных любовных связях. Рослый, видный мужчина, видимо, в прошлом сгорел на этом. Сначала вел он себя как секретарь партийного бюро безупречно. Мы с ним советовались по различным контрактным, учебным, научным, партийным вопросам. Мне импонировало его желание оздоровить атмосферу в коллективе, ликвидировать противоречия прошлых лет. Он в Афганистане находился, как и я, первый год, был свободен от груза антагонизмов. Я его рекомендовал на пост секретаря партбюро. И вот однажды, когда он выступал на собрании наших

преподавателей русского языка с миротворческой речью, Смирнова удачно использовала какой-то предлог и бросила в его адрес реплику: «Конечно, мы же не ходим к вам после девяти часов вечера, как некоторые дамы...». На этом его выступление закончилось. Руки начали дрожать. Соляник стал другим. В последующие дни ему почти не удавалось скрыть желание угодить Архиповой и Смирновой. А ведь его-то менее всего можно было заподозрить в склонности к амурам.

Первый год работала в Афганистане доцент из Куйбышева, биолог Л.Я. Мячина. Красивая, изящная, играющая в теннис, собранная и строгая к себе, она решилась на командировку в столь опасную страну, чтобы заработать деньги на памятник умершему мужу. Когда же попытки лидеров «бабовщины» склонить Лидию Яковлевну на свою сторону не увенчались успехом, Смирнова ей как бы невзначай бросила: «О вас очень плохого мнения в парткоме». Беспартийная Мячина загрустила не на шутку. Партком - словно инквизиционный центр. Смирнова цели достигла, будучи твердо уверенной в своей безнаказанности, ибо последовательная, совестливая Мячина не пойдет в партком наводить справки.

О других приемах этих дам пойдет речь в письме ее коллег, копия которого будет приведена ниже. Здесь следует заметить, что не все преподаватели русского языка оказались у них под пяткой. Например, единственная кандидат филологических наук на этой кафедре уфимка С.А. Салова, дородная, твердая, откровенная, воспринимала их притязания с юмором. Не стали перед ними на колени О.И. Рыжкова из Кишинева и С.И. Крылова из Запорожья. Но наиболее трудным для них орешком оказалась Г.Ю. Бычкова, москвичка, воспитанница МГУ, самая молодая в коллективе. Об этом будет сказано позже.

Не оставили без внимания эти две дамы и меня. Сначала пробовали установить особые контакты с моей женой, работающей в отделе русской литературы в библиотеке. Однако мы условились с Ниной Михайловной вести себя со всеми ровно, отношение строить на производственной основе, в добром деле всем помогать, в плохом не потакать. Здесь у них произошла осечка. Затем они вышли на меня. Не раз вдвоем в моем кабинете, а однажды с Папяном, а затем и Ващенко говорили о трудностях на кафедре и неизменно заканчивали просьбой ко мне принять меры к тем, кто позорит авторитет советского преподавателя. Приглашали посетить кафедру.

Приглашение я принимал. Однако ходил на кафедру не один: то ли с советским «треугольником», то ли с афганским ректором. Только однажды удалось мне преодолеть чувство самосохранения: посетить одному заседание кафедры русского языка. И, как и следовало предвидеть, не обошлось без интриг.

Допустил однажды в беседе с ними неосторожность. В ответ на их требование досрочно откомандировать по причине профессиональной непригодности С.И. Крылову я сказал, что от афганской стороны рекламации не поступало. У нас нет никаких оснований для отправки Крыловой. Через несколько дней вдруг с таким же требованием пришел заведующий кафедрой Халим Хаким, издерганный пуштун, среднего роста, средних размеров очки, с усыхающей после автомобильной катастрофы безжизненной левой рукой.

Халим Хаким - человек непростой. Он из тех афганцев, кто на словах любит советских, а на деле всячески их компрометирует. Весьма тонко используя противоречие между группировками наших руссистов, Халим Хаким умело обострял их. Пользуясь доверием советских преподавателей, готовых в борьбе со своими пользоваться услугами отзывчивых афганцев, он сначала помогал Архиповой и Смирновой расправляться с Крыловой и Бычковой, а потом стал заявлять публично, что советские преподаватели погрязли в междоусобных конфликтах и за восемь лет пребывания в Кабульском университете не подготовили ни одного методического пособия, ни одного партнера. В общем это был тот случай, аналогичный которому описан Артемом Боровиком в одной из статей в «Огоньке» за 1989 год, где убедительно показано как хвост управлял собакой - не

мы афганцами, а они нами. Именно моральное разложение английской армии в первой половине нашего века было использовано афганцами, как путь к победе.

В беседе с Хакимом мне удалось убедить его, что досрочное откомандирование Крыловой - вопрос сложный. Она опытный педагог. Для оценки ее работы необходимо создать высококвалифицированную комиссию, возможно, с участием преподавателей других вузов. Поэтому ему следует прежде всего самому посетить занятия Светланы Ивановны, а затем со знанием дела обратиться с письменной просьбой к ректору, который будет принимать окончательное решение. Халим Хаким задумался. Или не хотел лишнего шума, или знал о моих хороших отношениях с ректором. В заключение я сказал ему: «Уважаемый Халим Хаким. Судя по всему, вы испытали на себе удары судьбы и способны познать беды человека. Не посчитайте за труд, побеседуйте с Крыловой один на один. Попытайтесь глубже понять ее. Она одинокая женщина. Возможно, в жизни ей никто доброго слова не сказал. А мы с вами, не разобравшись, причиним человеку новые страдания. Аллах нас не поймет». Халим удивленно переспросил: «А разве Светлана Ивановна не замужем?». «Нет», - ответил я, - и вам, как заведующему кафедрой следовало об этом давно знать».

О нашем разговоре я сообщил Крыловой, просил повнимательней быть в беседе с Хакимом, не прибегать к наговорам на других, больше говорить о деле. Вскоре Светлана Ивановна наладила отношения с заведующим. Проблема была снята.

Через некоторое время Халим вслед за Смирновой и Архиповой пришел требовать досрочно откомандировать Бычкову по причине грубых нарушений дисциплины и не подчинения заведующему, то есть учли неудачную мотивировку при требовании отправки Крыловой. Хакиму мой ответ был таким: вопросы дисциплины находятся в моем ведении, я разберусь и сообщу ему свое решение. Сам же потребовал от Бычковой объяснительную записку, а Производственный сектор профкома попросил помочь мне разобраться и сообщить свои выводы. В результате выяснилось: сырбор разгорелся из-за того, что деканат внезапно перевел занятия Бычковой в другую аудиторию. Она же не смогла предупредить Халима Хакима, так как его не было в то время на кафедре. Факт не стоит выеденного яйца, зато шума наделали на всю Ивановскую.

Видимо, Архипова и Смирнова остались недовольны собой, сработали мелочно и грубо. Однако лавры лидерства не давали покоя. Как-то неожиданно в дверях моего кабинета появляется Архипова. С самого утра. Подумал: что-то стряслось недоброе. Пригласил пить чай. Отказалась. Однако на диван все-таки села. «Чем обязан раннему посещению столь уважаемого человека», - спросил я. Татьяна Александровна, повернув голову в мою сторону, сфиксировав все тело, сознательно управляя движениями губ, сказала, что у нее две цели визита. Первое - убедительно просить меня не чинить препятствия в передвижении по городу «нашему Мишеньке». (Она так называла доцента Михаила Георгиевича Шарце). У него широкий круг обязанностей, много знакомых в посольстве, в городе. Ему необходима автономность. «Вы потребовали от Мишеньки письменное объяснение за самовольную отлучку. Вам следует отказаться от своих слов», - чеканя каждое слово, произнесла Татьяна Александровна.

Вторая цель: потребовать от меня не вмешиваться в работу кафедры русского языка. Фактом вмешательства, оказывается, было то, что я не позволил досрочно откомандировать Крылову и Бычкову. «Злые люди бедной киске не дают украсть сосиски», - подумалось мне. «В противном случае, Григорий Иванович, у вас будут большие неприятности», - закончила Архипова свой ультиматум.

Обратив внимание на мешки под глазами, на несвежесть лица, на морщины, дальше обычного забравшись на переносицу - верные признаки плохого сна, я сначала принял и ее речь как результат бессонницы, которой не следует придавать серьезного значения. Потому в мягкой форме рассказал ей, что требования безопасности продиктованы не тем, что я не хочу иметь взыскания по линии работников КГБ. Это, во-первых, в интересах самих наших

коллег, а во-вторых, если что-то случится с моими подчиненными, то согласно существующим порядкам мне грозит тюрьма, содержание иждивенцев пострадавших, или оплата пенсии по инвалидности. «К тому же, почему это вы, женщина, просите за мужчину? Разве он не может сам подойти ко мне с этой просьбой?»

По второй части ультиматума пришлось объяснить, что в методические, научные и другие виды работ кафедры в их быт, партийные и профсоюзные дела я не вмешивался и впредь не стану вмешиваться. Моя сфера административная. Как бы не поносился административный метод, но у администратора просто не существует другого. Все проблемы, которые будут выходить на меня, я обязан решать. Иного не дано.

- Что же. У вас еще есть время подумать над моими словами,- сказала Татьяна Александровна. Поднялась. Посмотрела высокомерно-угрожающе на меня и демонстративно, не простившись, проследовала к выходу. На следующее утро на стоянке в ожидании автобуса в присутствии ряда коллег вне всякой связи с ведущимися разговорами Татьяна Александровна произнесла: «В моей практике был случай, когда весь контракт во главе с руководителем откомандировали досрочно», - и снова тот же взгляд в мою сторону.

О «бабовщине» достаточно. Пора рассказать о нашей работе в условиях вывода из Афганистана советских войск, начавшейся 15 февраля 1988 года. Те спектакли, которые показывала по Центральному телевидению Москва, не отражали существенной части ситуации. Частые совещания в Аппарате экономического советника, в посольство по вопросам непредвиденной эвакуации советских специалистов из Кабула свидетельствовали о том, что наши ответственные за безопасность работники не располагали полной информацией о возможностях моджахедов в столице и за ее пределами. Моя рабочая тетрадь содержит много записей, часто противоречивых инструкций, дававшихся на этих совещаниях. Никаких запасных вариантов: приедут грузовики, прозвучат сигналы, в течение получаса всем погрузиться и уехать в пункт сбора - аэропорт. Слушая сбивчивых инструкторов, неуверенные их ответы, не раз представлял такую ситуацию. Собрали нас в течение нескольких часов в аэропорту. Скажем, четыре тысячи специалистов. Много женщин. Душманы решили обстрелять место нашего скопления. Во что бы превратилась чаша аэропорта? На то ответа не было.

Зато все, кто был на этих совещаниях или по другим причинам посещал посольство, не мог не обратить внимание на гул землеройных машин, бетономешалок, лязг металла, шипение сварочных аппаратов... То лихорадочно соорудался под окнами кабинетов секретаря парткома и посла жилой бункер для длительного в нем пребывания руководителей нашей интернациональной миссии и их прислуги.

Если бы только это. На виду у всех жителей Кабула и гостей параллельно уже существующему железобетонному забору высотой метра три с глубоким рвом перед ним начали строительство «второй очереди» еще более мощного забора при сохранении прежнего. Кому принадлежит идея такого символа интернационального единства с афганским народом, не берусь утверждать. Но не слышал ни от кого из руководства осуждения. Слышал только панические требования секретаря парткома Г.И. Петрова ускорить темпы строительства защитных сооружений. Видимо, страшным стал возможный день расплаты за миллионы убитых, искалеченных, осиротелых на многострадальной афганской земле.

Двойной железобетонный забор с глубоким рвом посередине... И только у нашего посольства такой. Вокруг зданий посольства других стран, в том числе и США, заборы из тонких «жидких» металлических прутьев. Вся территория посольства просматривается. А у нас? Что твоя средневековая крепость. Достаточно посмотреть и на заборы посольств, чтобы определить в каком из них сидят преступники.

Заборы, заборы... Они стали атрибутом жизни нашего общества. То прятали за заборами лучших своих людей, убивая их, то теперь, убивая чужих, прячемся сами за

заборы. Словом, заборное общество.

Не только работники посольства стали смелее проявлять свою сущность. Не отставали от них наши специалисты. Заплясал покупательский ажиотаж, спешка в отоваривании. Все чаще стали просить машину, чтобы возратить дуканцику «подсунутый» бракованный товар. Стали сползать нравственные маски: ранее тайные любовные связи уже мало скрывались, возникла любовь ранее несовместимых особей, озлобленность в связи с разрушением контрактных планов нарастала, нервозность в связи с обеднением питания усиливалась. Весь коллектив погружался в состояние общего психоза.

Смешными выглядели те, кто пытался заслужить у начальства расположения для приезда в Афганистан в будущем году. Их старания были фанатичны. Горе тому, кто рискнул бы им в этом препятствовать. Нищета может толкнуть человека на убийство, а голод - на каннибализм. Некоторые дрогнули и под различными предложениями покидали Афганистан.

Внешне Кабул жил прежней жизнью. Но кто берется сказать, о чем думали его жители? Можно было только догадываться, что одни желают нашего ухода, другие, особенно те, кто за годы нашей оккупации приобрели доходную должность, или нажили состояние, могли тревожиться за свою судьбу, они-то были полны решимости не сдавать моджахедам Кабула. Торгаши, дуканчики, хоть и могли сожалеть о советских малоразборчивых покупателях, но скорее всего готовили себя к выживаемости в новых условиях.

Однако пристальный глаз без труда заметит изменения отношений к нам афганцев, если прочтет две дневниковые записи, сделанные на следующий день после начала вывода и, скажем, на следующий день, после указанного выше партийного собрания. Понимаю, что даты не соизмеримы. Это если брать в мировом масштабе, а применительно к моей работе, думаю, с натяжкой можно сопоставить.

«16 февраля 1988 года. Пошли хорошие теплые дни. Днем солнца столько, что кажется весна завтра. Только белые контуры далеких гор и теневые стороны близстоящих вершин, покрытые снегом, напоминали о том, что с одеждой нужно быть осторожным, не спешить снимать теплые вещи.

С утра поехал в ЦК ДОМА. Нужны материалы для лекций и доклада на конференцию. На одном из перекрестков многолюдных улиц в ожидании перехода пешеходов мои глаза остановились на их обуви. Какой только обуви нет! И галоши, и различные башмаки на босую ногу, и резиновые сапоги, и ботинки, реже - хорошие туфли, девичьи сапожки, иногда очень модные. Интересный народ афганцы. Голова в большой чалме, шея, плечи, спина, вплоть до пояса, и ниже завернуты накидкой с бахромой и узорной полосой по краям (вроде скатерти), штаны свободные с множеством складок и мотней до колен, внизу они не достают до щиколоток, далее - голая нога и какая-нибудь обувь. Глядя на них, можно подумать, что своему телу, ниже пояса они значения не придадут, а может (скорее всего),- это показатель нищеты, убогости. Обратил внимание на мальчика, ростом с Толика (мой младший сын), который нес на груди подвешенную к шее большую деревянную полку с множеством различных пачек папирос - бродячий лоток. Повсеместно можно видеть малышей, выполняющих различные работы; толкают большие тачки, или повозки, несут какие-то грузы, моют посуду, торгуют в дуканах.

Вернувшийся из Герата советник отдела студенческой молодежи В.П. Гредюшко рассказывал, что две ночи, находясь в отделе «Герат», они спали на полу, положив рядом автоматы. Один день не могли выйти на работу, отель обстреливался со всех сторон. В партии раскол, главари банды, которые обещали навести порядок, сделать это не в состоянии.

29 февраля. Зав. кафедрой философии Хазрат принес бумагу за подписью декана о том, что для Ассеева не хватает часов.

Очень интересно, когда белые вершины гор сливаются с облаками и не видно границ.

Ездил в ЦК ДОМА. Обратил внимание на мальчика лет восьми - водоноса, который тащил два ведра, подвешенные длинными веревками на небольшую палку, обмотанную тряпкой, чтобы уменьшить боль на плече».

Среди различных деталей моей жизни этих дней самая существенная в работе - это требование в мягкой форме афганцев освободить их от сотрудничества с профессором Ассеевым¹. Меня насторожили в этом случае несколько моментов. В прошлом месяце на заседании Совета наших специалистов, отчитываясь о своей советнической деятельности, он доказывал свой громадный вклад в развитие факультета². Ассеев третий год работал на факультете, теперь просят его убрать, а двух наших доцентов оставить. Не последним моментом в цепи обстоятельств было и то, что подписал бумагу декан, родной брат председателя Совета министров Афганистана, Кештманд, окончивший Сорбонну. Ассеев неоднократно похвалялся дружескими с ним отношениями, любил «блеснуть» своим руководством диссертационной работы декана. Плохо мы знаем афганцев, еще хуже осознаем их отношение к нашей помощи. Все это мне напоминало рассказ одного старшего лейтенанта родом с Украины. Он поведал, как в одном кишлаке наши военные вручали афганцам ботинки в качестве безвозмездной помощи. А на утро следующего дня обнаружили близ своей заставы те же ботинки, только порубленные.

Аналогичного содержания принес письмо декан экономического факультета. На этот раз возмездие коснулось Твердохлеба¹, о котором всего несколько дней назад на заседании нашего Совета Мамадназарбеков говорил как о незаменимом работнике, взвалившем на себя груз преподавания курса «Экономика Афганистана». «В.А. Твердохлеб - добросовестный и высококвалифицированный специалист по планированию. Другого такого специалиста в РА нет. В.А. Твердохлеб честно работает», - отмечал советник факультета².

Поэтому меня поразил своим ответом декан, принесший письмо. Я спросил:

- А кто же будет теперь читать предмет «Экономика Афганистана»? Разве у вас есть другой специалист?

- Экономику Афганистана читаю я. Это моя проблема. Я по ней защитил докторскую диссертацию в Венском экономическом университете, - удивился он моему вопросу.

Наводить справки у Твердохлеба я не стал в интересах, так сказать, личной безопасности. Он мог использовать каждый предлог для похода к Ларионову. О цели похода догадываться было не трудно³.

Одним из первых на защиту Твердохлеба встал офицер госбезопасности В.А. Бирюков. Не знаю, насколько искренне были его доводы, но он мне сообщил следующее:

- Григорий Иванович, Твердохлебу надо помочь остаться на факультете. Откуда вы знаете, может быть, он послан с другой целью?

Надеюсь Бирюков не станет отрицать того факта, что он готов был рассматривать нас всех, как присланных с другой целью. В противном случае, о чем свидетельствуют его требования к каждому нашему преподавателю дать письменные характеристики по заданным параметрам на афганских партнеров? Правда, здесь надо сказать, что не все добросовестно выполняли требования. Некоторые умудрялись не писать доноса. Среди поступивших «характеристик» исследователь не найдет бумаги, поданной мной на моих подопечных - Хабиба и Эноята.

Молча я выслушивал сообщения о том, что афганцы срывают замки с комнат афгано-

¹ См.: Фотокопия письма декана историко-философского факультета Кештманда от 28.02.88 г.

² См.: Протокол № 3 заседания Совета советских специалистов Кабульского университета от 17 января 1988 г., с. 1-2.

¹ См.: Фотокопия письма декана экономического факультета от 1.03.88 г.

² См.: Протокол № 4 заседания Совета советских специалистов Кабульского университета от 21 февраля 1988 г., с. 2-3.

³ Много месяцев спустя Твердохлеб напомнил мне об этих своих качествах в письме из Киева в Одесский горком партии и Приморский райком партии, где недоумевал по поводу выдвижения моей кандидатуры в горком партии.

советской дружбы и проводят там занятия. Моя позиция была такой: создание таких комнат на каждом факультете и в библиотеке при острой нехватке аудиторий - провокация против нашей страны. Однако на требование Твердохлеба, ответственного за их работу, принять меры, вмешиваться в этот процесс не стал. Лицемерить не могу, а правду сказать - значит, дать «факты» в руки моим оппонентам для новых обвинений в том, что я препятствую выполнению нашим специалистами интернационального долга.

Были и другие моменты открытого сопротивления афганцев нашему присутствию в Кабульском университете. Именно в это время выпал провал афганцами учебника, подготовленного Мамадназарбековым. Не берусь судить об истинных причинах, но официально сказано - плагиат, или, с учетом издержек перевода, компиляция.

В моем дневнике за 7 марта 1988 года есть запись: «...В беседе Ларионова с Эноят с моим участием в кабинете ректора за крепким кофе с четырехугольными афганскими пряниками Эноят сообщил, что Шарце отнял у немцев из ГДР полнагрузки себе и что он не представляет ценности для юрфака». А 24 марта такая запись: «Приезжал на работу Бирюков. Беседовали часа два... Тем не менее я поставил вопрос, как быть с бумагой на Шарце. Он (Бирюков) согласился, что ее все-таки необходимо брать»¹.

Афганское сопротивление нашей оккупации было разнообразным. Боролся каждый, как мог. Проректор по научной работе университета Задран, выступая на заседании Лойя джирги в начале декабря 1987 года, предложил на первое место в трехцветном флаге Афганистана поставить черную полосу, что означает трагическое колониальное настоящее народа, затем красное - революционное и на последнем месте зеленое - свобода. (Первое у них считается снизу)².

Позже стало известно, что отношение к советским специалистам в других странах тоже нормальным не назовешь. Еженедельная газета «Аргументы и факты» со ссылкой на газету «Щит и меч» № 34 дала тревожную статистику. «В 1985 году в 6 случаях покушений на жизнь советских граждан за рубежом 1 был убит, 4 ранены; в 1986 году соответственно 4 и 17; в 1987 году - 1 и 1; в 1988 году - 4 и 3, за девять месяцев 1989 года были ранены свыше 20 человек.

Почти постоянно за рубежом происходят случаи так называемого «психологического» терроризма, который направлен на нагнетание атмосферы нервозности в коллективах советских колоний, создание помех нормальному функционированию советских представительств. Обычно это анонимные, сделанные в письменном виде или по телефону предупреждения о якобы готовящихся взрывах, убийствах и других враждебных акциях.

В 1985 году подобных писем и телефонных звонков зафиксировано 187, в 1986 г. - 183, в 1987 г. - 136, в: 1988 г. - 95, за девять месяцев 1990 г. - 69»¹.

Если учесть, что в последние годы число советских работников за рубежом резко сократилось, то приведенные факты свидетельствуют об отсутствии привлекательности нашего труда и наших нравов в других странах.

Досталось от афганцев и мне. Как-то в одной из бесед с руководителями университета афганцы назвали моего соседа по квартире ректора Кабульского политехнического института Хелали «автоматом Калашникова» в руках нашего советника Лунина. Однако за несколько дней до моего отъезда из Афганистана меня познакомили с письменным доносом Хелали, в котором он прошелся по мне «автоматной» очередью мелочных, надуманных фактов. Не менее гнусный донос поступил от афганки с кафедры русского языка.

Меня поразил не сам факт доносов (Аллах с ними, афганцы сопротивляются, как могут), а то, что эти доносы поступили не по официальной линии - Министерство высшего и

¹ В официальном письме декана юридического факультета сообщалось о том, что пребывание Шарце на факультете не способствует укреплению афгано-советских отношений. Ректор принес его мне, но без комментариев.

² См.: Дневник советника Кабульского университета за 5 декабря 1987 г.

¹ См.: Аргументы и факты, январь 1991 г., № 3 (536).

специального образования, МИД РА - Посольство СССР в РА, а (скажешь, нормальные люди не поверят) в советский отдел госбезопасности. От кого афганцы узнали, где находится этот отдел, если даже я не знал? Нетрудно догадаться, что спусковой крючок «Калашникова» нажимала советская рука.

Моя реакция на действия афганцев не была стандартной. Согласно логике вещей Ассеева и Твердохлеба необходимо было отправить в Союз по причине отсутствия работы. Однако моя хохлацкая доброта дала знать о себе в таких действиях: Твердохлеба предложил перевести в КПИ, где нуждались в преподавателе конкретной экономики, а своего аспиранта, заведующего кафедрой философии Хазрата уговорил выделить Ассееву несколько часов учебной нагрузки, отдельные же он мог добрать в Институте общественных наук, куда его приглашал в своем письме на мое имя советник П.В. Дзюбенко. Неформального лидера кафедры русского языка, где не утихал смерч конфликтов под предлогом распределения учебной нагрузки, злого гения конфликтов Архипову перевести в контракт КПИ в обмен на давшего согласие навести порядок на указанной кафедре моего земляка и коллегу по Одесскому политехническому институту А.П. Ващенко.

Перемещение из контракта в контракт предусматривалось положением о руководителе советского коллектива. Оно давало возможность всем доработать свой срок и «с чистой совестью на свободу», то есть материальные интересы не затрагивались. Мои предложения были одобрены на заседании актива нашего коллектива. Ассеев и Твердохлеб дали согласие. Аппарат экономического советника издал соответствующие документы. Гущин объяснил Архиповой причину ее перевода.

С Шарце было труднее. Медлил Аппарат экономического советника. Бездействовал и я. Однако, видимо, сам Шарце почувствовал что-то и поспешил задолго до окончания учебного года ретироваться в Советский Союз, успев, правда, на прощание написать большую кляузу на меня, употребив весь свой юридический талант и безграничность воспаленной фантазии.

Решив правильно проблему с Твердохлебом и Ассеевым, я допустил непоправимую ошибку с приглашением Ващенко в наш коллектив. Его полная, казалось, добродушная внешность оказалась обманчивой. 7 марта 1988 года Ларионов его представил советской группе кафедры русского языка. 9 марта в дневнике записал: «Скверная погода. Температура около нуля. Дождь весь день.

С утра был в библиотеке, где проходила конференция, посвященная 110 годовщине афганского историка Кумы. Затем с Эноятom представили кафедре русского языка А.П. Ващенко. Беседовали вместе с Халимом Хакимом. Эноят в одном костюмчике. Дрожал. Я периодически накрывал его своим пальто...»

Затем Ващенко попросил 10 дней отпуска для улаживания своих переходных дел. Я согласился. Вернувшись, он неожиданно вопреки нашим договоренностям в ультимативной форме стал требовать продления его пребывания в Афганистане на четвертый год. Мне стало не по себе от таких выпадов. Но у меня не было возможностей выдавать ему векселя. В коллективе меня не поняли бы. Ващенко перестал отвечать на мои приветствия. Его частые встречи с Луниным, Твердохлебом, поездки без моего ведома к Ларионову ничего хорошего не предвещали. Пик его нездоровой активности совпал с вхождением в свою роль нового посла Н.Г. Егорычева. Закономерны ли, случайны ли эти совпадения, судить не берусь. Но мне представляется: был бы П.П. Можяев, Ларионов в обход меня не стал бы вызывать к себе Ващенко.

Уже 5 апреля в дневнике появилась такая запись: «С кафедры русского языка тревожные вести. Неравномерное распределение нагрузки привело к новым напряжениям на кафедре. Ващенко надежды не оправдывает. Отсутствие гибкости, логики, тупое упрямство и самодовольство - его ведущие черты». 11 апреля еще запись: «Были в кино в ИОНе. Плохое. «Следы оборотня».

Ващенко совершил предательство. Ездил в АЭС к Ларионову. В течение двух часов лил грязь на меня... Об этом стало известно 11 числа».

Ващенко возил протокол собрания советских преподавателей кафедры русского языка, которые своим большинством осуждали Бычкову за то, что она в своем заявлении в профком и партбюро требовала увеличить нагрузку Папяну. Она у него составляла 12 часов. Я не мог принять приглашение Ващенко прийти на это собрание, поскольку считал, что распределение нагрузки - дело кафедральное. Консультации на этот счет дает наш филиал Института русского языка им. Пушкина (ФИРЯП) в Кабуле. Сам я считал себя не компетентным определять, сколько отдельных предметов ведет Папян. Бычкова в свою очередь предлагала дать ей предметы Папяна, она при этом соглашалась иметь нагрузку 24 часа. Все это было мелко и недостойно интеллигентов. 12 апреля заметив Папяна с Егоровой (они часто ходили вместе, как пионеры, за ручки) с цветочниками, наполненными свежей землей, я попросил Папяна быть мудрее девчонки Бычковой. Неужели ему так трудно вместо двух дней в неделю проработать три, а четыре отдыхать. Он согласился. Однако вечером мне сказали, что после бесед со Смирновой и Ващенко он не согласился на увеличение нагрузки.

Видимо, ликвидация конфликта не входила в планы его организаторов. Я очень сожалел, что этот конфликт бушует в то время, когда идет чрезвычайно напряженная работа по подготовке к Всеафгаической научно-практической конференции «Политика национального примирения и молодежь Афганистана», начатая по моей инициативе и приковавшая к себе внимание не только вузовской общественности, но и ЦК НДПА, ряд министерств.

13 апреля меня вызвал О.С. Гуцин и предупредил, что если конфликт не будет ликвидирован, то всех его участников отправят в СССР. Комиссия для расследования создаваться не будет. Ларионов, который поджидал меня в коридоре, потребовал от меня сообщить до 16 часов о ликвидации конфликта.

Приехав в институт, я пригласил всех советских преподавателей кафедры русского языка и передал слова Гуцина и Ларионова. При этом я сказал, что на месте Бычковой отозвал бы свое заявление, а на месте Ващенко спрятал бы позорящий Бычкову протокол собрания. А нагрузку следует распределить согласно существующему положению и решению февральского партийного собрания. Ващенко сначала согласился. Но после перерыва, встретившись с Луниным и позвонив Ларионову, отказался увеличить нагрузку Папяну.

Далее привожу дневниковую запись: «Вскоре подъехали Гуцин и Ларионов. На вопросы Ващенко, есть ли решение об отправке, Гуцин сказал, что решение об отправке принимает посол и что он просит извинение за случившееся. Я сказал, что приношу извинения за неправильно понятый разговор с Гуциным, но тем не менее готов реализовать его - написать служебную записку об откомандировании участников конфликта. Клеветнические выступления Ващенко не были восприняты гостями. Смирнова, как и Ващенко, пытались причину конфликта объяснить методами моего руководства, однако на мой вопрос, почему же в прошлом году без меня конфликты на кафедре были еще острее, Смирнова не могла ответить, а ведь она была партгруппоргом и в прошлом году. Гуцин занял компромиссную позицию.

После выступления всех (я не выступал) слово взяла Бочкарева. Ее позиция обрадовала меня. Она сказала, что дело не стоит выеденного яйца, и все такие вопросы можно решать на кафедре, не выходя за ее рамки. Если учесть, что Рожкова, Крылова и Бычкова выступили против Ващенко и невнятно выступили Папян, Егорова, Банина, то было видно, что самоотверженной поддержки большинства у Ващенко нет. Было решено Папяну увеличить нагрузку. Конфликт исчерпан».

Но радоваться мне не следовало. Как же тогда я не мог понять, что это дешевая провокация преследовала иную цель: наработать недостающие аргументы для снятия меня с должности и отправки в Союз.

Цель оппонентов была достигнута. Средства для них мелочь. Именно это событие было односторонне описано и явилось главным в цепи ложных обвинений в мой адрес. А подписались под ним не только участники конфликта и данного собрания, но и многие из тех, кто не был его свидетелем. Так было задумано. Для достижения большинства в один голос. В этом большинстве были заинтересованы в посольстве не только те, кто хранил, как святыню, жажду мести за прошлое непослушание, но и те, которых я стимулировал на встрече с министром дел Э.А. Шеварднадзе 6 апреля 1988 года, о чем пойдет речь в последней главе.

Завершить настоящую главу хочу рассказом о вещем сне, который я видел с четверга на пятницу 22 апреля 1988 года, то есть в день рождения В.И. Ленина. Снилось мне, что по афганским горам и долинам, кочкам и ухабам, над арыками и пропастями нес меня взбесившийся осел. Я сидел в двухколесной брочке, подпрыгивая от ударов снизу. Не за что мне было ухватиться, чтобы удержаться, и не было у меня сил, чтобы спрыгнуть. А осел, словно одержимый, нес меня в никуда. Проснулся в тяжелом предчувствии. Конь в моих снах - это злой оппонент, враг. Что же значит осел? Он мне никогда ранее не снился, но прокатил с ветерком по Афганистану.

В тот день в дневнике появилась такая запись: «Решил писать вступление к сборнику «Политика национального примирения», по спецкурсу. Почти написал. Как вдруг позвонил Ларионов и сообщил, что меня приглашает А.Ф. Петров на завтра к 9.00 по какой-то кляузной бумаге... Настроение упало. Дописывать не могу. Вступление осталось незавершенным...» И далее: «23 апреля 1988 года. В 9.00 в кабинете экономического советника в присутствии Гущина и Ларионова А. Ф. Петров сказал, что решением посла я снят с работы и должен вместе с женой 25 апреля отправиться в СССР. Билеты заказаны. Тон его был наступательный, решительный, имевший цель подавить меня внезапно. Однако я попросил прочесть резолюцию и показать мне письмо, на котором она наложена. Он ответил, что нет смысла - 17 подписей более половины, 70 процентов коллектива выразило недоверие. Тем не менее, я настоял, чтобы он сообщил мне содержание письма...»

О содержании письма речь пойдет в другой главе. Здесь уместно заметить: Петров не упустил случая, чтобы прибегнуть к обману. Там было 15 подписей. А закончу главу другим письмом, подписанным меньшинством, но характеризующее большинство, которое подписало первое, ибо моя характеристика его авторов была бы предвзятой.

«Копия письма заместителю министра ВССО т. Белову А.Н., май 1988 г.

Уважаемый Артур Николаевич!

Мы обращаемся к вам в связи с ситуацией, сложившейся в контракте советских специалистов Кабульского университета. 23 апреля сего года был освобожден от обязанностей советника ректора тов. Гончарук Г.И. Основанием послужило письмо на имя посла СССР в республике Афганистан тов. Егорычева Н.Г., подписанное 15 членами коллектива из 28. Письмо готовилось и было отправлено в тайне от остальных членов коллектива, от большинства членов партбюро, профкома и Ленсовета. Многие факты в письме подавались тенденциозно, в искаженном виде с целью очернить руководителя, который требовал прежде всего работы от каждого члена коллектива.

Содержание письма и события, последовавшие за ним, возмутили нас. Мы открыто заявили, что попытаемся восстановить истину. И с этой целью в свою очередь отправили письмо послу 25.04.1988 г. Письмо в Ваш адрес отправляем не из желания кого-либо очернить, а единственно потому, что здесь нас не захотели слушать. Отношение ко всему происходящему - тенденциозное, одностороннее.

Определенную группу лиц в контракте не устраивал требовательный руководитель, приехавший на смену советнику Москвину А.С., командировку которого прервал Минвуз СССР. С первых дней возвращения в РА после отпуска т.т. Архипова Т.А., Смирнова Т.В., супруги Твердохлеб и Ветроумовы, Мамадназарбеков М.Н. - сторонники бывшего советника

Москвина А.С. поставили своей целью оправдать его действия, а вернее, бездеятельность, и помешать новому руководителю.

Характерными в этом плане являются слова т. Смирновой о том, что она приехала на 2-й год с целью отомстить за советника Москвина. Об этом она говорила, в частности, О.И. Рожковой, которая и привела эти ее слова на общем собрании коллектива 23.04.88 г.

Постоянно велась «обработка» вновь прибывших специалистов с целью создать так называемое большинство. Прикрываясь громкими словами «демократия», «гласность», «перестройка», «интернациональный долг», они меньше всего заботились о деле, бойкотировали многие начинания и инициативы тов. Гончарука.

Приведем лишь несколько примеров. Тов. Архипова Т.А., будучи членом редколлегии сборника материалов Всеафганской научно-теоретической конференции «Великий Октябрь и молодежь Афганистана», организованной по инициативе т. Гончарука Г.И., в которой принимали участие 292 человека, так и не приступила к работе. В критической ситуации, когда сборник уже нужно было сдавать в типографию, ее пришлось срочно заменить.

Эта группа лиц, по сути дела, бойкотировала и 2-ю Всеафганскую научно-практическую конференцию, посвященную 10-летию Саурской революции и политике национального примирения. Инициатором ее также был Гончарук Г.И. В работе конференции приняли участие люди из глубинных провинций, в то же время так называемое «большинство» не нашло возможности присутствовать на ней. А издание материалов 2-й конференции они считают «личным делом» Г.И. Гончарука. И, естественно, не принимают в ней участия.

Такая важная научная и политическая инициатива, как открытие аспирантуры в КУ, представлена группой указанных лиц, как реализация честолюбивых устремлений Гончарука Г.И. На самом деле, это конкретная и реальная помощь Афганистану. Однако и т. Мамадназарбеков М.Н., и Ветроумов, и Соляник В.Ф., и Шарце М.Г., и др. включили в свой актив руководство аспирантами.

Вменяя т. Гончаруку Г.И. то, что он, якобы, упразднил институт советников в университете, они претендовали только на статус. Содержание нашей работы оставалось неизменным, независимо от того, называемся ли мы советниками, или преподавателями, как указано в аттестате. Об этом свидетельствуют отчеты всех специалистов за год, где указаны все виды партнерской и советнической работы. Таким образом, их утверждение, что т. Гончарук свернул советническую деятельность, беспочвенно.

Даже такое действительно интернациональное желание советских преподавателей КУ принять участие в восстановлении исторического города Кандагара представлено группой указанных лиц, как карьеризм.

Эти и другие не приведенные нами факты свидетельствуют о необъективности группы, о стремлении очернить работу Гончарука. В то время, как на их счету нет ни одной какой бы то ни было инициативы.

Между тем, коллектив советских специалистов КУ во многом благодаря этим начинаниям и налаживанию производственной деятельности по итогам соцсоревнования за IV квартал 1987 года занял II место и занесен на Доску почета АЭС. Почему же производственные интересы контракта принесены в жертву амбициям группы?

Все это, конечно же, не могло способствовать улучшению морально-психологического климата коллектива так же, как и принятие на работу в качестве машинистки жены Твердохлеба В.А. Л.А. Твердохлеб в прошлом учебном году сыграла решающую роль в создании конфликтных ситуаций в коллективе советских специалистов, на что ей и ее мужу было указано в Минвузе СССР.

На совещании перед отъездом в РА куратор Минвуза сообщил, что к супругам Твердохлеб и Ветроумовым в создании нездоровой моральной обстановки в 1986 - 87 году у Минвуза имеются серьезные претензии, и предупредил, что при первом же замечании

действий подобного рода, они будут отозваны из командировки. Однако т. Гончарук не прибег к крайней мере, неоднократно пытался образумить их и, наконец, вынужден был с согласия т. Твердохлеба перевести его на работу в КПИ. Незадолго до этого была уволена жена Твердохлеба - Л.А. Твердохлеб за постоянное вмешательство в дела руководителя и всего контракта. Тем не менее супруги Твердохлеб продолжали «борьбу» с Гончаруком Г.И., сколачивая вокруг себя группу недовольных советником.

Немаловажную роль в создании и культивировании групповщины в контракте сыграли преподаватели кафедры русского языка т.т. Смирнова Т.А. и Архипова Т.А., Банина Л.С. Партгруппорг кафедры Смирнова Т.А. и профорг Архипова Т.А. под прикрытием громких фраз о долге, ответственности, дружбе и взаимопонимании всю свою энергию направили на формирование негативного отношения к советнику Гончаруку Г.И. и к тем членам кафедры, кто не был согласен с их действиями, вместо того, чтобы улучшить работу и отношения на кафедре. В ход пускались все аргументы: доверительные беседы, оговоры, шантаж, дезинформация, вплоть до спровоцированной расправы с неугодными руками афганского заведующего кафедрой. Этот факт разбирался на заседании партийного бюро.

Тов. Архипова, еще в начале учебного года угрожала не поддающемуся ее влиянию советнику Гончаруку Г.И., что в ее практике был случай, когда из зарубежной командировки досрочно отозвали весь контракт советских специалистов во главе с советником. От слов она перешла к делу. 28 февраля 1988 г. на открытом партсобрании, посвященном задачам коллектива в новом учебном году, тов. Архипова выступила с инициативой выразить недоверие советнику Гончаруку Г.И. По заранее подготовленному сценарию письменные выступления зачитали Твердохлеб, Мамадназарбеков, Ветроумов, Папьян, Терентьев, Ассеев и Колесов. (Все эти лица позже подписали письмо послу).

Хотя повестка дня была сугубо производственной, никто из них не вспомнил о работе.

Тов. Гончарук Г.И. имел полное право ставить вопрос перед АЭС о досрочном откомандировании тов. Архиповой за постоянное нагнетание нездоровой обстановки в коллективе. Однако он не воспользовался этим правом, решив дать ей возможность доработать до конца года в другом контракте.

Действенную поддержку Архиповой оказала партгруппорг Смирнова Т.В. Выступая на всех собраниях с призывом перестраиваться, работать по-новому, в действительности именно она имела на кафедре самую низкую учебную нагрузку за два года, ссылаясь на большую ответственность по руководству неязыковыми факультетами. В течение двух месяцев осеннего семестра 1987 года она практически была освобождена от учебной нагрузки на кафедре, т.к. вместе с Папьяном Ю.М. являлась руководителем педпрактики студентов-выпускников. Но к проведению педпрактики т. Смирнова Т.В. отнеслась весьма недобросовестно, часто не являлась в школы, тем не менее выезжала якобы на практику. По этому поводу жаловались студенты и высказывал свое недовольство треугольнику контракта зав. кафедрой русского языка Х. Хаким.

Будучи ответственной как партгруппорг за информационно-пропагандистскую работу по кафедре тов. Смирнова Т.В. свела на нет эту работу, ссылаясь на сложности современной обстановки в Афганистане в условиях проведения политики национального примирения. Именно при ее попустительстве была свернута работа кружков Русского языка в университете (с 20 в 1986/87 учебном году - до 5 в 1987/88 учебном году, в настоящее время осталось только 4 кружка). Тов. Смирнова мотивировала это тем, что, сокращая количество кружков, «мы улучшаем качество работы в них» и что таким образом, якобы, появилась возможность высвободить часть советских преподавателей для работы на факультете. Тов. Смирнову Т.В. красноречиво характеризует тот факт, что на партсобрании 30.04.88 г. она воздержалась при голосовании за решение о нормализации отношений в коллективе (а коммунист Ветроумов В.А. единственный, кто голосовал против данного решения).

Будучи секретарем общего собрания коллектива 23.04.88 г., где решался вопрос об освобождении т. Гончарука от должности советника, тов. Смирнова так искадила протокол, что представитель Минвуза СССР тов. Ларионов В.А., присутствовавший на собрании, не решался приложить протокол к делу в таком виде и попросил завизировать каждое выступление.

Чтобы противостоять новому руководителю коллектива, вышеназванная группа лиц в качестве прикрытия использовала афганского зав. кафедрой русского языка Х. Хакима.

Удивляет истораживает постоянная информированность Х. Хакима о внутренних делах советского коллектива в КУ. Например, в начале учебного года Х. Хаким говорил руководителю контракта тов. Гончаруку, секретарю партбюро В. Солянику, председателю профкома Габитову Т.Х. о том, что на кафедре среди советских специалистов существуют группировки. О каждом случае из жизни коллектива, вплоть до решения партбюро и профкома советских специалистов становилось известно Х. Хакиму. Так, на заседании кафедры в январе с. г. афганский заведующий высказал свое возмущение по поводу освобождения на партбюро от обязанностей советника т. Папяна Ю.М., сказав, что советские органы вмешиваются в дела кафедры, в результате деятельности неких доносчиков из числа советских преподавателей. На самом деле т. Папян Ю.М., не имеющий опыта работы с иностранцами (общий педстаж менее 5 лет) был выдвинут на должность советника кафедры русского языка т. Архиповой Т.А., Смирновой Т.В. с формулировкой, что «он является единственным мужчиной на кафедре» и что научный руководитель Папяна Ю.М. («хороший человек») работает с т. Архиповой Т.А. в одном вузе (Литературный институт). С самого начала своей деятельности в качестве руководителя тов. Папян Ю.М. проявил свою несостоятельность и неопытность, что явилось настоящей причиной освобождения его от должности.

На расширенном заседании профкома (пр. № 4 от 19.12.87 г.), когда заслушивался вопрос о работе кафедры русского языка, преподаватель кафедры Егорова Н.Б., передала требование Х. Хакима, чтобы профком советских специалистов не вмешивался в работу советских преподавателей кафедры. Обо всех случаях передачи информации афганской стороне докладывалось, офицеру по безопасности т. Бирюкову В.А., который подтвердил в январе с. г. на собрании кафедры русского языка в присутствии треугольника контракта случаи утечки информации и предупредил преподавателей об ответственности за передачу информации такого рода афганской стороне и о возможности использования ее в провокационных целях. Однако предупреждение не остановило этих людей. В марте с. г. состоялся разговор руководителя контракта т. Гончарука Г.И. с преподавателем кафедры русского языка т. Коломиец Л.Ф. опять-таки по поводу передачи ею информации афганскому зав. кафедрой. При разговоре присутствовал представитель Минвуза СССР т. Ларионов В.А.

Новый руководитель советских специалистов кафедры русского языка т. Ващенко А.П., переведенный из КПИ в обмен на Архипову Т.А., тоже высказывал недоумение по этому поводу, однако в ходе дальнейшей работы, чтобы завоевать расположение Х. Хакима, с недоверием встретившего нового руководителя, т. Ващенко А.П., шел на нарушение норм взаимоотношений с афганской стороной. Так, при проведении в КУ выборов в руководящие органы и на руководящие должности (Ученый совет, деканы, зав. кафедрами и т.д.), когда все кадровые вопросы решают только афганцы при обязательном присутствии двух третьих членов подразделения, кандидатуру на должность зав. кафедрой русского языка 9 мая с. г. выдвинули не афганцы, а т. Ващенко А.П. При этом половина афганских преподавателей кафедры вообще отсутствовала. В обсуждении кандидатуры Х. Хакима приняли участие только советские специалисты. Афганские специалисты при этом не сказали ни слова. Таким образом, по сути дела, т. Ващенко А.П. организовал выборы Х. Хакима силами советских преподавателей. Руководствовался он при этом заявлением: «У нас интернациональный

коллектив, мы все вопросы решаем сообща».

Тов. Ващенко А.П., переведенный на кафедру русского языка для нормализации обстановки, налаживания работы, не только не улучшил положение дел, но встал на путь интриг. Рассчитывая своим переходом на работу в КУ продлить срок контракта на 4-й год, т. Ващенко А.П. был разочарован, не увидев своей фамилии в заявке на следующий год, поданной в АЭС т. Гончаруком Г.И.

Именно после этого он спровоцировал и раздул конфликт с вопросом нагрузки на кафедре, который легко можно было решать, не прибегая к помощи АЭС и ФИРЯП (Филиал института им. Пушкина). На это ему и указывал руководитель контракта Г.И. Гончарук. В ответ Ващенко А.П. в грубой форме потребовал от советника не вмешиваться в дела кафедры, у которой, по его словам, теперь есть руководитель. Конфликт продолжал раздуваться дальше. Так как в течение учебного года в работе т. Гончарука Г.И. основные трудности были связаны именно с кафедрой русского языка, то выведенный из терпения он объявил о якобы намерении АЭС выслать 4 человека, задействованных в конфликте, среди которых был и Ващенко А.П.

По этому поводу 13 апреля с. г. срочно было созвано собрание советских преподавателей кафедры русского языка, на котором присутствовали преподаватели АЭС и Минвуза т. Гушин О.С. и Ларионов В.А. На собрании т. Гончарук Г.И. принес извинения за необдуманные высказывания. Тов. Гушин О.С. призвал коллектив кафедры в оставшиеся два месяца сосредоточить свои усилия на учебной и партнерской работе. Казалось, конфликт был исчерпан и коллектив мог спокойно заниматься работой, т.к. возражений по этому поводу не последовало ни от одного члена кафедры.

Однако через четыре дня после собрания на имя посла т. Егорычева Н.Г. было отправлено письмо с требованием освободить т. Гончарука Г.И. от должности советника. Это именно то, чего добивались, начиная с октября 1987 г. Архипова, Смирнова, Твердохлеб, Ветроумов, Мамадназарбеков. Каждое собрание, независимо от повестки дня, они превращали в обсуждение личных качеств Гончарука. К удивлению многих членов контракта среди подписавших письмо был и т. Ващенко, который к тому времени проработал на кафедре русского языка в КУ чуть больше месяца.

Будучи секретарем закрытого партийного собрания, состоявшегося 30.04.88 г. Ващенко также, как и прежде Смирнова Т.В., искажил протокол собрания, о чем было сообщено в объединенный партком.

Основной аргумент группы - «нас большинство». Однако «большинство» создавалось следующим образом: из 8 преподавателей русского языка, подписавших письмо, четверо (Смирнова Т.В., Банина Л.С., Коломиец Л. Ф., Бочкарева Е.Г.) работают в Киевском университете. В Киевском вузе преподает и бывший секретарь партбюро Соляник В.Ф. На партсобрании 30.04.88 г. прозвучала реплика председателя собрания т. Асеева В.А.: «Соляник долго не подписывал это письмо, его долго уговаривали», как впрочем долго уговаривали и О.В. Смолину, преподавателя русского языка, у которой никаких претензий к Гончаруку не было.

Тов. Соляник В.Ф., будучи секретарем партбюро, не только не приложил никаких усилий для нормализации обстановки в коллективе, но более того - примкнул к «большинству», хотя ранее на собрании кафедры русского языка осудил групповщину, круговую поруку, имеющую, по его словам, место на кафедре. Немаловажную роль в этом сыграло увеличение его недельной нагрузки до 15 часов в весеннем семестре, что он считал «происками т. Гончарука». Проголосовав на партбюро за решение об освобождении т. Папяна от обязанностей советника (как и тов. Шарце М.Г.), тов. Соляник впоследствии ставил это решение в вину тов. Гончаруку Г.И.

Если стиль руководства советника Гончарука Г.И. не устраивал тов. Соляника, то почему за 8 месяцев он ни разу не поставил вопрос об этом? Это говорит о беспринципности

бывшего секретаря бюро. И только когда были ущемлены его личные интересы, начал вести борьбу с Гончаруком. Тов. Соляник не поставил в известность партбюро, которое он возглавлял, когда подписывал, письмо. Санкционируя смену руководителя коллектива за два месяца до окончания учебного года, он меньше всего заботился об интересах дела.

Подписавший письмо послу член партбюро Шарце М.Г. также никогда не ставил вопрос о стиле советника Гончарука. Наоборот, советник Гончарук Г.И. имел претензии к Шарце М.Г. по поводу нарушения им режима (самовольной отлучки из городка проживания), искажения фактов, касающихся организации и проведения Всеафганской конференции, посвященной 70-летию Октября. За последнее тов. Шарце М.Г. принес свои извинения тов. Гончаруку на партбюро, признав, что он был не прав. Это отражено в протоколе партийного бюро. Тов. Шарце М.Г. отличается несамостоятельностью позиции, комфорнизмом.

Тов. Ветроумов В.А., о котором шел специальный разговор в Минвузе СССР, за два года в РА не первый раз участвует в написании необъективных писем. В конце прошлого учебного года он написал на бывшего секретаря партбюро тов. Ширяева Б.А. совершенно клеветническое заявление только потому, что по просьбе советских и афганских соседей тот призывал к порядку после 24 часов разбушевавшуюся на квартире Ветроумовых компанию.

Тов. Терентьев В.А. написал заявление с просьбой продлить срок командировки ему на третий год. Он получил обоснованный отказ. Это, несомненно, явилось причиной присоединения его к авторам письма.

Тов. Колесов В.В. работает в Свердловске на одной кафедре с бывшим советником Москвиным А.С, которым он был переведен для продления контракта из КПИ в КУ. У тов. Гончарука были претензии к тов. Колесову по поводу его малой учебной нагрузки и недостаточной учебно-методической и научно-исследовательской работы. Об этом советник неоднократно говорил на собраниях коллектива.

Тов. Асеев В.А. за три года работы в РА конфликтовал со всеми тремя советниками (Дедковым А.П., Москвиным А.С, Гончаруком Г.И.), доказывая им, что его реальный вклад в дела контракта недооценен. Первый год своего пребывания в РА он был освобожден советником Дедковым А.П. от общественной должности советника зав. кафедрой философии за конфликт с советскими преподавателями кафедры. К качеству лекций тов. Асеева В.А. тоже были серьезные претензии со стороны афганских коллег переводчиков и студентов, о чем был поставлен в известность тов. Гончарук Г.И. Именно поэтому профессор Асеев получил от афганского зав. кафедрой философии учебную нагрузку в весеннем семестре 1988 года всего 4 часа в неделю в то время, когда два других преподавателя на этой кафедре имеют недельную нагрузку 16-18 часов. Замечания Гончарука Г.И., касающиеся этих и других вопросов, воспринимались тов. Асеевым как необъективность советника, придирки.

Результатом письма послу от 17.04.88 г. указанной группы лиц явилось избрание ими же кандидата экономических наук тов. Мамадназарбекова М.Н. и о. советника ректора КУ, на роль которого он претендовал с самого начала учебного года. Это решение мы считаем непродуманным, поспешным, о чем сообщили в своем письме послу Егорычеву Н.Г. от 25.04.88 г. (письмо прилагается).

Тов. Мамадназарбеков М.Н. не пользуется уважением афганской стороны, часто груб с людьми, не только с советскими, но и с афганскими, если они ниже его по положению. Кроме приведенного в нашем письме послу факта, на общем собрании коллектива 23.04.88 г. упоминался и другой, хорошо известный всем факт оскорбительного выпада в адрес коменданта афганца Агагуля, которого тов. Мамадназарбеков назвал ослом и собакой и которого с трудом отговорили обращаться с жалобой в посольство.

О деловых качествах тов. Мамадназарбекова М.Н. говорит тот факт, что его, так называемый учебник по политической экономии отказались переводить афганские коллеги, потому что этот «учебник» представлял собой компиляцию из трех общеизвестных

советских учебных пособий. После чего тов. Мамадназарбеков срочно изъясил рукопись, объявив советским коллегам, что у афганцев, якобы, нет бумаги для печатания, что не соответствует действительности.

Тов. Мамадназарбеков М.Н. полностью находится под влиянием группы, выдвинувшей его. Считаю, что избрание тов. Мамадназарбекова на должность и. о. советника ректора КУ отвечает интересам Смирновой, Шарце, Ветроумова, Ващенко и других и не отвечает интересам дела.

Наше письмо получилось пространным. Однако не была бы понятна суть происходящего в коллективе советских специалистов КУ. Просим Вас объективно разобраться в сложившейся ситуации, так как названное «большинство» создает общественное мнение на всех уровнях, излагая одни факты в выгодном для них свете и искажая другие.

С уважением Аполлонова Л.П., Габитов Т.Х., Бычкова Г.Ю., Игощин И.П., Мячина Л.Я., Рожкова О.И., Крылова С.И., Слепоморий Р.А., Махкамов П.».

Так большинство в один голос характеризуется меньшинством. Не стану горячо восхищаться объективностью письма, ибо мое мнение в любом случае носило бы печать субъективности, поскольку письмо так или иначе направлено на защиту моей чести. Отмечу только два момента. Во-первых, для написания за рубежом такого письма, которое задевает интересы посла, в данном случае советского, требуется мужество и глубокая вера в своей правоте. В нашем неправовом государстве, когда практически нельзя добиться успеха в тяжбе с любым начальством, подавать голос в защиту справедливости, значит, обрекать себя на пожизненные муки, на потерю здоровья.

Во стократ опаснее жаловаться на чрезвычайное лицо в стране, где мы сеем ужас и смерть. Исчезновение без вести - закономерность любой войны. Кто может ее оспорить? Никто. Попробую высказать только сомнение в том, что все без исключения пропавшие без вести - дело рук наших прямых противников. Не исключаю, что среди пропавших могли быть и жертвы своих. Качество расследования, составление бумаг по тем или иным случаям (убедился на собственном опыте) чудовищно произвольно и безнравственно. Единственная цель этих бумаг - выгородить руководство, застраховать его от подозрений в виновности. В начале лета 1988 года в Мазари - Шерифе был убит в своей комнате строптивый заместитель экономического советника. Не знаю, что написано в следственных протоколах, но до нас не довели ни причины, ни причастных к убийству. Вполне возможно, что в официальных бумагах фигурирует самоубийство на почве психоза.

Если авторы письма могли не опасаться трагического исхода, то они не могли не знать того, что традиционно МИД СССР не открывает визы тем, кто ранее дерзнул писать жалобы на его работников. Соответственно поступает и наше ведомство - Гособразование СССР. Следовательно, авторы сознательно подвергали себя лишениям, втягиваясь в неравный бой с бюрократической системой.

Во-вторых, сожалею, что не располагаю поименной характеристикой меньшинства со стороны большинства. Видимо, у них тоже достаточно фактов против оппонентов. Случись это, данная глава была бы полнее, объективнее.

Однако представленная эпистолярная принципиальность лишалась всякого смысла при утверждении же официальных характеристиках на каждого из членов контракта. Здесь все мгновенно поняли друг друга и сошлись на том, что все достойны похвалы. Уже на следующий день после моего снятия была дана команда всем писать себе характеристики, которые позже были утверждены на собрании трудового коллектива, т.е. на собрании авторов - носителей этих характеристик. Поразил тот факт, что никому не было указано на его недостатки, а характеристики собственного изготовления утверждались без возражений. Более того, в характеристике на меня было указано, что две всеафганские конференции провели советские преподаватели университета. Не знаю, было ли в этом вопросе

единодушие. При утверждении не присутствовал, но с характеристикой ознакомлен. Зато в отчете коллектива о его работе читал и поражался черной фантазии коллег: все, что связано со мной (аспирантура, конференции, сборник и др.) и что вошло в актив характеристики почти всех членов коллектива, испачкано дегтем. Разве после этого можно говорить о расколе нашего коллектива? Однозначно нельзя. По отношению к работе он неодинаков, но по дележу благ - каждый готов поступиться принципами лишь бы дали немножко больше, чем ему положено или сказали лучше о нем, чем он есть на самом деле. Словом, среди оккупантов - все агрессоры, а среди агрессоров - все безнравственны.

Если прав Н.А. Бердяев, что философия истории тождественна судьбе отдельно взятого человека, то в каждом индивидууме отложились все пласты русской истории. Внимательно присмотришься, читатель, к персонажам этой книги, в том числе и к ее автору, и ты найдешь в них последствия политики жестокости Ивана Грозного, имперских амбиций Петра I, коварства Екатерины II, глупости, безнравственности и проявлений неистового рвения последующих Романовых, умноженных Сталиным, приукрашенных, сдобренных великодержавным интернационализмом Ленина.

Мы действительно историческая общность, однако не новая, как нам внушали. Мы - подобие низших, обездоленных, голодных, раздетых, озлобленных, с исковерканной психикой слоев, обитавших во всех империях в далеком и близком прошлом.

Вместе с тем мы не могли не внести особенное в социальную окраску люмпенпролетарских слоев. Это особенное и даже единичное может стать для придирчивого читателя новым, родным, советским. Это то, что в нищенских слоях оказались интеллигенты, в том числе самая интеллектуальная ее часть - учителя, преподаватели вузов, ученые. Они-то, беззащитные, менее всего виноваты в своем материальном и нравственном убожестве, я готов простить их слабости, однако после того, как будут наказаны те, кто довел людей до озверения. Ибо преждевременно простив первых, я лишусь аргументов в борьбе с последними.

НАДЖИБ – НАДЖИБУЛЛА

Еще летом 1987 года для меня он был Наджибом. Афганцы утверждали, что деформация его фамилии произошла от желания угодить советским атеистам-безбожникам. Поговаривали, что его предшественник Бабрак Кармаль так далеко зашел в подражании нашим воинствующим безбожникам, что прилюдно, в присутствии правоверных мусульман разорвал их святыню - Коран, бросил под ноги и стал топтать. Не берусь утверждать достоверность народной молвы, даже памятуя, что глас народа - глас божий, но метамарфоза фамилии главы Кабульского режима другой версии не имела, во всяком случае, мне она не известна.

Восстановление подлинной фамилии главы Афганистана означало, видимо, пересмотр нашей политики по отношению к исламу. От топтания его пришлось перейти к его признанию, как значительной политической силы. Переход от Наджиба к Наджибулле - символизировал уступку Кабульской власти мусульманскому фактору, ибо подлинная фамилия подчеркивала божественность происхождения его носителя.

Этот факт не был формальным. Наджибулла сделал ряд важных шагов в сторону потерявших всякую веру в правомерность режима мусульман. Другое дело, что эти шаги не преодолели отчужденности соотечественников, ибо реки крови, пролитой ими, нельзя заслонить красивыми жестами.

По манипуляциям с фамилией можно заключить, что основным фактором в возвышении Наджибуллы был внешний. Однако тот факт, что смена главных действующих лиц в Кабуле была бескровной в отличие от прежней, свидетельствовал об изменении в поведении этого внешнего фактора. А мирное переселение Бабрака Кармаля в Москву, а не на тот свет, как его предшественника Амина, говорило о гуманизации политического

мышления вершителей судеб Афганистана. Скорее всего - о вынужденной гуманизации.

Западные средства массовой информации неизменно называют Наджибуллу советской марионеткой. О том, что моджахеды - тоже марионетки, молчат. Мне представляется, что марионетка марионетке рознь. Московский князь Иван Калита был марионеткой татаро-монгольского правления, Аманулла-хан - английского, Иван Мазепа - русского. Однако они сумели свое положение превратить в историко-положительное. Следовательно, история знает таких марионеток, которые способны при соответствующих условиях превратиться в свою противоположность, стать врагом врагов своего народа.

Не берусь судить о мудрости руководителей моджахедов, ибо знаю о них в основном понаслышке или из пристрастных источников – периодической прессы. Не исключаю, что, находясь среди них или располагая достоверными документами, отражающими их сущность, у меня сложилось бы о них положительное мнение.

Осуждать марионетку легко. Понять ее труднее. Скажите, кто из злых критиков, оказавшись он в расположении первоклассной стотысячной армии, получая безвозмездно баснословные экономические и другие подачки, смог бы вести себя независимо? Никто. Или слушайся, или умрешь. Третьего не дано. Никому ты не нужен. И не следует называть их всех слепыми и послушными. Ибо они не все такие. В моем представлении Наджибулла - марионетка, но личность незаурядная, осознающая трагичность своего положения, но любящая свой народ, мечтающая о его независимости, верящая в объединение афганцев и делающая в меру своих сил и обстоятельств все возможное для приближения счастливого дня своей Отчизны.

В моем распоряжении ряд фактов, подтверждающих своеволие, строптивость, непредсказуемость действий Наджибуллы. То есть те симптомы, которые свидетельствуют о способности президента носить иную, чем нам представляется, политическую сущность. Возможно, он сам не ведает того, какие способности откроются в нем при изменении внутренних и внешних условий.

Мне неоднократно доводилось видеть змеиные очереди афганцев на прием к Наджибулле. В дни приема президентом своих граждан у двери его кабинета, в коридоре, на лестнице стояли седобородые старцы и черноусые юноши, крестьяне, интеллигенты, студенты... По нашему телевидению не показывали эти очереди. Причина мне не известна. Возможно, потому, что у нас таких очередей нет. Зачем наводить зрителя на лишние размышления?

Помню, однажды зашел ко мне студент четвертого курса юридического факультета, родом из провинции Бадахшан. Рассказав, что за годы войны в Афганистане его многочисленная родня потеряла фактически всех мужчин, он заявил, что не желает служить ни в армии Наджибуллы, ни в формированиях моджахедов. Просил меня посодействовать делу освобождения его от призыва.

Не знаю, чем он мог объяснить мотив обращения ко мне с вопросом, выходящим за рамки моей компетенции. Возможно, тем, что я вместе с ректором подписал ходатайство об отсрочке призыва моего водителя Нуриддина. Не исключал я и провокацию. Мой ответ был кратким: во-первых, у меня нет полномочий вмешиваться в армейские отношения, а, во-вторых, у меня нет морального права просить освободить его от воинской повинности, поскольку мой сын в настоящее время находится в армии. К тому же от Тараса долгое время не было письма, порой мне казалось, что он уже в Афганистане и сражается где-то рядом.

Через некоторое время на территории университетского двора ко мне подошел тот самый студент и со смешанным чувством радости и упрека сообщил, что был на приеме у Наджибуллы, который освободил его от воинской повинности.

Мне неоднократно рассказывали работники афганской госбезопасности, что президент освобождает из-под ареста тех, кого необходимо не только держать в тюрьме, но и расстреливать за откровенно контрреволюционную деятельность. С горькой обидой

утверждали, что Наджибулла мягкостью своего характера сводит «на нет» результаты их, госбезопасников, многодневного труда по выявлению душманов в Кабуле.

Их искренность мне довелось испытать в своей практике. 28 ноября 1987 года в моем дневнике появилась необычная запись. «Приходили в рабочий кабинет двое из госбезопасности Афганистана. Они предупредили, что мой шофер Нуриддин связан с бандитами. Поэтому в целях моей безопасности в течение двух дней они дадут мне другого шофера. Все это очень неприятно. Этот шофер возил двух моих предшественников. Человек он не простой. Несколько раз под различными предлогами ездил куда-то ночью на машине, пытался склонить меня к тому, чтобы я разрешил не оставлять машину в городке, а в гараже университета, то есть, чтобы я нарушил устное распоряжение министра. Он понимает русский язык, хотя скрывает это. Я убеждался в этом неоднократно. Особенно при внезапной постановке вопроса или при даче распоряжений через переводчика. При неожиданных для него распоряжениях он не дожидался перевода и отвечал мне по-русски. Однако я не доносил на него». Как отмечалось ранее, 2 декабря Нуриддин был арестован, а мне сообщили, что через день-два меня собирались похитить.

Шло время. Я уже забыл о случившемся. И вдруг однажды при выезде из ворот нашего жилгородка вопреки правилам движения мою машину и идущий вслед автобус с нашими преподавателями пропускает громадный грузовик. В его кабине сигналил и приветствовал нас рукой улыбающийся Нуриддин.

То ли его освободили по причине недоказанности состава преступления, то ли его освободил президент, решив, что Нуриддин не был врагом своего народа, или, скажем, был врагом не своего народа, не выяснял и не стану чего-либо утверждать. Где-то в глубине души я был рад тому, что Нуриддин на свободе. В конечном счете не он пришел ко мне в республику, чтобы меня похитить, а я в оккупационной системе явился к ним. Поэтому афганцы и только афганцы должны решать, как к нам относиться. Насильно мил не будешь.

Зрело чувство уважения, скорее, понимания президента. По целому ряду моментов я убеждался в его стремлении развязывать узлы различных проблем прогрессивным способом, были случаи, когда он поступал вопреки позиции к нему близких советских лиц. Однако делал все в меру, чтобы не схлопотать судьбу Амина. Мне уже тогда казалось, что Украина и Афганистан связаны между собой трагической цепью исторических событий. Оба народа занимают особые звенья в этой цепи: Украина была первой жертвой экспорта социалистической революции, а Афганистан, дай бог, последней.

Об этом, разумеется, писать в дневнике по понятным причинам я не стал, но Наджибулле в его добрых намерениях помогал и прямо и косвенно.

Первое мое «мысленное» соприкосновение с Наджибуллой состоялось 17 сентября 1987 года на встрече делегатов городской партийной конференции от университета, руководства университета с президентом. Меня, естественно, на этой встрече не было. Однако присутствовало мое видение проблем университета в письменном виде, которым располагал Наджибулла. Свои предложения я передал в ЦК НДПА за несколько дней до этой встречи по просьбе нашего советника И.Т. Грица. Эта просьба была мотивирована отсутствием каких-либо серьезных взглядов на положение дел в университете со стороны его руководства.

Пытавшийся избежать этой встречи Хабиб все-таки участвовал в ней и был встревожен замечаниями президента. На следующий день ректор пригласил меня к себе, рассказал о содержании беседы с Наджибуллой и попросил помочь составить план реализации замечаний президента по улучшению работы университета. Я был удовлетворен тем, что мое мнение и мнение президента почти полностью совпали. Они были поддержаны Всеафганской научно-теоретической конференцией «Великий Октябрь и молодежь

Афганистана» и составили большую часть его рекомендаций¹.

Увидел впервые Наджибуллу я на торжественном собрании, посвященном 70-летию Октябрьской революции, которое проходило в зале министерства иностранных дел Афганистана. Зал человек на 350. Доклады сделали член Политбюро, секретарь ЦК НДПА Хайдар Масуд и наш посол П.П. Можаяев. Наджибулла сидел в президиуме и больше смотрел в зал. Я сидел то ли в четвертом, то ли в пятом ряду. Президиум был на сравнительно близком расстоянии от первых рядов и мне удалось рассмотреть Наджибуллу достаточно четко. Уже тогда, кроме массивной, широкоплечей фигуры, я заметил, что лицо у него гораздо эмоциональнее, чем смотрится по телевидению. Белые яблоки его больших глаз как-то по особенному подчеркивают смуглость его пуштунского, круглого лица. Рассматривая аудиторию, Наджибулла несколько раз останавливал взгляд на мне. (Видимо, белизна моей не загоревшей кожи, особенно блеск лысеющего черепа раздражали президента). Наши глаза неоднократно встречались. Это, пожалуй, самое впечатляющее, что оставалось в памяти от собрания. Правда, помню, что нам разрешили выйти из зала только после того, как уехал президент.

Для характеристики человеческих качеств и некоторых родственных связей Наджибуллы можно привести его же слова, сказанные корреспонденту «Известий» Б. Севруку: «Я уже сказал выше, что по образованию и профессии я врач. Может быть потому мне так близки страдания моего народа, втянутого чужеземными пакистанскими агрессорами в кровопролитную братоубийственную войну. Мы переживаем очень трудный период. И писать свою политическую биографию просто не время. Да и не в наших это афганских обычаях.

Что касается моих близких, то они - в рядах защитников независимости Афганистана. Мои младшие братья Рушан и Ахмадзай, племянник Змарай воюют. Змарай окончил МГИМО, но дипломатом был недолго. Ушел воевать заместителем командира бригады гвардии. Один племянник погиб в бою»¹.

Мнение Наджибуллы о наших советниках, скажем так, не высокое, уже приводилось. Однако, судя по всему, он имел ввиду бесполезность не только советников-водопроводчиков, но и рангом выше, если не самых высоких. В беседе с корреспондентом «Правды» Б. Прядышевым он, в частности, сказал: «Ущерб был большой. Многие афганские деятели, в том числе из руководства, передоверив дела советским представителям, сосредоточились на фракционной деятельности, борьбе за власть»².

С таким утверждением нельзя не согласиться. Рвение наших партийных советников и осторожность афганских руководителей вели к деградации не только деловых качеств, но и морали последних.

В подтверждение сказанному можно привести примеры из деятельности советника самого Наджибуллы В.П. Поляничко.

Надо отдать ему должное: он мог всех заставить работать на свое дело. Помню, как-то зашел ко мне домой его помощник, передал пакет и устную просьбу: в течение четырех часов прочитать, вникнуть в сущность и внести свои коррективы. В пакете был вариант проекта «Программы действий Народно-Демократической партии Афганистана (новая редакция), утвержденная на общепартийной конференции по национальному вопросу». Она включала следующие разделы: «Сущность национально-демократической революции в Афганистане, особенности современного этапа ее развития», «Политические цели и задачи Народно-демократической партии Афганистана», «Социальная политика НДПА», «Экономическая политика НДПА», «Политика партии в области народного просвещения,

¹ См.: Великий Октябрь и молодежь Афганистана, с. 8-9.

¹ См.: «Известия», 18 апреля 1989 г.

² См.: «Правда», 28 ноября 1989 г.

образования, культуры и науки», «Политика НДПА 9 области международных отношений», «НДПА в условиях национального примирения».

В программе приятно воспринимались положения а национальном примирении, от которого в конечном счете зависело выполнение других разделов. По всему было Видно, что документ писался советскими специалистами с участием советизированных афганцев. Он страдал пропагандистской направленностью, как все документы нашей партии застойного периода, однако нес признаки пробуждающегося перестроечного мышления.

На первую половину проекта программы у меня хватило сил и времени. Помню, вычеркнул такие фразы как общенациональная гордость, историческая общность людей и другие, взятые из брежневского словаря, которым всего пару лет назад добросовестно пользовался и я. Предложил не вносить в отдельный параграф «НДПА и армия», а рассматривать эту проблему в параграфе о государстве.

- Вторую половину читал уставшим в присутствии помощника советника, пришедшего за материалами. Когда в мои руки попали материалы конференции на русском языке, отпечатанные в типографии газеты «Гвардейская доблесть»¹, то я был приятно удивлен, что многие мои замечания были учтены.

Приятная для меня непредсказуемость действий Наджибуллы проявилась на его встрече с молодежью в последний день января 1988 года. Здесь, так сказать, мне довелось быть свидетелем самостоятельности Наджибуллы в условиях нашей оккупации. В моем дневнике за 17 января 1988 года, в частности сказано: «День выдался сумбурный, раздражающий. Советник ЦК ДОМА Д.Г. Остроушко попросил подъехать к нему, посидеть над планом выступления Наджибуллы перед молодежью...»

Как воспринял нашу работу Наджибулла, ответит дневниковая запись 31 января 1988 года. «Утром снег. Скользко. На колеса «Волги» одели цепи... На работу приехал в одиннадцатом часу и застал приглашение на встречу Наджибуллы с молодежью, которая назначена на 11 часов...

Встреча состоялась в зале Французского лицея или, как теперь он стал называться, «Лицей свободы». Каскад двухэтажных белосерых зданий и двор за железным забором производят впечатление продуманности, гармонии. Фойе, лестница на балкон, на котором мы располагались, уложена мраморными плитами темно серого цвета. Зал примерно на 600-700 мест эстетично оформлен, амфитеатром расположены кресла, высокий потолок, стены обтянуты мягкой лимонного цвета тканью, потолок состоит из множества гофрированных плит различных размеров и цвета. Между пластинами расположены керамические круглой формы плафоны. Рядом большие неоновые светильники. Свет отражается в гофрах этих пластин и создается впечатление, что он не отражается, а проникает сквозь пластины, напоминая решетки.

Ровно в 11 часов на сцене появился Наджибулла в сопровождении 15 человек. Разместились они на трех рядах стульев, разделенных полированными под коричневое дерево барьерами с небольшими полками вместо стола. Зал был полон. В основном молодежь. Небольшая группа наших советников расположилась в ложе.

Зал встретил Наджибуллу аплодисментами, выкриками отдельных лозунгов («Да здравствует НДПА!», «Да здравствует революция!»). Было видно, что выкрикивающие лозунги подготовлены заранее, так как действовали по шпаргалкам.

Открыл встречу член Политбюро, первый секретарь ЦК ДОМА Фарид Маздак. Наджибулла вышел на трибуну и начал свой доклад спокойным мягким голосом. Доклад был рассчитан его авторами на один час. Структуру и содержание доклада готовил я и советник ЦК ДОМА Д.Г. Остроушко. Правил В.П. Поляничко. Однако Наджибулла пространно комментировал различные мысли доклада, особенно его первой части. Фактически на

¹ См.: Материалы Общепартийной конференции по национальному примирению. Кабул, 18-20 октября 1987 г., с. 139-176.

сущности политики национального примирения он сосредоточил основные свои усилия и потратил более часа. Весь доклад длился 2 часа 13 мин. Говорил он уверенно, вступал в диалог с аудиторией, ставя различные вопросы. Иногда слышались ответы, иногда много голосов сливались в гул. Докладчик много жестикулировал, особенно когда отрывался от текста, положив его на трибуну. Сначала он жестикулировал умеренно, преимущественно правой рукой, не поднимая ее выше плеча, двигая пальцами, однако по мере изложения материала, стал размахивать обеими руками. Был он в сером костюме, белой рубашке, манжеты выступали умеренно, темно-красный галстук. Перевод я слушал от двух переводчиков (один сидел рядом, другой - сзади нашептывал моему соседу Гредюшко). Меня больше интересовали его комментарии, вопросы и ответы, поскольку с текстом доклада я был хорошо знаком.

По окончании доклада, когда все встали приветствовать докладчика, мы с переводчиком незаметно выскочили на улицу. У самой лестницы, состоящей из 3-5 ступенек, стояли три черных мерседеса, багажниками к выходу. Средний, без номеров, был Наджибуллы, остальные машины, в том числе и моя, располагались во дворе на площадке слева. Охрана была умеренной, хотя, как мне сказали наши товарищи, с тыльной стороны здания стоял БТР.

Выше отмечалось, что Наджибулла стал мне симпатичен прежде всего тем, что ходом истории его судьба связана с политикой, точнее, с попыткой гуманизации национальных отношений. В своей речи на общепартийной конференции он показал путь к этой политике: «Проведя после XVIII Пленума ЦК основательный анализ послереволюционных лет, мы убедились в том, что военным путем, несмотря на все усилия и жертвы, не был решен ни один ключевой вопрос жизни афганского общества»¹.

Странным было другое: многие в партии, в государстве, не говоря уже о военной оппозиции, не только не воспринимали политику национального примирения, не доверяли ей, но и боролись различными способами против нее. Как-то в частной беседе с секретарем парткома НДПА университета Ассадулой Эзмаром, неутомимым юмористом, тот заметил: «Григорий Иванович, афганцам больше нравится подпольная работа, чем легальная».

Политизация мышления интеллигенции, казалось достигла предела. Борьба за власть, за теплые места составляла основной предмет помыслов многих. Водораздел этой борьбы проходил по линии размежевания крыльев «хальк» и «парчам» («народ» и «знамя») в самой партии, возникшими в мае 1967 года.

С приходом к власти Наджибуллы, а вернее сказать, с уходом Бабрака Кармаля появилась новая группировка, или, как называли ее, уклон - кармалисты. Это те люди, которые получили партийные и государственные посты при Кармале и не собирались их уступать. Более того, при выборах делегатов на Общепартийную конференцию, вопреки позиции Центрального комитета, и тщательной заорганизованностью мероприятия в седьмом районе Кабула и в провинции Джаузджан были предприняты попытки избрать Кармаля, который уже давно прописался в Москве на постоянное место жительства. Наджибулла не грешил против истины, когда заявил: «С крыльевой враждой и новым фракционным уклоном тесно переплетаются родимые пятна прошлого - национализм, клановость, групповщина, протекционизм»².

Поговаривали, что мой партнер, ректор университета Хабиб, является кармалистом. Данные его «объективки» склоняли к таким предположениям. Он, действительно, стал ректором при Кармале. В тайны своих политических симпатий и антипатий Хабиб меня не посвящал. И правильно делал. Для меня были важнее проблемы нашего сотрудничества. Поговаривали, что в его рабочем кабинете за шторой, отделяющей кабинет от столовой,

¹ См.: Материалы Общепартийной конференции по национальному примирению, с. 7.

² См.: Материалы Общепартийной конференции по национальному примирению, с. 35.

спрятан портрет Кармаля. Не знаю, насколько справедливы злые языки. Скажу только, что при Кармале его портрет висел на этой шторе, свидетельствующий об уважении к образу со стороны владельца кабинета и о соответствующих эстетических качествах последнего.

Читатель вправе спросить: откуда Гончаруку известно, что было в его отсутствие? Приведу неотразимый факт. Случилось это уже в бытность исполняющего обязанности ректора Эноята. Однажды он вбегает ко мне в кабинет и взволнованно говорит: «Произошла неприятность. Мы подарили многочисленной индийской делегации книжки об университете и только после ухода гостей вдруг обнаружили вот что». При этом он показал в книге среди других цветную фотографию кабинета ректора, где восседает Хабиб в окружении почитаемых собеседников, а над ним возвышается на шторе портрет торжествующего Кармаля.

- Я хочу,- говорил Эноят,- просить индийцев вернуть книги, а мы подарим им другие экземпляры с изъятым портретом. В противном случае не избежать мне неприятностей. Хадовцы все равно узнают».

Мои контрдоводы несколько успокоили его. Я сказал, что возвращать книги - значит, обратить внимание гостей на этот факт. К тому же дарить такие же книги с выдранный страничкой, то есть не полноценные,- проявить неуважение к гостям. На этом могут погреть руки противники как Наджибуллы, так и Эноята. Было решено поставить в известность о случившемся секретаря ЦК НДПА Хайдара Масуда, а Энояту повесить в своем кабинете портрет Наджибуллы. Пример тому уже есть: вопреки кем-то установленному порядку, посоветовавшись с В.П. Поляничко, в своей приемной я повесил Портрет Наджибуллы. Эноят последовал моему совету. Опасность миновала.

Напряженное это дело - политика. Но интересное, увлекательное, богаче спектакля талантливого драматурга. Вместе с тем унижительное, недостойное жизни личности в цивилизованных условиях.

Приведу пару примеров политической борьбы за кресла между представителями различных группировок. Хабиб, ректор университета, вел тайную борьбу против министра высшего и среднего образования Гияси, парчамиста. Против последнего вел такую же борьбу и ректор политехнического института халькист Хелали. С какой целью нетрудно догадаться: за вышестоящее кресло. Мне не известны афганские каналы их усилий. Однако то, что они старательно использовали в своих целях советника Наджибуллы В.П. Поляничко, кое-что могу сказать. Сразу замечу, что они достигали, как правило, половинчатых результатов. Чистой победе радоваться не пришлось.

Хелали неоднократно в беседе с В.П. Поляничко в моем присутствии и прямо и косвенно доказывал несостоятельность министра. Поляничко с присущей ему внешней угрюмостью мотал на ус, но ничем себя не выдавал. Видимо, здесь не только сказывалась осторожность, как одна из ведущих черт его характера, но и осознание незрелости факта, и понимание того, что не все рычаги в его руках.

Хелали имел значительные преимущества перед Хабибом в связях с Поляничко: они - соседи по квартирам. Хелали имел ключи от квартиры В.П. Поляничко и был там чем-то вроде экономки. У меня нет сомнений, что Гияси был предметом разговоров не только в моем присутствии, ибо я не ходил в близких к В.П. Поляничко, который вспоминал обо мне в основном в случае конкретной помощи. Они без меня встречались гораздо чаще, чем в моем присутствии.

Хабиб до моего появления в Кабуле не беседовал с Поляничко. Поэтому со свойственной ему гордыней только вскользь намекнул мне, что он не против поговорить с Виктором Петровичем по острейшим проблемам высшей школы и, в частности, университета. Поляничко дал согласие на такую встречу у меня на квартире под покровом ночи 16 ноября 1987 года.

В тот вечер, думая о конспирации, я записал в дневнике только следующее. «В 20

часов состоялась конфиденциальная встреча на нашей квартире с советником Наджибуллы Виктором Петровичем и Хабибом. Речь шла об усилении Кабульского университета и сближении Хабиба с Наджибуллой, а также об аспирантуре (открытии) в КГУ, о необходимости поддержки этой идеи ИОНОм».

О более полном содержании этой беседы (полной не могу привести, ибо я часто оставлял гостей одних под предлогом помочь жене, хлопочущей на кухне) можно судить по дневниковой записи от 25 ноября 1987 года, т.е. всего десять дней спустя. «Рано утром только зашел в кабинет, раздался звонок Эноята. Он сообщил, что Гияси сняли с работы. Накануне вечером по афганскому телевидению передали чествование студенческого отряда КПИ, возвратившегося из Кандагара, где он принимал участие в восстановлении города (аэропорта, текстильного комбината, здания МГБ и МВД). Красное знамя и правительственные награды вручал Наджибулла. В своем выступлении он отметил большую организаторскую работу министра Гияси и поблагодарил его за вклад в успешную работу отряда. Это было в 19 часов 30 минут, а в 20 часов телевидение сообщило, что Гияси уволен. Таковы перипетии жизни работников высших эшелонов афганской политики. Не исключено, что на поспешном уходе Гияси отразились результаты встречи Хабиба и Поляничко, которая состоялась у нас.

Хабиб художественно рассказывал о том, что действия Гияси противоречат политике национального примирения. Он это подтвердил примерами: в течение года министерство во главе с Гияси задерживало утверждение в ученое звание двух докторов, которые в знак протеста уехали на Запад. Как бы там ни было, наше предложение Гияси о помощи ему в подготовке диссертации остается актуальным, поскольку соответствует подготовке специалистов высшей квалификации для Афганистана. К тому же еще неизвестно, на каком посту в ближайшее время окажется Гияси»¹

Однако оба ректора и Хабиб и Хелали не достигли, видимо, своей цели в борьбе против Гияси. Так часто бывает: когда за кость дерутся две собаки, кость уносит третья. Вскоре министром был назначен доктор Сароби. Впервые я его увидел 10 декабря 1987 года. В дневнике говорится: «В 11 часов в большом актовом зале университета состоялся митинг, посвященный 39-й годовщине принятия ООН Декларации права человека¹. На сцене была трибуна. Почетные гости сидели в зале, в первых двух рядах. Я сидел слева от Хабиба, а Хабиб слева от нового министра Сароби. Приятной внешности. Лицо хазарейца, совсем не похож на пуштуна. Уже в возрасте, лет 65, среднего роста, седой, лицо почти круглое. Очень приветлив, но сил физических маловато. Присутствовал представитель ООН, он же зачитал приветствие Генерального секретаря ООН, первым выступил Сароби... Справа от нашего министра сидел министр иностранных дел, два генерала в форме царандоя...»

Месяц спустя на одной из вечерних прогулок в жилгородке В.П. Поляничко спросил меня и Хелали: «Какое впечатление от нового министра?» Я ответил, что судить о его делах рано, однако в руководстве высшей школы доминируют люди монгольского происхождения, а это не может остаться незамеченным пуштунами и таджиками. Хелали обычно продуманно, хитро сдержанный, на этот раз не смог скрыть эмоций: «Назначение Сароби получилось в пользу Гияси, который был намного лучше», - словно автоматную очередь выпустив, сказал ректор. Реакции Поляничко не последовало. Он умеет властвовать собой. Однако вернемся к основному персонажу главы.

Мои симпатии к Наджибулле, точнее, к его идее политики национального

¹ По Кабулу ходили слухи, что снятие его с работы - месть президента АН РА, он же и министр по делам наций и племен, за то, что Гияси, а не он, Лейек, победил на выборах в их родной провинции Наргархар. Гияси длительное время находился в состоянии безработного. Когда В. П. Поляничко узнал, что у меня была встреча с опальным Гияси в университете, то резко меня отчитал. Когда же я находился в опале без права выезда за пределы жил-городка, то, помню, доцент ИОН при ЦК КПСС, работающий в ИОН ЦК НДПА С. М. Пазельский зашел ко мне и произнес: «Ваш друг ныне является заместителем заведующего экономическим отделом ЦК НДПА и передает Вам горячий привет».

¹ Для меня это было новостью, ибо в нашей стране эта декларация не в почете.

примирения, звучавшей как призыв муэдзина к молитве, питались не только моей природой, может быть национальной, склонностью к гуманизму. Эти чувства подпитывались вниманием к гуманизму самого президента². Об этом будет идти речь в следующей главе, а здесь приведу только выдержку из моего доклада на партийном собрании 28 февраля 1988 года, т.е. то, что можно документально проверить, ибо доклад хранится вместе с протоколами в архиве ЦК КПСС.

«Мы также вышли с инициативой разработать и внедрить курс лекций «Политика национального примирения: сущность, опыт, задачи» с последующим общественным зачетом. Этот почин нашел поддержку в докладе Генерального секретаря товарища Наджибуллы в его речи на партийно-хозяйственном активе 2 февраля и 31 января на встрече с молодежью»¹.

Может я и впрямь самолюбивый. Но есть ли в мире такой человек, который, не мудрствуя лукаво, скажет что ему неприятно, когда его добрые начинания находят понимание у главы иностранного государства?

Перехожу к дневниковому описанию подготовки и самой встрече с Наджибуллой в его рабочем кабинете. Читатель может негодовать от утомительных подробностей. Однако, сознаюсь, здесь мне приходится больше думать о возможных исследователях-историках, которые с благодарностью воспримут изложение наблюдений за президентской «кухней» принятия решений, имеющих судьбоносное значение для отдельных людей. С осуждением отношусь к своей роли в данном конкретном случае. При всем моем желании гуманизировать работу университета я прибег не к лучшему средству. Хотя предпосылки разговора у Наджибуллы зрели до меня и без меня, все-таки мне показалось, что моя позиция и мой материал явились предпоследней каплей в переполненной чаше терпения президента к ректору университета. Однако без предпоследней капли не было бы и последней. Таково видение мной моего поступка. Гуманная цель достигалась негуманными средствами. В этом сущность не только моей оплошности, а возможно, всей политики национального примирения.

Итак, дневник за 11 февраля 1988 года: «Среди потока различных дел можно выделить посещение советника Наджибуллы В.П. Поляничко в его рабочем кабинете в новом пятиэтажном здании ЦК. Это здание построено справа с уступом вглубь обширной территории, относящейся ко двору ЦК с несколькими выступами и входами, хотя фасадная часть направлена не к площади, а в сторону свободной территории с какими-то маленькими парничками, теплицами, или просто пустой землей. Выглядит плоским и ровным, серого цвета с темно-серыми полосами в районе окон.

У меня было несколько вопросов. Я об этом сообщил советнику предварительно по телефону. Но, как оказалось, мой звонок был нужен и ему, поскольку текст речи, ранее подготовленный мной для Наджибуллы на встрече с работниками университета, показался ему недостаточно критическим, и он попросил его переделать. Он согласился помочь в решении квартирного вопроса, запутанного Кештмандом. Пробовал несколько раз позвонить последнему, но его не оказалось на месте. Я сказал о том, что новый министр Сароби, видимо, с подачи Хабиба решил перевести Эноята, единственно просоветски настроенного проректора, в Наргархардский университет ректором. Ясно, что речь идет об усилении консервативных тенденций. Лучшим выходом, на мой взгляд, было перевести Эноята на должность ректора университета. Следует учитывать и национальный фактор. Он - пуштун, а у руководства высшей школы оказались хазарейцы: Хабиб - узбек, Сароби - хазарец,

² Кстати, в день, 10 января 1991 года, когда писались эти строки по программе Центрального телевидения «Время» передали репортаж о прибытии в Киев подарков детям, пострадавшим от Чернобыльской катастрофы,- помощи семьи президента РА: 10 тонн продовольствия (5 тонн изюма и 5 тонн цитрусовых) в сопровождении трех его дочерей и брата.

¹ См.: Протокол открытого партийного собрания организации советских специалистов Кабульского унив. от 28 февраля 1988 г., № 9, с. 7.

Набатий - хазарец, Кештманд - хазарец. В.П. Поляничко проявил интерес к этому предложению. Он вызвал помощника Наджибуллы Башира и попросил его пригласить в субботу, т.е. 13.02 в 16.00 к Наджибулле Сароби, Хабиба, Эноята, Эзмара и меня.

Возвратившись в университет, я поставил в известность Хабиба о возможном положительном решении квартирного вопроса, а Энояту, кроме того, сказал о предстоящей встрече у Наджибуллы и возможность изменения его, Эноята, статуса. Хабиб не упустил случая лягнуть Эноята за глаза, что он плохая его опора».

«12 февраля. Пятница - выходной день. В 5 часов утра, за окном темно, встал, чтобы написать новый текст с учетом происходящего накануне. К 7 часам текст был готов, попросил Нину переписать, т. к. машинки дома нет¹. К 9 часам все было готово. Однако домашний телефон В.П. Поляничко не отвечал, не видел я в 9 часов и машины. Пошли в дуكان за картошкой (30 афг. кг) и мукой (50 афг. кг), потом гулять на стадион. Воздух чудесный. Когда вернулись, нас уже разыскивали, в дверях была записка Лунина с просьбой позвонить Поляничко на работу. Когда я позвонил (11 час. 30 мин.), он спросил готов ли текст. Прислал за мной свою машину (японская марка).

Текст ему понравился. Убрал только характеристику Эноята. Когда я пил чай, он пригласил кого-то из сотрудников и спросил, где материалы на Хабиба. Ему ответили, что сейчас принесут. Я понял, что речь шла о материале по линии МГБ. В результате продолжительной беседы, звонков Грицай и Поляничко, сошлись на том, что встреча у Наджибуллы состоится завтра в 16.00 в составе Сароби, Хабиба и меня. Наутро ждали позицию секретаря ЦК НДПА Масуда о подготовленных материалах и о кандидатуре на ректора. С вечера он согласился с перемещением Хабиба, но относительно Эноята просил дать подумать ночь».

13 февраля. В 10 утра Грицай по телефону сообщил, что Масуд не возражает.

В 11 часов я позвонил Поляничко, он сказал, что в 16.00 встреча состоится. Я получу приглашение по линии афганской стороны. Я понимал, что нашим добрым отношениям с Хабибом осталось несколько часов, поэтому поспешил взять у него подпись на отчете, отпечатанном на восковке, об итогах конференции «Великий Октябрь и молодежь Афганистана», который должен войти в сборник материалов конференции.

В 12 часов Хабиб пригласил меня к себе и сообщил, что в 14.30 мы должны быть у министра, а в 15.00 у Масуда, в 16.00 - у Наджибуллы. Наспех пообедав, я стал готовиться к встрече. Самым трудным моментом подготовки была стрижка. Парикмахера нет, пришлось обратиться за помощью к Нине. Прическа в целом получилась неплохой, т.к. я держал расческу, а Нина срезала волосы, которые были сверх расчески.

В 14.00 Хабиб еще раз сказал, какие вопросы он будет поднимать у президента. Я с ним согласился, заранее зная, что все будет по-другому. В 14.30 у Сароби за чаем состоялась получасовая беседа. Это первое мое посещение министра. Он сказал, что уже давно хотел со мной встретиться, но не получается. Затем они с Хабибом стали говорить о проблемах университета, которые они поднимут в беседах с президентом. Я был в редком положении, когда, соглашаясь с ними, знал, что все будет не так. Мне вдруг захотелось понаблюдать за Хабибом повнимательнее, понимая, что через 1,5-2 часа мы будем совсем другими. Я почему-то обратил внимание на родинку, расположенную на носу, немножко ниже того места, где смыкаются брови. Еще раз убедился, что в его лице есть монголоидные черты, видимо, эта наблюдение было вызвано тем, что рядом сидел министр с более ярко выраженными признаками монголо-татарского происхождения: скулы на выпяченный

¹ В связи с тем, что текст был написан от руки в одном экземпляре, я попросил помощника Поляничко по имени Сергей вернуть мне текст после перевода. Он пообещал выполнить мою просьбу. Однако на следующий день на мое телефонное напоминание о тексте он ответил, что уже сжег. Не исключаю, что материал этот находится в архивах КГБ. У меня сохранились только наброски, свидетельствующие о том, что мной был дан анализ решенных и не решенных проблем жизни университета, поднятых Наджибуллой в беседе с руководством университета 17.09.87 г. Разумеется, в нормальных условиях для анализа работы университета как в первом, так и во втором случае необходимо было создавать квалифицированную комиссию. У оккупации свои законы, точнее, беззаконие.

подбородок, и быстро убегающий к затылку лоб.

Когда министр спросил мое мнение о выдвигаемых ими проблемах, я сказал, что каждая из них в общем-то актуальна, но их можно решить без президента. Открытие магазина на территории университета, ремонты и т.д. Подчеркнул, что президент, видимо, будет интересоваться деятельностью министерства, университета по разъяснению политики национального примирения, борьбой за ее внедрение. Сароби не придавал значения и сказал, что мы готовим несколько брошюр по политике национального примирения. Недопив чай, мы пошли каждый к своей машине. При входе в кабинет Масуда нас встретили Масуд, Башармаль, посадили в просторном кабинете, имевшем окна с двух сторон здания, большой стол, высокая (около 90 см) батарея. Приняв нас, Масуд сразу пошел к президенту, а Башармаль остался с нами. Пока чай остывал, афганцы беседовали на дари. Я в своей тетради набросал текст возможной беседы. Масуд вскоре позвонил и мы через площадь мимо знаменитого танка Революции № 815, поднятого на пьедестал, пошли в основное, четырехэтажное здание ЦК.

Поднимались по лестницам, покрытым коврами, мимо часовых на площадках и охранников в гражданском на II этаже. Вошли в небольшую приемную президента, где нас ждал Масуд, помощник президента Башир, высокий белолицый светлорусый советский парень (видимо, охрана). Посидели несколько минут на диване и в креслах (мой переводчик стоял - места не было), затем Башир пригласил нас в кабинет президента. Там был большой стол (полированный), рядом с которым с двух сторон было по шесть мягких без подлокотников кресел (мягкого бледножелтого цвета). Я, было, собрался отодвинуть кресло, чтобы сесть, однако увидел, что никто из афганцев не собирался садиться. Мы постояли приблизительно 20 секунд. Вторая дверь, которая была справа от входной двери, открылась, и из своего рабочего кабинета в комнату для встреч к нам вышел президент Наджибулла. В темно-сером костюме, белой рубашке, галстук красный в косую редкую полоску. Он мгновенно окинул нас взором и остановил взгляд на мне, протягивая руку через стол. Я обошел угол стола и пошел ему навстречу, подавая руку. Глядя ему в глаза, я успел почувствовать, что запястье у него широкое и рука сильная. Он что-то еле слышно прошептал, скорее всего «как дела?», как принято, я сказал: «Спасибо». И пошел в свое кресло. С теми, кто сидели рядом со мной, он поздоровался через стол. А потом с напротив стоящими (Масуд и Башармаль).

Стол стоял одним торцом к входной двери. Затем Наджибулла сел в кресло с того торца, который был ближе к окнам, выходящим на улицу, мы же спиной сидели к окнам, которые выходили на площадь. Он открыл небольшие листочки, величиной с тетрадные листы, и начал тихо, почти полупшепотом, перекладывая их слева направо, говорить. Временами он открывал глаза и смотрел на нас, я часто ловил его взгляд на себе, наши глаза встречались. На таком близком расстоянии черты его лица мне показались тоньше, а лицо интеллектуальнее, чем это кажется по телевидению. Мой переводчик, знающий чрезвычайно слабо русский язык, переводил отдельные слова и реже некоторые словосочетания, но и поэтому я заключил, что излагается знакомый мне текст, структура, обращения, мысли, все то же.

Я без труда определил, когда его речь подходила к концу и приготовился к возможным вопросам, обмену мнениями, однако он завершил свою речь вопросом к Хабибу: «Как вы относитесь к недостаткам, о которых я сказал?» Хабиб стал говорить, что студенты работают в Кандагаре, об аспирантуре. Наджибулла его прервал: «Я об этом знаю и об этом говорил». Тогда Хабиб: «Скажите мне конкретно о моих недостатках» (словно ему мало было сказано). Видимо, рассчитывая поставить Наджибуллу в затруднительное положение. Однако здесь произошло то, что мало, кто ожидал. Во всяком случае, я не мог предвидеть. Наджибулла придвинул ближе к себе последний листок, на котором была резервная информация и сказал: «Вы, тов. Хабиб,- националист, а не интернационалист, вы плохо

относитесь к президенту, когда вас иностранцы спросили, как вы относитесь к СССР, вы предпочли молчать». Что-то еще говорил, но мой переводчик растерялся, видимо, испугался и перестал переводить вообще. В этой части его речи тон значительно повысился, но не перешел допустимые рамки. Затем он встал, подошел к входной двери, снова остановил взгляд на мне, словно, дожидаясь, что первым выйду из-за стола, чтобы проститься с ним. Все мы так и поняли. Я подошел, мы пожали друг другу руки, посмотрели в глаза, я сказал ему тоже, что и он мне «Ташакур, бомоно ходо». Президент попросил Сароби зайти к нему в рабочий кабинет.

Мы вышли на улицу. Беседа длилась 25 минут. Стоя у забора и ожидая машину, Хабиб в полной растерянности с обидой стал говорить, что это все неправда. Я сел к нему в машину и поехали в университет, зашли в его кабинет. Всю дорогу и потом еще минут 20 в кабинете он с горькой обидой, возмущением отзывался о словах президента. И все начисто отрицал. Я как только мог пытался его успокоить, сам в это не веря: «Попробуйте эту ночь поспать, а наутро решать, что делать».

Вечером зашел И.Т. Грицай в спортивном костюме, в своей ондатровой шапке и сказал, что нас приглашает Виктор Петрович. Я рассказал все как было. Он сообщил мне, что Наджибулла в своем кабинете упрекнул Сароби в том, что тот всеми правдами и неправдами раздаст посты хазарейцам, культивирует национализм. Потом мы с Ниной принесли ужин. Беседа приняла разнотемный характер и мы разошлись уже после наступления комендантского часа».

О встрече с Наджибуллой у меня осталось неоднозначное впечатление. С одной стороны, находиться в его кабинете, жать руку, непосредственно участвовать в беседе, наблюдать за движением мускул лица исторической личности приятно. Удовлетворило меня, точнее, скрасил пагубность моего участия в подготовке речи Наджибуллы тот факт, что президент не следовал слепо предложенному ему сценарию. Он не отстранил Хабиба от должности и не назначил Эноята, как это предполагалось сценарием (во всяком случае в знакомом мне варианте). Видимо, «творческий» подход к материалам характерен для Наджибуллы. Доволен я остался и тем, что основным удар по Хабибу нанес не мой материал о недостатках работы университета и его проблемах, а тот последний листочек, автор которого очевидно никогда не обнаружится.

С другой стороны, угрызения совести, рожденные приложением моих рук к судьбе Хабиба, пусть даже косвенно, видимо, останутся со мной на всю жизнь. Порой мне кажется, что все участники этой встречи были невольны в своих действиях. Разве, что Хабиб по нравственному положению был выше других. Основная же, судьбоносная для нас всех сила была не в кабинете президента, ибо сам Наджибулла во многом не волен в своих решениях. Но пробьет час - отвечать будет он.

Следствия встречи у Наджибуллы были прежде всего напряженная первая неделя по крайней мере для Хабиба, Эноята и меня. Снова обращаюсь к дневнику за 20 и 21 февраля 1988 года.

«Суббота. День пасмурный, тучи какие-то волосатые, ниже вершин гор. Кругом мокро. На душе мерзко. Весь день прошел в мучительных догадках, что же дальше? Хабиб развернул большую организаторскую и пропагандистскую работу, второй день выступает по телевидению в пользу политики национального примирения, рядом с ним - секретарь третьего райкома Бурхан. Сегодня поздоровался со мной весьма сдержанно (имеет информацию или догадывается о моей роли). Если он вывернется, моя жизнь значительно усложнится.

Звонил Поляничко. Он весь день на каком-то совещании, не отвечал Грицай И.Т. И вечером ничего не мог сказать. «Все может быть. Это афганцы», - это его мнение. Эноят несколько раз заходил ко мне и вопрошающе смотрел, словно, говорил: «Что же дальше?..».

«Воскресенье. Рано утром, идя к машине, столкнулся с Поляничко. Он понял мою

тревогу. Не дожидаясь вопроса, сказал, что на этой неделе вопрос решится, вам позвонят. Эноят будет исполнять обязанности ректора. Уже легче. Насчет квартир, сказал, решится позже...

Собирался с Ниной на торжественное собрание в ДСНКа (на 15.00). Позвонил Эноят. Сообщил, что помощник Наджибуллы Башир Лайек, брат президента АН, сказал по телефону, что декларация президента о перемещении Хабиба и назначении Эноята исполняющим обязанности готова. Я его поздравил и посоветовал поаккуратнее подготовиться к завтрашнему выступлению по телевидению. С этой целью подойти в ЦК к Масуду с просьбой о помощи...».

Как отмечалось выше, основным предметом моего отношения к Наджибулле была политика национального примирения. Она определяла сущность моей активности в связях с советскими партийными работниками. Главным итогом моих усилий в этом направлении стала Всеафганская научно-практическая конференция «Политика национального примирения и молодежь Афганистана». Сама конференция и сборник ее материалов держатся особнячком в моей судьбе как свидетельство противоречивости моего пребывания на Востоке. Об этом речь в следующей главе.

В заключение повествования о Наджибулле приведу материалы о последней встрече с президентом, точнее, о тех обстоятельствах, при которых я видел его в последний раз.

Это было на третий день после того, как мне объявили, что посол снял меня с занимаемой должности, а 25 апреля нам с женой надлежит отправиться авиарейсом из Кабула в Москву. То было время личного открытия массовой неискренности своих коллег, ранее мне известной только по документам тридцатых годов. Мне не могло прийти в голову предположение, мысль о том, что мои современники могут поступить со мной аналогично тому, что требовали массы по отношению к людям в годы молодости моего отца. Мне представилось, что я вправе ждать от других искренности, порядочности, ибо сам не допускал ничего подобного по отношению к другим. Об этом далее.

Коль скоро дневник - один из главных свидетелей моих радостей и тревог, то обращусь к нему и при описании последнего наджибулловского сюжета:

«И день, и ночь - кошмарный сон. Последние дни дневник не писал... Единственная отдушина - приглашение 26 апреля на парад и демонстрацию, посвященных 10-летию Саурской революции. Приглашения принес, спасибо ему, Грицай Иван Трофимович, но о том, что я включен в список приглашенных, говорил Поляничко ранее.

Сопровождающий нас Эноят и водитель Гафур не без помощи царандоев, МГБ, воинских заслонов, завели нас с противоположной стороны центральной площади, с тыльной стороны мечети, в квартал старого города. Машину остановили в грязном переулке и, видимо, сами того не подозревая, пытаясь нам помочь, завели нас в такие печальные места, которые не поддаются описанию. Не улицы, а сплошные бугры, колдобины, канавы и посредине река - канава канализации, порой разливающаяся в широкие лужи. Глиняные полуразрушенные жилища, наклепанные порой в два, а то и в три яруса. И не разрушенные только потому, что внутри этих тонких глиняных стен, находятся гибкие деревянные сваи.

Всего не опишешь, что видели. Мы находились всего в 10 метрах от центральной площади, однако с противоположной стороны. Я видел неловкость Эноята, но попытки прорваться сквозь заслоны не достигали цели. Я предложил возвратиться к машине и искать другой подход к трибунам. Нам предложили пройти в узкий переулок, который напоминал скорее тоннель, шириной 1,5 метра. Видимо, стражи хотели сделать лучше, однако я попросил другого прохода. Мы пошли налево. Здесь проход был шире, но ярко отражающий весь кошмар этого квартала: справа громадная черная вонючая лужа, кругом полно человеческого дерьма. Маленькая тропинка между лужей и двухъярусной ветхой лачугой поливалась со второго яруса туалетным содержимым, которое падало из трубы прямо на головы прохожим. На первом ярусе у самой земли в стенке ниша, наполненная дерьмом,

видимо это туалет первого этажа. Мы с трудом проскочили по этой тропке, однако если кто-то из нас станет утверждать, что его не «нашли» сверху - я не поверю. Я первый своей лисиной почувствовал эти брызги. Когда увидели машину, мы были счастливы. Нас могли спокойно прикончить в плотном окружении военных, жителей, детишек в этих бесконечных лабиринтах.

Гафур сказал, что стражи требовали угнать машину, однако он настоял пусть сожгут, но он не уйдет. Молодец! Когда мы садились в машину, мелодичная афганская музыка сменилась сигналом «Слушайте все!» Парад начинался. Эноят настаивал ехать домой. Я - искать единственный путь подхода к трибунам. Проехав Шахринау, микрорайон, мы оказались у стоянки автомобилей лиц, находившихся на трибунах. По площади шли бронетранспортеры, танки. Над площадью проносились МИГи. После недолгих выяснений, нам разрешили пойти к трибунам.

Трибуна A_2A_2 - рядом с дипломатической A_1A_1 . Посадив Нину, мы с Эноятом стояли возле тыльного парапета. Демонстрация - сверх ожиданий. Постарались и партийцы-афганцы и наши партсоветники. Прежде всего В.П. Поляничко, который сидел на трибуне A_1A_1 и Т.Г. Грицай, который гулял с Максимкой на проезжей части, по ту сторону парапета. Мы с ним переговаривались. Около двух часов продолжалась демонстрация. Особенно запомнились индийские, таджикские изображения горы-Будды, разрез мастерских, квартиры, где обитатели занимались своим трудом.

Колонна университета была украшена плакатом с изображением сломанного ружья и макета большого голубя на тщательно замаскированном грузовике. Позже узнал, что мотор отказал и студенты вместе с преподавателями толкали машину, не подавая виду.

Мы с Эноятом наблюдали и тыльную часть трибуны, где постоянно проходили, беседовали министры, члены правительства и многие другие, где щеголяли генералы.

После окончания парада, точнее, демонстрации между парапетом и забором на асфальте выстроился почетный караул из всех родов войск, точнее, пехота, пограничники и авиация. Вскоре вышел президент Наджибулла, прошел мимо почетного караула, стоящего лицом к нам, от нас президент прошел метрах в пяти. Лицо его выражало удовлетворенность. Рядом стоял его мерседес и охрана. Охранник - тот светловолосый парень (советский), который приветствовал нас в приемной Наджибуллы. За машиной президента, после ухода почетного караула, уехали один за другим высшие чины. Я узнал ряд лиц. Уехал наш Поляничко. Однако Грицаю пришлось вместе с Ниной Петровной, Максимкой и нами проделать путь до стоянки автомобилей...».

Однако «мир во время чумы» для нас завершился неожиданно. При подходе к парадной нашей квартиры мы увидели сидящих на парапете у порога двух подполковников советского КГБ. Заметив нас, они вскочили и стали требовать объяснений, на каком основании мы отправились на парад. Что и говорить, система доноса на своих работает молниеносно. Это не так трудно, как, скажем, раскрыть причастность бывшего моего водителя Нуриддина к заданию меня похитить. Офицерам казалось, что они близки к цели: самовольный отъезд - удобный повод для нашей отправки в Союз. Не получилось мытьем, так можно катаньем. Я пробовал шутить: протянул руки для наручников. Однако они, особенно вновь прибывший Соловьев А.Ю., шутить не собирались, видимо, сетовали на то, что кто-то своим распоряжением нарушил их личные планы на выходной. И вдруг, какой пассаж, безрезультатно. Мы предъявили им пригласительные. К тому же сообщили, что советский ответственный за передвижение Макхамов был уведомлен о нашей поездке. Ушли, не простившись, но и несолоно хлебавши.

Не знаю,годились ли материалы по освещению отдельных проблем теории политики национального примирения Наджибулле, которые я готовил в последующее время, о чем речь пойдет в следующей главе. Но последней невидимой нитью, связывающей с ним, было награждение меня медалью президента «10-летие Саурской революции» с вручением

удостоверения и выписки из приказа Наджибуллы. Этой медалью награждались многие советские специалисты. При вручении я пошутил на одесский манер, что рассматриваю медаль как награду за освобождение Афганистана от своего присутствия. Думаю, в этой шутке есть только доля шутки, относящейся ко всем кавалерам этой медали.

ЗА ПРИМИРЕНИЕ АФГАНЦЕВ ПОД УДАРАМИ СОВЕТСКИХ

Историку более, чем кому-либо, известно, что в прошлом преобладало насилие одних над другими. Мечтой трудолюбивых, честных, не пораженных честолюбием, расовыми болезнями людей был мир. Как не поддаются измерениям ужасы войны, так нельзя переоценить значение мира. Мудрость политика не в поисках предлогов к войне, а в не упущении шансов к миру. Каждый мирный жест достоин не только понимания, но и поддержки. Упущенные возможности примирения могут и должны рассматриваться современниками и потомками как нежелание прекратить кровопролитие соотечественников. Поэтому мое увлечение политикой национального примирения в Афганистане было продиктовано собственными убеждениями и желанием сделать что-то конкретное для ее реализации. А что может обществовед? Изучать да пропагандировать. Третьего не дано. Каждый исследователь, естественно, не обошел бы вопроса: кто является родоначальником политики национального примирения? Это удалось установить без труда – Наджиб. А на самом деле?

Ведь вряд ли кто будет оспаривать тезис, что в нашей системе не все идеи принадлежат докладчику. Радио «Свобода» как-то передавала в своем армянском часе, что нынешний второй секретарь ЦК КП Азербайджана В.П. Поляничко был при Бабраке Кармале резидентом, а при Наджибулле серым кардиналом. Не берусь судить об истинности сказанного, ибо не знаю аргументов автора. Но то, что Виктор Петрович, обладая партийно-имперским мышлением, верно, талантливо служит кому присягнул – факт. А верность, как качество, осуждению не подлежит. Мне неоднократно за ужином приходилось с «разведывательной» целью называть его родоначальником, автором политики национального примирения. Он реагировал молча, но положительно. Ему импонировали эти титулы. Поэтому, когда услышал из наших средств массовой информации, что в Азербайджане проводится политика национального примирения то эта весть сразу ассоциировалась с именем Поляничко. Понимаю, что это косвенные аргументы в пользу Виктора Петровича, как духовного отца политической концепции Наджибуллы. К сожалению, партийные и государственные документы традиционно готовятся у нас так, что их подлинное авторство никогда не будет установлено. Этот метод очень удобен. Не назвав автора добротной идеи, докладчик выступает сам как автор. В научных кругах – это плагиат, преступление. В политических – норма. В случае провала неудачной идеи можно легко избежать ответственности, выдав ее за коллективное творчество.

В отношении политики национального примирения я располагаю первоначальными документами «Декларация Ревсовета ДРА «О национальном примирении в Афганистане»¹. Советские составители сборника документов, в который вошел данный документ, не удосужились даже поставить дату его появления на свет божий.

Начиналась Декларация обращением-эпиграфом: «Во имя бога милосердного и всемилостивейшего! Воистину все мусульманские братья, примирите своих братьев!».

Как ни странно, но каких-либо существенных разработок по теории и практике политики национального примирения я не находил. Наш многочисленный корпус обществоведов, особенно в Институте общественных наук при ЦК НДПА, больше планировал, чем располагал фактическими результатами своей работы в данном

¹ См.: Програмные документы НДПА, нравительства и Революционного совета ДРА. (Сборник документов), Кабул, 1987, с. 167 – 171.

направлении.

А ведь при желании многие могли бы не только помочь политикам, но и найти себя на афганской земле в этом благородном деле.

Заметил у себя свойственную черту: как только появляется уверенность в успешном завершении начатого дела в его недрах рождается новое, еще более заманчивое. Среди рекомендаций, принятых на конференции «Великий Октябрь и молодежь Афганистана», по моему предложению были включены такие пункты: «Использовать опыт подготовки конференции при организации конференции, посвященной 10-летию Саурской революции. Включить в программу курса общественных наук тему «Мировой революционный процесс и пути создания нового общества». Подготовить учебную программу и курс лекций по политике национального примирения»¹.

Вексель выдан. Наступила пора его оплачивать.

Несколько слов об условиях, в которых осуществлялась материализация задуманного. Началу благоприятствовала обстановка, которая в значительной, в решающей степени определялась отношением посла Можаева к моим начинаниям с аспирантурой. Чиновничья кличка «наш человек» на некоторое время тормозила расправу надо мной со стороны секретаря парткома и Аппарата экономического советника. Коллектив, скрепя сердце, меня поддерживал. Афганцы, особенно исполняющий обязанности ректора Эноят, охотно брались за все новое, интересное.

Однако после отправки посла Можаева с обширным инфарктом в Москву, когда стало ясно, что он в Кабул не вернется, началась интенсивная травля. Она дирижировалась указанными верхами, а осуществлялась в коллективе теми лицами, которые были чем-то недовольны: то ли собой, то ли своим положением, то ли судьбой, то ли своей женой, то ли мной. Скорее всего выместить свое недовольство они решили на советнике, который не имел поддержки в верхах, был без «крыши» над головой. В таких условиях мне приходилось завершать начатое.

Еще в декабре была достигнута договоренность с Хабибом, что советские обществоведы подготовят первый вариант текстов лекций по новому спецкурсу «Политика национального примирения: сущность, опыт, задачи», а афганцы переведут на дари, доработают и подготовят к изданию. Мы с нашими обществоведами распределили темы. Возражений не было. Определили срок. Приступили к работе. Наша работа привлекла внимание В.П. Поляничко. Он постоянно интересовался результатами. Здесь уместно привести две дневниковые записи: «22 января 1988 года. Пятница – выходной день... Отнес Поляничко отпечатанную структуру спецкурса «Политика национального примирения: сущность, опыт, задачи», рассчитанный на 18 часов, из которых 14 лекционных и 4 семинарских». А вот запись 27 января 1988 года: «Сегодня много приятного... Гуляя вечером по снегу и под снегом, падающем спокойно с неба, мы узнали от Хелали, что Наджибулла в своем докладе на Пленуме ЦК НДПА, который состоялся сегодня¹, отметил нашу инициативу о создании и чтении спецкурса «Политика национального примирения: сущность, опыт, задачи» с зачетом по нему и рекомендовал другим вузам внедрять нашу инициативу».

Параллельно, начиная с декабря, оказывая помощь Энояту в организации афганской стороны, я психологически готовил советский коллектив к участию во Всеафганской научно-практической конференции «Политика национального примирения и молодежь Афганистана». Преподаватели наши восприняли идею конференции в основном с одобрением. А вот Г.И. Петров и В.А. Ларионов не сказали ни да, ни нет. Молчали.

Конференция не имела аналогов. Политике национального примирения как

¹ См.: Великий Октябрь и молодежь Афганистана, с. 8.

¹ См.: Афганистан: пути национального примирения. По сообщениям средств массовой информации. № 4, 9 февраля 1988 г., Кабул, с. 3–6.

политической платформе и практике 15 января 1988 года исполнился год. Мы же ее готовили на апрель, к 10-летию Саурской (Апрельской) революции. Ее выбор обосновали следующими факторами: 1. Научными – привлечение значительного фактического материала и имеющихся обобщенных выводов для определения степени взаимосвязей целей политики национального примирения и интересов молодого поколения.

2. Политическими – участием советской стороны показать гуманистический характер наших будущих намерений в отношении Афганистана в противовес распространявшемуся мнению об оккупационных целях нашей политики в РА. Участие афганской стороны в конференции – одна из форм выражения поддержки политики партии и правительства, взявших курс на национальное примирение.

3. Практическими – выработать рекомендации преподавателям вузов, техникумов, школ, молодежным организациям с целью активизации их участия в утверждении мира на афганской земле.

4. Важно было, как при проведении первой конференции, обеспечить массовое участие в поиске истины и найти точки приложения совместной работы афганских и советских преподавателей, ученых.

Было принято совместное постановление ЦК ДОМА и коллегии Минвуза РА. Создан афганский оргкомитет во главе с кандидатом в члены Политбюро, первым секретарем ЦК ДОМА Фаридом Маздаком. Активность афганцев в организации конференции была весьма высокой.

Конференция была назначена на 18–21 апреля 1988 года. Однако Наджибулла хотел принять в ней участие и попросил перенести на более поздние сроки, когда он вернется из поездки за рубеж. Оргкомитет уважил просьбу президента и определил время конференции 2–7 мая.

Были разосланы пригласительные билеты и программы. Механизм конференции был заведен, так сказать, со звоном будильника на 2 мая.

17 апреля накануне первоначально определенной даты конференции состоялось заседание ученого совета советских специалистов. В повестке дня вопрос: «Об участии советских специалистов в организации научно-практической конференции «Политика национального примирения и молодежь Афганистана». После моего доклада были поставлены вопросы:

В.Ф. Соляник: Если мой доклад будет вместе с афганскими коллегами, кто должен выступить, я или афганский коллега?

Г.И. Гончарук: Это решается добровольно самими авторами.

М. Г. Шарце: Мои тезисы откланены?

Г.И. Гончарук: Нет, это не так. Привожу этот мирный диалог с делового заседания ученого совета потому, дорогой читатель, что именно эти два доцента (один возглавил список авторов, другой замкнул), именно в этот день в строжайшей тайне отправили письмо к послу.

В своем объяснении своих «преступлений», изложенных в данном письме и других бумагах, и направленных в партком Одесского политехнического института для принятия мер, в феврале 1989 года я писал о поведении наших преподавателей в дни работы конференции. «Наши преподаватели в большинстве сначала поддерживали, но после того, как они авансом (по причине отсутствия других фактов) оклеветали в своем письме 17 апреля 1988 года еще не состоявшуюся конференцию, предприняли яростные атаки с целью сорвать ее.

Было решено (видимо, т. Петровым Г.И.) меня физически изолировать от университета, на базе которого организовывалась конференция. 30 апреля вечером, которая находился на партийном собрании, В.А. Ларионов вместе с водителем А.Ф. Лунина, членом парткома, ответственным за работу вузовских организаций, вырывая из рук жены вещи,

стали выносить их из квартиры и грузить в машину. А.Ф. Лунин при этом заявил, что имеется решение ЦК КПСС о нашем переселении. Даже тесто для первомайских пирогов было выброшено в ведро для мусора. К 24 часам в ночь под 1 мая меня высадили на территорию городка Института общественных наук и приказали без особого на то разрешения никуда не отлучаться. Тов. Ларионов В.А. категорически запретил принимать участие в конференции, несмотря на то, что афганский оргкомитет запрограммировал мой доклад на первом пленарном заседании. 1 мая я был вынужден обратиться по телефону к заместителю руководителя партийных советников т. Поляничко В.П. с просьбой посодействовать моему участию в конференции, в противном случае афганцы не поймут срыва программы конференции советской стороной. Виктор Петрович, спасибо, вошел в мое положение. Однако т. Мамадназарбеков М.Н. отказался обеспечить меня транспортом. На мое обращение к руководителю советских преподавателей ИОН при ЦК НДПА т. Ширяеву Б.А. с просьбой обеспечить меня транспортом последовал ответ: «Необходимо разрешение сверху». Выручили афганцы: ректор прислал свою машину¹.

Молодцы афганцы. Актовый зал университета переполнен. Многие напоминало первую конференцию. Знакомые лица. Из советских – снова Г.И. Ходоровский, доценты П.М. Копытко, Г.И. Лобчук. Меня посадили на то же самое место в президиуме, где я сидел прошлый раз: в первом ряду справа возле самой трибуны. Та же переводчица Фатима. Только не было рядом со мной как прежде, телерепортера ЦТ СССР Ады Викторовны Петровой, не явился секретарь парткома Г.И. Петров, куратор В.А. Ларионов, советник В.А. Лунин. Наджибулла извинился, прибыть не мог.

В конференции приняли участие 162 ученых, преподавателя, практических работника из 29 учебных заведений, органов, учреждений, в том числе провинциальных, а также ученые из Болгарии, ГДР и СССР. Среди участников – 119 афганских ученых и преподавателей и 14 студентов, а также 54 специалиста из других стран. Кроме докладчиков, в работе конференции приняли участие и другие преподаватели и студенты Кабульского университета: на пленарном заседании около 500 человек, на секционных заседаниях от 30 до 50 человек в разные дни в каждой из семи секций¹.

На первом пленарном заседании выступили: с приветствием – исполняющий обязанности ректора Кабульского университета доктор Т. Эноят, с докладами – член Политбюро, секретарь ЦК НДПА доктор Хайдар Масуд «НДПА – инициатор, организатор и руководитель политики национального примирения», министр высшего и специального образования РА доктор А. Сароби «Вклад коллективов высших и специальных учебных заведений в, реализацию политики национального примирения», секретарь ЦК ДОМА Мухаммад Салим «ДОМА – активный проводник политики национального примирения».

Свой доклад «Единство целей политики национального примирения и интересов молодежи Афганистана» я начал так: «Ни одна демографическая категория населения не страдает так от войны, как молодежь. Это общее положение в полной мере подтверждается на земле Афганистана. Причины на то следующие: во-первых, молодежь имеет право на жизнь в большей степени, чем старшие поколения, ибо она несет меньше ответственности за формирование противоречий, приведших к войне, за начало и продление военных действий. Представители старших поколений, в основном имущие, проводят соответствующую классовую политику и должны прежде всего нести ответственность за ее последствия...»².

Зал поддерживал меня несколько раз аплодисментами. Но за такую неслыханную

¹ См.: Опровержение обвинений в адрес Г.И. Гончарука, бывшего советника ректора Кабульского университета, советника-консультанта Института общественных наук ЦК НДПА, ныне заведующего кафедрой истории Одесского политехнического института, Одесса, февраль 1989 г., с. 67–70.

¹ См.: Политика национального примирения и молодежь Афганистана. (Материалы Всеафганской научно-практической конференции, представленные на русском языке) 3–5, 7 мая 1988 год. Кабульский университет. Кабул, 1988, с. 6.

² См.: там же, с. 12.

дерзость в адрес истинных виновников войны (это касалось и нашей страны) в то время, весной 1988 года, мне суждено было «получить» еще один ярлык – «содержит методологические ошибки», «пытался внести раскол между старшим и младшим поколениями».

В отчете оргкомитета дана высокая оценка конференции. Назывались и недостатки. На секционных заседаниях указывали на неудобства, связанные с временем Рамазана, а также были названы фамилии нескольких человек тех, которые подали заявку на выступление, но не явились на заседание секции и не представили в письменном виде свои материалы. Среди них оказался и на; Мамадназарбеков. Сложно он вел себя во время конференции: с одной стороны, не мог подавить в себе чувство тщеславия – сел без приглашения афганцев в президиум на пленарном заседании на то место, которое табличкой было указано для секретаря парткома Петрова, а с другой, – Мамадназарбеков делал все, чтобы сорвать конференцию. Приняты интересные рекомендации. Работа конференции освещалась по телевидению, радио и в печати.

Спустя несколько дней после конференции секретаря парткома Эзмара и меня пригласил член Политбюро ЦК НДПА, секретарь ЦК ДОМА Фарид Маздак и попросил высказать свое мнение о конференции. Оно было однозначно – конференция достигла цели. А еще через некоторое время в числе двенадцати ее организаторов меня наградили медалью ЦК ДОМА «За успехи в труде». (И опять без согласия посольства). Не скрою, было приятно, что меня единственного среди всех награжденных назвали инициатором конференции. Об этом говорится также в отчете афганского оргкомитета о работе конференции¹.

Несколько дней успешной работы конференции явились бальзамом на те душевные ожоги, которые причинили клеветой наши специалисты, и действия нового посла Н.Г. Егорычева по удочерению этой клеветы, не спросив, так сказать, ее реквизиты. Я был смещен с должности, но не сломлен. Замечаю за собой черту: плясать не от печки, а от порога. В трудной ситуации спешу определить самые худшие последствия, а затем предпринимать усилия, чтобы их недопустить.

Среди множества возможных осложнений и неприятностей, которые могли меня поджидать в окружении ненавидящих нас афганцев, а также способных на все – вплоть до убийства советских, в вихре множества лихорадочных, мыслей, в том числе предательских, стала все чаще появляться, словно далекая звезда, одна: чтобы не случилось, использовать все до малейших возможностей для завершения основных дел. Теперь предмет моих забот приобретал не только афганский, но и личностный аспект. Во что бы то ни стало издать материалы конференции, поступившие на русском языке, которые передал мне афганский оргкомитет с рекомендациями секций для публикации. Надо было действовать, не теряя ни одного часа.

Оказывается, это понимали и мои оппоненты. Мамадназарбеков, Г.И. Петров, В.А. Ларионов отдавали себе отчет в том, что лучшим документом, свидетельствующим об успешном проведении конференции, могут стать ее опубликованные материалы. Они тоже не теряли времени. В последний день работы конференции, когда я направлялся к машине, чтобы уехать домой, ко мне подошел невесть откуда взявшийся Ларионов и предложил пройти в бывший мой кабинет для передачи материалов новому советнику. Не уловил толком, что он задумал, я прошел вслед за ним в кабинет, где гордо восседал и. о. советника Мамадназарбеков. Сначала благовидно с трудно скрываемым напряжением Ларионов попросил передать все бумаги Мамадназарбекову. Я ответил, что за хранение и состояние бумаг отвечает один и тот же человек, который был при мне и который работает в этой должности теперь. Ключи от сейфов у него. Причем тут я. Тогда Мамадназарбеков поддельным тоненьким лисьим голосом стал мне объяснять: надо все бумаги, даже те,

¹ См.: Политика национального примирения и молодежь Афганистана, (Материалы Всеафганской научно-практической конференции, представленные на русском языке) 3–5, 7 мая 1988 год. Кабульский университет, Кабул, 1988, с. 9.

которые со мной – отдать ему, ибо он теперь отвечает за все, что относится к университету.

Со мной в маленьком черном венгерском дипломате были только что врученные афганской стороной материалы конференции. Мгновенно стал очевиден их замысел – отнять материалы конференции. Конечно, не для того, чтобы их опубликовать. До конца не осознавая коварства их целей, а принимая это как заблуждение, я пытался объяснить, что афганским оргкомитетом я назначен председателем редакционной коллегии, мне вручены материалы – труд более ста человек – поэтому я несу ответственность перед всеми названными и перед своей совестью. «Мы снимаем с вас ответственность и берем ее на себя», – сказал Ларионов. Я отказался отдать им материалы. Тогда Ларионов попросил Мамадназарбекова оставить нас одних. Начал с того, что он наделен полномочиями отправить меня в любой момент в Союз. Я ответил расхожей фразой: «Не следует меня пугать Родиной». Материалы отдать не согласился. Тогда он с вошедшим Мамадназарбековым попробовали насильно отнять у меня дипломат. Я предупредил, что у меня пистолет снят с предохранителя. При борьбе возможны случайности. (Это единственный случай, когда меня выручил пистолет).

Немного поостыв, они стали угрожать мне вызовом службы безопасности. Я в свою очередь позвонил секретарю парткома Петрову и попросил прекратить произвол. В ответ – многозначительное молчание. Тогда я пошел на решительный шаг: позвонил Поляничко с деликатным вопросом: следует ли мне браться за публикацию материалов конференции. В ответ – не только одобрение, но и просьба сделать все возможное, чтобы материалы конференции были изданы как можно быстрее. Скажи Поляничко другое и моя борьба за издание материалов на этом остановилась бы.

Оппоненты мои, казалось, окончательно остыли. Однако, то было явление временной потери перспективы...

В последующие дни Ларионов мне категорически запретил: появляться в университете и на территории жилгородка КПП, где проживали члены редколлегии; пользоваться пишущей машинкой; встречаться с членами редколлегии; посещать библиотеку университета; посещать типографию. Позже, когда уехала жена в Союз, меня досрочно сняли с продовольственного обеспечения, перевели на хлеб и воду, посадили под домашний арест и каждый мой шаг контролировался людьми, которых было с избытком в Афганистане. Даже за почтой, письмами детей, родных и близких, газетами мне было отказано появляться по адресу – в жилгородке КПП.

В этих условиях, не давая повода для немедленной отправки в Союз, мне пришлось овладеть нелегальными методами борьбы. Здесь-то, как никогда ранее пригодилась мне история большевизма, их. конспирация, подпольная издательская деятельность.

Прежде всего в состав редколлегии включил людей, которые отличались культурой мышления, знанием русского языка, могли пользоваться пишущей машинкой и не склонных к двойной игре. Это доцент Л.П. Апполонова из Ростовского университета, преподаватель журналистики, Н.И. Игошин, доцент Одесского госуниверситета, С.И. Крылов, преподаватель русского языка из Запорожья. Для расширения редакторской базы и наличия дополнительного канала связи в состав редколлегии был включен доцент-обществовед, работающий в Кабульском медицинском институте П.М. Копытко из Ивано-Франковска. Такое решение вполне вписывалось в постановление Совета советских специалистов Кабульского университета от 17 апреля 1988 года, где было указано, исходя из опыта подготовки материалов предыдущей конференции, состав редколлегии определяется после реального вклада в редактирование материалов¹. До самого своего отъезда печатать помогала моя жена.

Для подпольного обмена материалами конференции в процессе редактирования и

¹ См.: Протокол № 7 заседания Ученого совета советских специалистов Кабульского университета от 17 апреля 1988 г., с. 3.

печатания на восковку – английский способ приготовления для множительной машины – между членами редколлегии и мной были использованы посещения кино в зале на территории ИОН, куда периодически привозили обитателей жилгородка КПИ. Когда же, видимо, уличив меня в преступных связях, прекратили возить в кино прежних посетителей, местом обмена материалом между мной и членами редколлегии стала библиотека Кабульского университета, а связистом – моя жена. Когда же по неизвестным причинам материал задерживался, я под покровом ночи, используя хорошие отношения с советскими водителями ИОНа появлялся на несколько минут в квартирах то одного, то другого члена редколлегии. В типографию забегал на пути по вызову в посольство или в Аппарат экономического советника. Существенную помощь оказали мне афганцы. Их симпатии ко мне не только не уменьшились, но и возросли. Опальный человек вызывает уважение со стороны честных людей. Многие, если не все, кто меня знал, искренне радовались встрече. Низко кланялись, приложив правую руку к сердцу, кто чином повыше решались спросить: «Хубасти четуристи, Григорий Иванович?» и не дождавшись ответа сами произносили: «Хубасти?»².

Такое отношение ко мне было не только со стороны руководства университета, преподавателей, моих бывших студентов, коменданта Агогуля, моего бывшего стража Гуляма Сухима, секретаря Хомо, но и работников типографии и многих других. Доносились до меня приветы от афганцев из ЦК НДПА, Министерства высшего и специального образования.

Судя по дневнику, одним из самых радостных дней опального периода выпадает на 26 мая, за день до отъезда моей жены. Привожу запись: «Владимир Павлович Гредюшко вручил Нине медаль ЦК ДОМА «Слава», а мне «За мужество». Настроение несколько поднялось. Сдал лекцию «Методология компромиссов и ее отражение в политике НДПА» Б.А. Ширяеву. Вышел сигнальный экземпляр сборника. Неплохой». И опять, уже в третий раз, афганцы награждают меня без согласия посольства и Аппарата экономического советника. Представляю, что думают мои оппоненты об этих непокорных афганцах... Восемь лет убивают их, а они не считаются с полномочными и чрезвычайными шурави.

Наконец, сборник передо мной. Большого формата, 168 страниц, обложка розовая. Вверху медаль «40-летие Кабульского университета», интересного содержания, внизу под названием эмблема национального примирения: три пары рук в дружном пожатии на фоне лучей восходящего солнца, охваченных венком из веток оливкового дерева.

Что ж, этого, пожалуй, и достаточно для девяти месяцев работы. В Союзе за это время не сделал бы и трети. Там только планирование займет несколько лет, да плюс издание материалов.

Стал считать число авторов. Дошел до ста. Устал. Среди них встречаются фамилии авторов письма Шарце, Соляник, Терентьев, которые еще 17 апреля до ее открытия очернили конференцию, а через пару дней будут требовать с пеной у рта дать им не один, а несколько экземпляров сборника, ибо им надо для переизбрания на новый срок по месту основной работы или для повышения в должности. Их можно по-человечески понять. Только как это вяжется с элементарным чувством порядочности? Мне казалось, что их письмо – это минутная слабость, плод скоротечных эмоций. Получив сборники, они, наверняка, поблагодарят меня и редколлегию за то, что мы способствовали их публикации и на добровольных началах выполнили адскую работу в невероятно сжатые сроки.

Несколько дней спустя я пожалел, что допустил такие мысли. На территории нашего городка появился Ассеев. Он стал уговаривать тамошних ученых поставить подписи под заготовленным текстом кляузной рецензии на мой доклад и в целом на сборник, которые дескать имеют методологические ошибки и подготовлены на низком уровне. Однако моему

² «Живете хорошо, Григорий Иванович?», «Хорошо?»

возмущению не суждено было долго терзать меня: те, к кому он обращался, потребовали от него немедленно очистить территорию городка. Кстати, среди авторов сборника были и ученые ИОНа.

Сборник во многом отразил не только способности, трудолюбие, отношение наших специалистов к политике национального примирения, но и нравственные качества. Здесь отразилось истинное лицо поборников советнической деятельности, о котором речь шла в предыдущей главе. Они не искали возможностей для предметного сотрудничества с афганскими коллегами, не помогли молодым преподавателям подготовить тексты выступлений. Или не хотели, или не сумели. Возможно, то и другое.

Выдворение Ассеева с территории городка не остановило моих беспокойных оппонентов. Не смирился Мефистофель. Не получилось по лошадям – даешь по оглоблям. Резервы у злопыхателей неисчислимы. Они решили включить в работу совет общественных наук, который весь год бездействовал, а тут – поразительная оперативность. Совет создан при парткоме. Повестка дня «Обсуждение материалов конференции «Политика национального примирения и молодежь Афганистана». Да еще меня пригласили. Ширяев сам предложил транспорт. Какое нежное коварство! Не согласился. Не явился. А секретарю парткома позвонил: «Опомнитесь! Конференция афганская. Организована афганцами. Подавляющее большинство участников и авторов материалов – афганцы. Материалы рекомендованы к изданию афганцами после обсуждения на заседаниях секций и одобрены афганским оргкомитетом. Обсуждать их материалы независимо от результатов – акция неуважения и вмешательства в их внутренние дела». Ответ – красноречивое молчание.

Состоялось грязное судилище. Об этом мне рассказывали его участники. Руководили Советом Ассеев и Мамадназарбеков.

Однако нашелся один порядочный человек среди продуманно-выбранных приглашенных членов Совета (например П.М. Копытко, члена Совета, не пригласили). Это профессор ИОН при ЦК КПСС В.В. Лебедев, который пытался пристыдить организаторов вакханалии и обратить их внимание на то, что методический совет не компетентен и не правомочен обсуждать материалы научной конференции. К тому же большинство авторов материала – не обществоведы. А среди членов Совета нет ни одного специалиста по молодежной проблематике.

Однако голос разума их не остановил. Видимо, был получен приказ. А приказ надо выполнять. Системе нужны исполнители. Да, все шло к тому, что ни одно мое дело не останется безнаказанным. Вопросам политики национального примирения были посвящены мои исследования в оставшиеся два месяца пребывания в Афганистане. Подготовил две главы учебника по этим вопросам, который якобы писался нашими специалистами в ИОНе в течение учебного года. Однако, когда поставили мои материалы на обсуждение, то я с грустью узнал о том, что кроме тезисов В.В. Лебедева никто ничего не подготовил. Написал и направил ряд материалов для В.В. Поляничко.

С увлечением работал над проблемой, мной же определенной «Методология политических компромиссов и ее отражение в политике НДПА». Среди узловых вопросов поднимались такие: историческая, объективная необходимость политических компромиссов, соотношение целей партии и цели компромиссов, принципы, содержание и формы компромиссов, критерии целесообразности компромиссов. Начал с содержательных и количественных характеристик тех тематических работ, которые были в библиотеке ИОНа.

Однако теорией проблемы компромиссов классики не занимались. Малоизученность проблемы вызвала во мне неистовое желание, подчиняясь ей, победить ее.

С аналогичным интересом увлекся найденной мной темой «Методология единства политической партии». Определил факторы внутрипартийных противоречий и категории единства партии. Однако отпущенные для их разработки «политические», пожарные сроки, к сожалению, не позволили привести к задуманному завершению начатый труд.

Последним штрихом в «моей» политике национального примирения – завершение моего детища – спецкурса для университета «Политика национального примирения: сущность, опыт, задачи». Мне повезло в какой-то степени в том, что еще будучи советником университета все-таки сумел склонить всех авторов к написанию глав в срок. Трудности были. Первым захандрил доцент В.Ф. Соляник. Он сослался на то, что нет материала. Моя жена подобрала в библиотеке необходимую литературу и источники, а я не посчитал зазорным отнести ее на квартиру Солянику. Это дало нужный толчок. Вскоре Соляник принес свою главу. Много нервов потрепал мне Ассеев. Все у него не слава богу: то голова болит часто, то перегружен общественной работой, то еще что-то. Наконец, сдал главу, написанную от руки на клочках ученической бумаги. Это при том, что у него есть пишущая машинка. Постыдил его. Через пару дней принес доработанную. Клочков уже меньше, но вид отвратный. Доцент Л.Л. Апполонова подготовила проект «Положения об общественном зачете по курсу «Политика национального примирения: сущность, опыт, проблемы».

Чем завершилась наша работа, дает ответ письмо председателя коллектива афганских авторов, приведенное в последней главе. Удовлетворяло то, что афганцы серьезно работают над сборником, а также то, что студенты будут сдавать зачет тогда, когда меня уже не будет в Кабуле. То есть дело будет жить без меня. Значит, нужное.

На этой оптимистической ноте следовало бы закончить главу, если бы не возник в последние дни и на этой тропе Мефистофель. По официальной линии и попыткой ко мне прорваться Ассеев и Соляник стали в ультимативной форме требовать свои лекции, представленные в сборник. Зачем они им понадобились – для меня по сей день загадка. Загадкой осталось также то, что они требовали материалы от меня, находящегося под домашним арестом в жилгородке ИОНа, а не от руководства университета, у которого находились эти материалы. Наши авторы знали об этом, ибо афганские переводчики приглашали советских авторов, в том числе и названных, для совместной работы по переводу на дари.

Однако чрезвычайно напористые неоднократные требования ко мне двух коллег вернуть материалы все больше склоняли меня к мысли не о случайном недоразумении, а о возможном умысле данных авторов. Буквально в день, предшествующий моему отъезду из Кабула я представил ситуацию, которая мне возможно уготована в Союзе. Советские авторы подали на меня в суд за присвоение их идей. Я один. Это может быть бесконечно: любая моя новая работа в Союзе может быть оспорена большинством ссылкой на их рукописи, оставленные в Афганистане, но присвоенные Гончаруком. Копий их материалов у меня нет. Они представлялись в рукописном виде. С какими аргументами на суде я буду противостоять беспредметно мстительному большинству? Так и в тюрьму можно схлопотать.

К этой мысли меня подтолкнул сам Ассеев, повстречавшийся у здания объединенного профкома в посольстве, где я снимался с профсоюзного учета. Он набросился на меня с площадной бранью в присутствии посторонних. Мне до такой степени стало стыдно за лексикон профессора, что я был вынужден делать вид, что его не знаю. Откровенная угроза вызвала к жизни чувство самосохранения. На обратном пути вместе с тремя советниками-преподавателями ИОНа я заехал в университет и попросил рукописи указанных авторов, как руководитель авторского коллектива я имею право хранить их. Ректор согласился. Он вызвал Хазрата и велел дать мне на время эти рукописи. В свою очередь попросил Хазрата написать на титульном листе дату выдачи мне рукописей. Он просьбу удовлетворил – от сердца отлегло. А самому подумалось: желаешь мира афганцам – будь готов к войне с советскими. Древние римляне мыслили проще: хочешь мира – готовься к войне.

ПАРТСОВЕТНИКИ, ДИПРАБОТНИКИ И ПАРТРАБОТНИКИ¹

Первые две категории открыто не враждовали. Внешне все было пристойно и взаимоуважительно. На собраниях, совещаниях, встречах они умели скрывать взаимную неприязнь. Однако подспудно, а при удобном случае и открыто не только высказывали недовольство некомпетентностью противной стороны, но по мере приближения даты вывода войск, непредсказуемости последующих событий, спешили свалить вину за провалы афганской авантюры друг на друга.

Ставить вопрос, кто из них нравственней, так сказать, методологически неверно. Ибо они все одного поля ягода. Тем более, что послами, как правило, являются бывшие партийные работники, которые шлифовались жерновами так называемого демократического централизма и похожи в своих действиях, как скажем, простейшее ружье: чем зарядишь, тем и выстрелит². Каждый из них, если прикажут сверху, покажет образцы преданности кому угодно, примеры гуманности или жестокости. У них свои, аппаратные представления о нравственности, чести и достоинстве. Больше уважаем тот, кто ближе к вышестоящему. Любой вышестоящий, по мнению нижних, безупречен, талантлив и добрейший человек. Семья у него почти божественная, все, что связано с ним (всякая чепуха) в устах подчиненных подается, как редкое, или единственное в своем роде.

Вместе с тем дипломатические работники отличаются клановостью. Почти все они москвичи, люди со связями, влиятельными родственниками или другими покровителями. Они тонко чувствуют опасность для своей карьеры и быстро схватывают факторы, способствующие своему продвижению или благополучию. Они беспощадны с неугодными и беззащитными, однако заискивают перед человеком «с крышей», знают «нашего».

Партийные советники хоть и носят ряд общих аппаратных черт с дипработниками, имеют ряд особенностей. Среди характерного – разбросанность географии их постоянного места работы в Союзе и должностного статуса. Отсюда на каждом из них печать не только местности, среды, но и уровня компетентности, культуры. Хронологическая ограниченность, временный статус пребывания в Афганистане не располагал к раскрытию всего существа их активности и личностных качеств. Возможно, потому они выглядели менее внутренне напряженными, более непосредственными, с меньшим числом комплексов, чем работники дипломатического корпуса, у которых не было в стране постоянных должностей и следовало всем талантам дорожить местом, доставшимся различным способом, возможно, высокой ценой.

Партийные советники являлись составной частью афганского правящего партаппарата и, естественно, влияли больше на политику партии и правительства. Они обладали более достоверной информацией, располагали знанием кабинетных тайн и коридорных домыслов, предположений, предубеждений. Их близость к правящей верхушке, участие в судьбах республики и отдельных деятелей, прямой выход на ЦК КПСС создавали для дипкорпуса нестандартную ситуацию, превращали его во второстепенное звено советской системы в Афганистане. Прежде всего этим можно объяснить раздраженность работников посольства и некоторым показным великодушием по отношению к последним со стороны партсоветников.

Для лучшего восприятия роли и взаимоотношений тех и других приведу примеры из деятельности отдельных лиц. Начну с Поляничко Виктора Петровича. Официально он числился на должности заместителя руководителя партийных советников. Парадокс в том, что как таковой руководитель официально не существовал. По устной информации можно было делать такой вывод стремясь устранить противоречия между партсоветниками и

¹ Странные совпадения; начал писать книгу в день кровавых событий в Тбилиси, а приступил к последней главе в день кровавых событий в Вильнюсе. И там и там действовала Витебская воздушно-десантная дивизия, что и в мою бытность в Афганистане.

² См.: В. Ибраэлян. Посол Советского Союза, номенклатура ЦК КПСС. Чрезвычайные и полномочные... непрофессионалы. «Аргументы и факты» № 6 февраль 1991.

дипработниками, Москва подчинила руководство первых руководству последних. С ликвидацией должности руководителя партсоветников его заместитель переводил в подчинение посла, поскольку посол был членом ЦК КПСС. Однако, устранив формальные противоречия, Москва сохранила противоречия существенные: заместитель руководителя партсоветников был советником президента Афганистана и по афганскому статусу был гораздо влиятельнее и уважаемее посла. Например, послу, чтобы встретиться с президентом, необходимо было просить об этом советника президента, ибо координатором встреч советских представителей с Наджибуллой был Поляничко.

Мое знакомство с Виктором Петровичем произошло случайно на улице перед нашим домом в первых числах сентября 1987 года, когда я выходил из квартиры на прогулку, а он приехал домой с работы. У него уже были некоторые сведения обо мне. После нескольких дежурных вопросов, помню он спросил:

— Вы писать можете?

— Смотря что: доносы не умею,— объяснил я.

— Доклады,— уточнил Поляничко.

— При острой необходимости свое видение вам изложу.

Поляничко одобрительно кивнул головой и добавил:

— С вашим предшественником у меня разговор не получился.

Видимо, потребительский спрос Виктора Петровича и мое предложение были положены в основу его отношения ко мне. Надо отдать должное многим, если не всем партийным работникам: они умело эксплуатируют мышление интеллигентов, привлекая их к подготовке различных материалов.

Нормой жизни партийных аппаратов стала передача мыслей одних в собственность другим. Анекдот с бородой высвечивает эту безнравственность острее: секретарь колхозного парткома обратился к местному священнику с просьбой дать ему на время партийного собрания недостающие стулья. На что тот ответил раздраженно:

— Не дам. За 70 лет советской власти не в состоянии приобрести двух десятков стульев.

Секретарь парткома отреагировал угрозой:

— Если не дашь стулья, впредь не дам читать закрытые письма ЦК. Священник достойно парировал:

— Не дашь закрытые письма, не стану писать тебе доклады.

Поляничко был в возрасте пятидесяти лет, почти мой ровесник. Однако выглядел он значительно старше из-за своего склонного к безразмерности живота, взлелеянной сидячей работой и обильной пищей. Рост Виктора Петровича – выше среднего. Его смуглое с расширенными порами кожи лицо, длинный мясистый нос, гладкие волосы, вклинивающиеся ниже обычного в середину лба, тяжелые губы и темные глаза очень приближали его к афганцам. Однако предательский живот, несмотря на то, что хозяин старательно прятал его то пиджаком свободного покроя, то курткой под десятника, среди поджарых афганцев делал его исключением.

Однажды во время отпуска из Москвы к нему приехала его жена Лидия Яковлевна. Крупная, под стать мужу, белокурая женщина, партийный работник. Она охотно прогуливалась в домашних тапках и ручной вязи высоких шерстяных афганских носках, вступая в разговоры с соседями по квартире.

В прошлом журналист, секретарь Ростовского и первый секретарь Оренбургского обкомов партии, отправившийся в Афганистан с должности заведующего сектором отдела агитации и пропаганды ЦК КПСС, кандидат философских наук Виктор Петрович, несомненно, интеллектуально превосходил знакомых мне наших партийных и дипломатических работников в Афганистане. У меня создалось впечатление, что он отличался повышенной работоспособностью, чрезмерной привязанностью к столу. Однако

политический, так сказать, компанейский характер его работы определял пульсирующий стиль его деятельности. В период подготовки документов к партконференциям, пленумам, Лойя джарги и другим форумам, он и его подчиненные рано уезжали, поздно возвращались домой, передвигались ускоренным, торопливым шагом, были раздраженными, все в себе, словно, не от мира сего. А когда дело «выгорало», то позволяли себе совместные ужины, чаще у Поляничко на квартире, реже на партийной даче, и никогда – в ресторанах. Предпочитали просмотры видеокассет, прогулки по территории жилгородка. Периодически в эти мероприятия вливались люди из других коллективов и незнакомые мне женщины.

Будучи продуктом монопольной однопартийной системы, Поляничко не терпел критиков. На одном из обедов в выходной день, устроенном Виктором Петровичем у себя для советника из системы МВД Афганистана (фамилию забыл) и подполковника госбезопасности Бирюкова по их просьбе, на котором присутствовали Лунин и я, Бирюков начал очень нелестно отзываться о партийных советниках Грицае и Панченко. Угрюмое лицо Поляничко помрачнело. Однако выпивший Бирюков этого не заметил и продолжал выплескивать негативные эмоции, не отдавая себе отчета в том, что это подчиненные Поляничко.

Тогда Виктор Петрович властно сказал:

– Вот на этом и остановитесь.

После обеда Лунин в разговоре со мной так прокомментировал ситуацию:

– Этим выступлением Бирюков подписал себе приговор.

Так это или нет, не берусь утверждать. Однако подполковник уехал из Афганистана на пару месяцев раньше основного контингента опекаемых им советских специалистов. Поговаривали также, что срочная загадочная командировка супругов Кузнецовых в Москву из коллектива советских специалистов Кабульского политехнического института с последующим закрытием визы, организованной Луниным, тоже была связана с мнением Поляничко.

Судя по блюдам, источники приобретения угощений у Поляничко были разные. Если преобладали консервированные продукты – икра (паюсная и красная), мясные и рыбоконсервы, масло, сыр и т.д., то не трудно было догадаться, что поступали они из советского магазина, который находился на территории нашего жилгородка и подчинялся Лунину. В этом убеждал тот факт, что продавец магазина, весьма миловидная женщина из Ростова-на-Дону незаметно, до прихода гостей накрывала па стол, говорила Лунину что все готово, а сама исчезала. Другой источник явств был афганским. Тут и свежая говядина, и птица, и баранина, в том числе и шашлыки, плов, лепешки и обилие овощей, зелени, фруктов, цитрусовых. Это, видимо, по линии ректора КПП Хелали, точнее, его родного брата, что возглавлял всю финансово-хозяйственную часть ЦК НДПА. Готовила жена Хелали, носили кастрюли из своей квартиры в квартиру Поляничко сам ректор и его старшая дочь. Выпивка была разная: коньяк, виски, водка, вина.хлопотал по линии угощения больше Хелали, чем сам хозяин. А когда гости выходили на вечернюю прогулку, Хелали спешил закрыть входную дверь от кошек и собак, которые пытались проникнуть в квартиру, чтобы полакомиться остатками. Поэтому, если афганцы думали, что пост заместителя министра, члена ЦК НДПА Хелали достался ему легко, то они ошибались.

Сам Поляничко пил мало, больше увлекался закуской, особенно зеленью – луком, петрушкой, овощами – помидорами, перцем. Судя по одышке, причиной его спиртной дозировки было не только положение, но и здоровье.

Иногда Виктор Петрович организовывал просмотры видеокассет новых фильмов. Впервые у него среди восьмидесяти приглашенных мне довелось посмотреть и фильм «Забятая мелодия для флейты». Как-то в красном уголке он организовал просмотр нового афганского кинофильма. Однако переводчик Лунина фактически лишил нас возможности воспринимать звуковое сопровождение. В восторге от приглашений более всего были жены

партийных советников. Благоклонность руководства – важный фактор в судьбе их мужей, а следовательно, всей семьи.

На прогулках чаще касались тем общей политики. Однако Хелали умело переводил разговор в русло кадровых ситуаций с целью кого-то опорочить, кого-то поддержать. Лишь однажды Поляничко «открылся». Он высказал мысль о связи больших государственных и партийных дел с женщинами. Его речь звучала приблизительно так: «Странное состояние овладевает человеком, когда он решит огромной важности проблему: из всех, кто желанный в этот миг, прежде всего красивая женщина».

Мышление у него было острее, чем у других собеседников. Однажды в цепи сексуальных анекдотов я рассказал о случае в морском пароходстве: члены экипажа одного судна подозрительно не хотели идти в отпуск. Пришлось внедрить в экипаж разведчика. После чего, всю команду вместе с капитаном сняли с судна. Все слушатели забросали меня вопросами: «Почему?». Однако им ответил Поляничко: «Мужеложество».

Наряду с общими встречами, организованными у Поляничко, были и, так сказать, тематические, с приглашением соответствующих лиц. 13 февраля 1988 года после встречи с Наджибуллой состоялась встреча с Поляничко. В дневнике имеется такая запись: «Вечером зашел И.Т. Грицай в спортивном костюме, в ондатровой шапке и сказал, что нас приглашает Виктор Петрович. Я рассказал все, как было. Он сообщил мне, что Наджибулла в своем кабинете упрекнул Сароби в том, что тот правдами и неправдами раздает посты хазарейцам, культивирует национализм. Потом мы с Ниной принесли ужин (дранники и т.д.). Беседа приняла разнотемный характер и мы разошлись уже после наступления комендантского часа». Аналогичная запись появилась спустя несколько дней: «...встретился 14 марта с В.П. Поляничко, долго гуляли перед нашим домом, затем продолжили беседу у него в квартире с участием Хелали. Пили виски (Хелали налил себе и мне, В. П. отказался) закусывали дранниками и варениками с вишнями, которые приготовила Нина...»

Поляничко лучше понимал сущность общественных наук, чем его советские подчиненные. Он несколько раз оказал мне поддержку в критические моменты, когда мои начинания были под угрозой. Обратимся за аргументами к дневнику. «7 апреля 1988 года. Беседовал с Грицаем в ЦК НДПА... Показал проект программы конференции. Он возражал против участия иностранных ученых, в том числе советских. Из дому я позвонил Поляничко и попросил его поддержать в этом вопросе, так как наука не знает границ. Вечером Грицай возвратил проект программы и уже не возражал против включения советских и иностранных ученых».

Фактически решительная позиция Виктора Петровича спасла сборник материалов Всеафганской научно-практической конференции «Политика национального примирения и молодежь Афганистана», похоронить который задалась секретарь парткома Г.И. Петров, куратор В.А. Ларионов и их «пятая колонна» в нашем коллективе. Одобрительно отнесся Поляничко к введению учебного курса в университете «Политика национального примирения: сущность, опыт, задачи», к открытию аспирантуры, к внедрению семинаров по общественным наукам. Он не скрывал своего глубокого возмущения тем, что карьеристское окружение посла убедило последнего в нецелесообразности командирования меня, а также группы желающих советских преподавателей вместе с афганскими преподавателями и студентами на восстановительные работы в Кандагар, он выступал за интенсификацию работы наших преподавателей.

Прогрессивность позиций и действий Поляничко были решающим фактором моих симпатий к нему. Он единственный из наших специалистов, в том числе и дипработников, кто знал все тайны и пружины ЦК НДПА, президента, понимал запросы руководства РА и советского правительства в афганской карте и более-менее грамотно действовал. Естественно, дипкорпус раздраженно воспринимал близость Поляничко к Наджибулле, ибо она превращала посольство в ряд второстепенных советских звеньев в Афганистане. Однако

те результаты, которые дала политика национального примирения всецело связаны с именем Поляничко.

Виктор Петрович был нравственнее дипработников и людей из Аппарата экономического советника. Он решительно противился присвоению звания почетного доктора Кабульского университета Ахрамовичу и искренне возмущался, когда эта акция состоялась.

Мои симпатии к Поляничко не заслоняли видения его просчетов. К ним бы отнести отношение Виктора Петровича к организациям выборов в парламент РА. Определяя выборы как важное звено политики национального примирения, он воспринял их как свое кровное дело. Часто ночью, в целях безопасности, он исчезал вместе с Наджибуллой на день-два и ночью же возвращались. Позже выяснялось, что они были в той или иной провинции.

Мое отношение к выборам было определено моим статусом и пониманием природы демократии. Об этом поведаёт дневник. «10 апреля 1988 года. Голосование в разгаре. Студенты общежития проголосовали. Однако обнаружились вопиющие нарушения самого понятия выборов. Ряд влиятельных лиц, которые баллотировались в различных округах, обращаются к Энояту помочь голосами, то есть посадить студентов в автобусы и отвезти на участок, где данное лицо баллотируется. Я посоветовал Энояту не реагировать на эти просьбы. Он согласился, но уверенности нет, что он так поступит...» (Это многоточие в дневнике – свидетельство того, что я не мог написать всю правду). Афганцы поговаривали, что к подобным приемам сбора голосов привлекались и армейские подразделения. Благо система располагала к нарушениям: по причине мусульманских обычаев – удостоверение личности с фотографией не требовалось, к заранее составленным спискам избирателей в день выборов можно было вносить новые имена.

А вкусные бесплатные лепешки прибывшим на выборы молодых людей были достаточной им платой за многократное голосование.

За свое отношение к выборам я был подвергнут критике в докладе Поляничко на собрании актива, состоявшемся в Мраморном зале посольства 18 апреля 1988 года. Обращаюсь к дневнику: «Доклад делал Поляничко «О задачах парторганизаций в свете решений Февральского Пленума ЦК КПСС...». Доклад слабый, все выступления, в том числе и нашей Апполоновой, которая была включена в список выступающих до собрания, редактировались одной рукой и звучали формально, словно, в издевку над решением Пленума...

Все больше одолевает сомнение в полезности моей работы, способности оценить ее верно».

Не совсем удачны были художественные приемы в речах Виктора Петровича, несмотря на то, что он в прошлом журналист, а в ЦК КПСС – второй человек по печати. Например, выступая перед советскими преподавателями об успехах политики национального примирения осенью 1987 года, он применил такой образ: когда начиналась политика национального примирения на деревьях были ее цветочки, а теперь, когда я шел на эту встречу, то под ноги уже падали листья. Невольно напрашивался вывод: все, что дала политика национального примирения – это опавшие листья, которые только и годятся для того, чтобы топтать. Вот так плоды!

Описывать другого партийного советника И. Т. Грицяя, видимо, нет нужды. Его основные черты можно определить собирательно из материалов других глав. Что же касается советника экономического отдела ЦК НДПА Панченко Анатолия Григорьевича, то о нем многое не скажешь. Во-первых, он не верил в то, что сам делал. Во-вторых, был в стадии восприятия происходящего, когда потерял смысл и остался один юмор. В-третьих, он благодарил судьбу, которая связала его с Афганистаном, где они со своей женой заработали немного денег и прибрахлились сами и одели своих детей.

Дипкорпус. Следует подчеркнуть, что в посольстве правит клан. Интересы страны там

идентичны интересам клана. Факты изложу далее. А сейчас – речь о первейшем дипработнике – министре иностранных дел Э.А. Шеварднадзе¹.

Построю ее так: сначала приведу две дневниковых записи о встрече в Эдуардом Амвросиевичем, а затем – небольшое резюме: «6 января 1988 года. Состоялось совещание в Мраморном зале посольства. Вел совещание П.П. Можжев. С почти двухчасовым докладом выступил член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел Э.А. Шеварднадзе. На этот раз я сидел в третьем ряду и смог хорошо рассмотреть его (первый раз я его видел в зале заседаний Большого Кремлевского дворца 01.10.86 г., когда все Политбюро принимало участие в совещании заведующих кафедрами общественных наук). Выглядел он уставшим, говорил медленно. Интересная у него прическа, глубокие залысины уходят до затылка, а посредине головы – гребень. Прическа напоминает конек, перевернутый лезвием вверх. Передняя часть этого конька упирается в большой лоб с четко обозначенными крупными шишками прекрасно развитых лобных костей.

Доклад состоял из трех частей: 1) об успехах и проблемах перестройки внутри страны; 2) о внешней политике СССР в целом; 3) об Афганистане. Моментами он отрывался от доклада и произвольно комментировал те или иные положения.

Об Афганистане подтвердил ранее сказанное М. С. Горбачевым, что если в феврале на Женевских переговорах будут достигнуты договоренности, то в течение года мы выведем свои войска.

Вопросов было мало. Посол поблагодарил его по заранее заготовленному тексту. Начал с того, что «дорогой Э.А, вы в течение своего непродолжительного визита...» Здесь его прерывает Шеварднадзе и вставляет: «В течение непродолжительного визита выступил с длинным докладом»

Вечером Шеварднадзе улетел в Москву. Наблюдали по телевидению. Провожал его предсовмина.

А вот другая запись: «5 апреля... Сообщили, что завтра в 9.00 встреча в Мраморном зале посольства с Шеварднадзе Э.А.». «6 апреля... Трижды переносили встречу на 10, на 10.30. Наконец, в 11.00 собрались. Это делалось с целью дезинформации душманов.

В президиуме, кроме Шеварднадзе, Мораховский (зампредсовмина СССР, Егорычев (посол, вел собрание), Федосов, Петров Г.И., генерал армии Варенников.

Я сидел близко, в третьем ряду, даже мог разглядеть карие глаза Шеварднадзе. Он выглядел гораздо свежее, чем в январе. Доклад его длился более часа. Содержание – смотри в рабочей тетради – красной. Я первым поставил два вопроса (см. приложение № 1)».

Привожу запись вопросов, так сказать, в первоизданном виде – листок с рабочего блокнота с вопросами вырван и приклеен к дневнику. «Дорогой Эдуард Амвросиевич! Нельзя ли спросить, как могло случиться, что-крупнейший в Афганистане вуз, выпускающий более половины национальных кадров, основной мировоззренческий центр – университет – оказался без нашей экономической помощи и являет теперь пример наших упущений? Что можно сделать в кратчайшие сроки, чтобы ликвидировать эти просчеты?».

Он обстоятельно ответил на них, мотивируя это тем, что ранее пренебрегали экономическими методами, а делали ставку на военное решение вопроса. Сказал, здесь сидит тов. Мораховский, он должен включить в план, который сейчас составляется, помощь университету.

За мной ставили вопросы Лещинский (телерепортер), Окулов (кор. «Правды»), рядом сидящие, и Петров А.Ф. Однако они однозначных ответов не получили, имели место даже поправки со стороны Шеварднадзе».

Здесь требуются пояснения. По соображениям конспирации я не все детали последней встречи описал, хотя в памяти они засели глубоко. В докладе Э.А. Шеварднадзе

¹ Опять странные совпадения: 15 января 1991 года, когда начал описывать встречи с Э.А. Шеварднадзе, по программе ЦК «Время» сообщили, что принята отставка министра. Однако она не отразится на моих намерениях дать ему прямую оценку

шла речь о многомиллиардной нашей экономической помощи Афганистану. Именно это утверждение спровоцировало мой вопрос и вопросы журналистов. М.Б. Лещинский и В.С. Окулов фактически поставили вопросы в одном направлении: они высказали догадки о преступных путях исчезновения нашей помощи, точнее, использовании ее не по назначению. Эдуард Амвросиевич ответил обвинением журналистов в необъективном освещении событий и жизни в Афганистане.

Отвечая мне, министр удивился, почему ранее компетентные лица не поднимали вопросы помощи университету. Это замечание было болезненно воспринято послом, который в момент вызова министра Москвой на несколько минут к аппарату связи, успел послать в мой адрес упрек, мол, следует лучше работать, тогда и вопросов будет меньше, а экономический советник А.Ф. Петров при выходе из зала с такой лютой ненавистью посмотрел на меня, что, казалось, видел меня уже мертвым.

Последствия моего вопроса Шеварднадзе пошли мимо цели. Более того, вопрос достиг обратной цели.

Уже на следующий день в разное время и при различных обстоятельствах заместитель секретаря парткома москвич Н.Г. Шевченко и В.А. Ларионов сказали одно и то же: мой вопрос был поставлен не по адресу. Систематически стали один за другим под различными предлогами выезжать члены нашего коллектива, не настроенные на добросовестный труд, в АЭС и посольство, не скрывая своей радости, что их туда вызывают.

Приглашать моих подчиненных без уведомления меня было не только не корректно, но и противоречило инструкции о безопасности. Наметившаяся после февральского партийного собрания стабилизация рабочей атмосферы в коллективе взрывалась сверху. По всему было видно, что дни мои в Афганистане сочтены. Дело за предлогом. Он должен был возникнуть неожиданно. И он возник 13 апреля, то есть неделю спустя после вопроса к Шеварднадзе, о чем речь шла в главе «Кто мы?».

Что же касается сущности вопроса и обещаний министра помочь университету, то, к горькому сожалению, на момент написания этих строк, то есть 16 января 1991 года по сведениям, полученным от преподавателя Кабульского университета, находящегося в научной командировке в Одессе, Шарафата ни на копейку наших средств Кабульский университет не получал.

Я далек от мысли, что министр не сдержал слово, но утвердился еще больше в мысли, что и у нас в стране «хвост управляет собакой». Более того, самому Шеварднадзе через два с половиной года пришлось испытать нечто аналогичное моим чувствам, появившимся после встречи с ним. Объявляя о своей отставке на четвертом Съезде народных депутатов СССР, Эдуард Амвросиевич, в частности, сказал «...Не нашлось ни единого человека, включая председательствующего, ответить и сказать, что это нечестно, так не делается в цивилизованных государствах. Я глубоко это переживаю. Дело дошло до личных оскорблений».

Боже мой! Как эти мысли и слова похожи на мои, которые произносил в адрес подчиненного Шеварднадзе послу Н.Г. Егорычеву.

Жаль, что Эдуард Амвросиевич слишком поздно увидел нецивилизованность в высших эшелонах власти и очень жаль, что он не заметил произвола в своем ведомстве. А, может быть, видел, да не мог изменить к лучшему.

Несколько слов о послых. О Павле Петровиче Можяеве речь шла в главах об аспирантуре и о Хабибе. Он производил впечатление интеллигентного человека, однако предрасположенного к болезненной полноте. Бывший партийный работник крупного ранга в Ленинграде, он естественно, явился продуктом системы. Однако при всеперемалывающих ее жерновах отдельные зерна сохраняются, если не полностью, то хотя бы частично. Редко, но бывает, что один работник одного и того же учреждения совестливее другого.

Можяев обладал чувством государственной ответственности и, видимо, ранее имел

влияние на работников посольства. Однако по мере таяния здоровья это влияние гасло, а произвол подчиненных возрастал. И достаточно было уехать ему с инфарктом в Москву, как сразу его позиция была перечеркнута. Так случилось с руководителями аспирантов, с Ахрамовичем и, наконец, со мной.

У меня с Павлом Петровичем было несколько встреч. На собрании актива советских коллективов мы с ним делали доклады по случаю начала учебного года в сети партийного просвещения. Правда, он с секретарем парткома сидели в президиуме, а меня, как основного докладчика, к себе не пригласили. Я довольствовался креслом среди слушателей в Мраморном зале. Это тоже штрих к портрету секретаря парткома Г.И. Петрова. Мол, Одесса – периферия. Ей достаточно и того, что доверили трибуну.

Слушал доклад Можаяева в зале Министерства иностранных дел Афганистана по случаю 70-летия Октябрьской революции. Был приглашен с женой на пресс-конференцию посла во Дворец советской науки и культуры в Кабуле. Павлу Петровичу при его ответах на трудные вопросы ассистировал работник посольства М. А. Конаровский, отлично знающий дари.

Во всех случаях Можаяев говорил по готовым текстам.

Среди других встреч в парткоме, посольстве, мне более всего, естественно, запомнился посол своей самостоятельной позицией по вопросу об аспирантуре, о чем шла речь в соответствующей главе. Очень сожалел, что он заболел. Будь он здоров, моя судьба афганская, видимо, была бы иной. Возможно, в связи с поддержкой Можаяевым некоторых моих начинаний у меня сложилось о нем лучшее мнение, чем, например, у Пластунова...

О преемнике Можаяева начну рассказ из дневниковой записи за 18 марта 1988 года: «На 16.00 срочно вызвали в посольство, где в Мраморном зале перед работниками посольства, торгпредства, партийными и контрактными советниками выступил только что прибывший чрезвычайный и полномочный посол СССР в Афганистане Егорычев Николай Григорьевич. Говорил он о себе слишком откровенно. Ему 68 лет. До войны учился в училище им. Баумана, затем воевал, освобождал Киев, будучи политруком роты, затем – курсы шифровальщиков, снова – студент училища им. Баумана, секретарь комитета комсомола, парткома, Бауманского райкома, второй и первый секретарь МГК. В 1968 году после выступления на Пленуме ЦК КПСС его назначили заместителем министра сельскохозяйственного машиностроения, затем послом в Данию, где он проработал 14 лет. В 1983 году – заместитель министра кормодобывающей промышленности. 5 марта назначен послом в Афганистане. Перед этим он имел беседы с М.С. Горбачевым, А.А. Громыко, Н.И. Рыжковым, Э.А. Шеварднадзе, Червоненко и др. Жена пока не может приехать к нему в связи с крупными семейными проблемами... Они удочерили внучку, которая учится на первом курсе МГУ».

Выше среднего роста, седой, худощавый, в очках, он произвел впечатление старика воспаленного сознания, у которого уже нет силы не только для генерирования идей, но даже на нервные тормоза, чтобы не натворить глупости. Заносчивый, в угаре московской имперской амбиции, Егорычев постоянно подчеркивал, что готов выполнить любой приказ партии. Для него нет более святого дела, чем служение партии¹. Не исключено, что слушая Егорычева, как и я, многие в зале задавались вопросом: о чем думали в Москве, направляя его послом в Афганистан. Ответ мог быть юмористический: в связи с выводом советских войск шансы на выживаемость посла значительно снизились, следовательно, направить надо того, кого не жаль.

По всей вероятности, так могли расценивать назначение послом Егорычева и афганцы. Несмотря на то, что он в интервью журналу «Огонек» пытался показать себя в

¹ Позже, читая в «Литературной газете» статью Ф. Бурлацкого о Брежневле, где речь шла о незаконном получении квартиры Н.Г. Егорычевым, я лишний раз убедился, что у него, действительно, закон и нравственность не самое святое.

лучших тонах² авторитет Николая Григорьевича в Афганистане был низким. Думаю, достаточно привести два таких примера. Если слушать доклад Можаева по случаю 70-летия Октябрьской революции пришли Наджибулла и все Политбюро ЦК НДПА, то на докладе Егорычева в связи с 69-й годовщиной подписания исторического договора между Афганистаном и Советской Россией афганская сторона была представлена министром энергетики. Торжественное собрание состоялось в июне 1988 года в Институте общественных наук ЦК НДПА. О том, что доклад был неудачным, видимо, понял и сам докладчик, ибо суетливое поведение в президиуме свидетельствовало о неловком самочувствии докладчика. Торжественное собрание спасли наши артисты Иосиф Кобзон и Эдита Пьеха. Они подняли настроение аудитории.

Второй пример не в пользу Егорычева такой: В Афганистане он пробыл полгода. Оттуда ушел на пенсию. Конечно, эти факты можно трактовать по-разному. Но каждый факт, кроме комментария, имеет сущность, что важнее домыслов.

Слушал выступление Егорычева на собрании актива, описанного выше, где доклад делал Поляничко. Если Виктор Петрович придавал докладу капитулянтский оттенок, то Николай Григорьевич выступил в мажорных тонах типа «Враг будет разбит! Победа будет за нами!»

Перехожу к описанию двух состоявшихся личных встреч с Егорычевым и одной не состоявшейся. Читатель помнит тот момент, когда я, уведомленный о снятии меня с занимаемой должности 23 апреля 1988 года, вышел из кабинета экономического советника и направился к главному зданию посольства. Шел медленно. Понимал, что момент чрезвычайный. Тратил много сил, чтобы погасить эмоции, сохранить последовательность мышления, и обеспечить внешнее спокойствие. Не дать недругам новой пищи для дискриминации.

«Эскадрон моих мыслей» сложился по сложной схеме. Было ясно: авторы письма – слепое орудие в руках лиц, находящихся в этих двух корпусах – посольства и Аппарата экономического советника. События развиваются по их сценарию. Однако в данный, кульминационный момент сценарием наверняка предусмотрено несколько развязок.

Развязка первая. Простейшая. Гончарук покорно подчиняется устному распоряжению и отправляется авиарейсом 25 апреля в Москву. За подготовкой компрометирующих материалов дело не станет. Сколько таких бумаг было написано людьми аппарата... Кто сосчитает? И на этом можно было бы поставить точку.

Развязка вторая, сложная. Гончарук заявляет протест и требует проверки фактов, изложенных в письме. О проверке письма не может быть и речи. Всем известно, что в нем одна липа. А проверить формально, значит, плодить еще один «необъективный» документ, который может быть, как письмо, использован против его организаторов. Кто знает, как могут развернуться события. Поэтому в ответ на требования Гончарука изучить письмо, можно предложить компромисс: он остается в университете преподавателем до окончания учебного года, затем уедет в Союз и больше сюда не вернется. Визу закроем.

Развязка третья, более сложная. Гончарук пошел на компромисс в отношении своего статуса, но борьбу не прекратил. Тогда наполняем его досье новым компроматом, да так старательно, чтобы он всю жизнь не отмылся. Пусть знает, профессор, кому принадлежит его жизнь, его судьба.

Мне об этих вариантах, разумеется, известно не было. Возможно, что они существовали в иной редакции. Однако ход событий подтверждал предположение о многоплановости действий посольства и АЭС.

Когда я шел к послу, то думал о другом. Во-первых, знал, что это последняя с ним встреча. Рассчитывать на дополнительные возможности беседовать с ним не приходилось.

² См.: журнал «Огонек», 1989, № 6, с. 6–7, 28–30.

От него необходимо было идти упаковывать чемоданы. Для этого мне дан всего один день. Следовательно, надо было в сжатой форме дать оценку решению посла, сохранить честь и достоинство, не уронить своей хохлацкой гордости перед москвичом.

При входе в здание посла дежурный пропустил меня без каких-либо вопросов. Видимо, на то получил команду. В приемной посла меня уже ждали, ибо предупредили, что хозяин может уделить мне всего несколько минут.

Когда я открыл кабинет, Егорычев стоял сзади своего кресла, придвинутого к столу, ухватившись руками за его спинку. Уже этой позой дал мне понять, что рассусоливать со мной он не намерен. Еле слышно ответил на приветствие. Подал руку и предложил сесть. Предупредил: «В вашем распоряжении несколько минут. Я жду высокопоставленную делегацию». От приглашения сесть я отказался и ответил:

– Мне достаточно и одной минуты, чтобы заявить протест по поводу вашего необдуманного решения. Кто, где, в какой нормальной стране выносит приговор без хотя бы формального следствия. Даже босоногий мулла в самом глухом кишлаке не станет решать судьбу мусульманина, не выяснив степень его вины. Вы же, не взяв у меня объяснений, не побеседовав со мной, не изучив факты, в тайне от коллектива, партийного бюро, парторганизации учинили позорную резолюцию на клеветническом письме, этим самым удочерили клевету и сами примкнули к клеветникам. При малейшем желании разобраться в сути вопроса любой мыслящий человек понял бы, кто стоит за авторами письма. Настоящие идеологи письма – здесь, на территории посольства, А вам как послу, следовало знать, кто вас окружает.

Что же касается вас лично, Николай Григорьевич, то я не могу вашу поспешность, вашу легкость в определении моей судьбы рассматривать вне связи с вопросом, который я поставил Эдуарду Амвросиевичу 6 апреля. В Москве я буду добиваться приема у него.

С этими словами я направился к выходу. Егорычев задержал меня движением руки. Отпустил спинку кресла. Суетливо подошел к окну. Почему-то поправил занавеску и сказал:

— У вас сильный характер, если вы так разговариваете с послом. Понимаете, на письме я указал, что учел мнение парткома и Минвуза.

— Разве мнение важнее фактов? – перебил я его.

— Мы вам предлагаем оставаться в университете формально в прежней должности на той же зарплате, аттестат вам никто не меняет. Подумайте и скажите нам.

— Прошу вас не о зарплате, а об изучении достоверности фактов, изложенных в письме.

— Мне некогда разбираться. Я занимаюсь эвакуацией людей.

— На эвакуацию отведен почти год, но это не дает права совершать необдуманные поступки. Если в письме было 'бы написано, что я убил человека, неужели вы без разбирательства поставили бы резолюцию «К высшей мере наказания?»

Было очевидно: Егорычев не намерен отступить от своей позиции. Однако, уходя от него, я стал утверждаться в мысли, что экономический советник превысил власть, нарушил договоренности с послом. Петров требовал немедленной отправки в Союз. Егорычев говорил о том, что мне представляется возможность остаться в университете. Что это: второй вариант развязки или свидетельство более жестокой мести экономического советника, чем месть посла? Возможно, или то, или другое, также – как и то, и другое вместе взятые.

На первом этаже дежурный сказал, что меня просит к себе секретарь парткома. Еще одно доказательство развертывания событий по сценарию.

Я зашел. Он стоял за столом точно также, как и посол, словно был готов при первой угрозе для его жизни выпрыгнуть в открытое окно. Боже мой, сколько ликования, злорадства было в его узких глазах.

- Что же вы решили, профессор? – спросил Г.И. Петров.

— Здесь уместнее вопрос, что же вы натворили, секретарь парткома? Торжествуйте, таких как вы, больше.

— Возможно, вам нужна моя помощь?

Было ясно, что он пригласил меня для удовлетворения своих человеконенавистнических запросов. Идя к машине, я подумал, что она последний раз в моем распоряжении. Ее следует использовать максимально в интересах своего дела. Что главное? Сколько времени в моем распоряжении? День-два или десять? Если бы десять! Присутствовал бы при реализации своей идеи, т. е. при проведении конференции «Политика национального примирения и молодежь Афганистана». А если бы месяц был в моем распоряжении, то я смог организовать издание материалов конференции. И этим завершить свою афганскую оккупационную миссию.

Петровы, Ожегов, Чубарев и прочие из окружения посла попытаются взять реванш, добиться отказа его от собственного решения дать мне право выбора. Как долго продержится посол? Час-два, день-два? Или отступление посла – один из вариантов сценария? Кто может помочь завершить начатое дело? Грицай? Нет. Он не возразит вышестоящим, не пойдет против посла. К тому же он сам упаковывает чемоданы. 9 мая уезжает в Союз. Поляничко? Пожалуй, он. Единственный, кому близка судьба политики национального примирения. К нему. Скорее. Как сказать афганскому водителю без переводчика, что мне нужно к Поляничко? «В ЦК НДПА» – говорю ему. Он непонимающе, недоумевающе смотрит в ответ. «К Масуду», – говорю. Реакция та же. Сколько Масудов в Афганистане? Миллион. Поглядываю назад. На проходной мирно беседуют работники КГБ. Они могут в любой момент, получив команду, вернуть меня в посольство и отправить домой на своей машине. Видимо, сценарием это не предусмотрено. Оплошность. Слабаки. В таком состоянии, как я, человек может сотворить глупость. Например, шагнуть к моджахедам. Но для меня конференция оказалась важнее всего. Черт, как сказать Гафуру, что мне нужно к Поляничко?

В молодости мышление было острее и энергичнее. Наконец-то сообразил.

– Гафур, – громко сказал я, – к Наджибулле. Аст?

– Аст, – ответил, улыбаясь, обрадованный водитель, – и резко отпустил застоявшуюся на повышенных оборотах «Волгу».

Поляничко меня принял сразу. Далее по дневнику: «...Он сделал вид, что ничего не знал. Попытался нарисовать схему принятия решения послом. Он сообщил неприятную деталь: месяц-полтора назад пришел какой-то телекс из Минвуза СССР с требованием к АЭС самостоятельно решать о моей работе, Поляничко пригласил Грицай: «Что будем делать?»

Рассуждая вслух, он сказал, что мог бы попросить посла отменить свою резолюцию. Однако эта публика не уймется, а будет продолжать писать. Лучший выход – перейти в ИОН. Однако для этого необходимо согласие ЦК КПСС, на что понадобится несколько дней. По совпадению предложения секретаря парткома и Поляничко я понял, что Виктору Петровичу известна моя ситуация. Он, несомненно, переигрывает.

Однако мне в тот момент были важнее не многоликие связи клеветников и власть придержащих, а возможности довести до конца конференцию. Шанс такой мной был отвоёван у судьбы.

Если читателю будет угодно, то могу привести дневниковую запись событий остатка того злополучного дня: «Возвратившись домой, мы с Ниной после формального обеда пытались гулять, чтобы скоротать время до 16 часов. Пил таблетки, готовился к тому, чтобы не выйти из себя... Собрание вели Гуцин, Ларионов и Шевченко. Протокол писать они сами попросили Смирнову Т.В.

Гуцин планировал, как он мне говорил, только зачитать решение посла и приступить к выборам. Однако в его адрес посыпались вопросы и требование прочитать письмо. Сколько человек подписалось? Оказалось 15. Кто подписался? Он зачитал. Шарце первым,

Соляник последним. Письмо вызвало бурю возмущения среди оставшихся, неподписавших членов коллектива. Пошли выступления в мою защиту и разоблачения авторов письма. Мячина, Апполонова, Игошин, Рожкова, Крылова... Президиум стал закрывать людям рты. Выскочили из другой стороны (авторов письма) Ветроумов и Терентьев. Однако их выступления были мелочны.

Я попросил разрешения проститься с коллективом... и здесь можно вставить текст моего выступления, который был очень искажен в протоколе, который вела Смирнова: «Говорить мне трудно. Не ждал такой выходки от авторов письма. Письмо клеветническое, направленное на очернение моей работы и контракта. Для восстановления истины достаточно добросовестному человеку одного-двух дней. Я был у посла, просил изучить достоверность фактов. Однако он сказал, что ему некогда разбираться. А если бы это большинство написало, что я убил человека? И тоже разбирательства не было бы?»

Мне достался сложный контракт, что твой четвертый реактор. Антагонизмы прошлых лет проявились с первых дней моей работы. Были использованы все методы: демократизм, гласность, диалог с коллективом и другие. Однако в ответ мне ставились ультиматумы. Допустил две ошибки: добивался, чтобы В.Ф. Соляник стал секретарем партбюро, который втайне с беспартийными подписал клеветническое письмо на меня, ни разу не поставил вопрос о стиле моей работы, и, не зная А.П. Ващенко, добивался, чтобы его перевели к нам из КПИ. Он с первого дня обострил отношения на кафедре русского языка, свалил на меня ответственность, а по истечении месяца подписал на меня кляузу.

Да, товарищ Соляник, легче сплачивать группу, чем оказывать мне помощь в открытии аспирантуры, для вас легче подписать письмо и ввести в заблуждение посла, чем помочь мне подготовить две всеафганские научные конференции, или, скажем, добиться введения семинарских занятий по общественным наукам, чтения диалектического материализма, восстановить чтение курса «Основы социально-политических учений».

Хотя решение принято на основании фальсифицированных фактов, я вынужден подчиниться решению посла.

Однако прошу добросовестных людей подумать над решением следующих проблем: исполняющий обязанности ректора Энют не утвержден, ему необходимо помочь; завершить подготовку двух конференций и издать их материалы; подготовить лекции по введенному нами спецкурсу «Политика национального примирения: сущность, опыт, задачи». Нет машинистки, нет переводчика.

Несколько слов о так называемых фактах, изложенных в письме. Письмо это – обман посла. Авторы должны нести за это ответственность. Они учли напряженность момента. Советническую деятельность я не упразднял. Нельзя упразднить то, чего нет. По аттестату вы все преподаватели, вот и работайте ими, не ищите лазеек для безделья. Афганская сторона правильно ставит вопрос о том, что по протоколу есть один советник. У нас же все готовы быть советниками и мало кто хочет работать преподавателем. Посмотрите на учебную нагрузку – она в несколько раз меньше, чем в Союзе, или у афганских преподавателей.

Влияние обществоведов не уменьшил, а усилил. В.А. Ассеев, который подписал письмо, за три года своей так называемой советнической деятельности на кафедре философии не сделал и десятой части того, что пришлось сделать мне за 8 месяцев. Твердохлеб В.А. не обществовед. У него нагрузка была 4 часа в неделю.

Руки прочь от конференций! Не вы ли, авторы письма, умоляли меня принять ваши выступления к публикации. Где же ваша совесть? Конференция получила высокую оценку афганцев. Отношение авторов письма к моей работе – это порождение застоя, уравниловки. Это большинство в 53 процента – группа людей, желающих спокойно жить и меньше работать. Все мои инициативы были для них как кость в горле. Правда, есть среди них и обманутые Смирновой, Архиповой, Ветроумовым, Твердохлебами. Обвинение в грубости,

шантаже и других пороках отвергаю. Какой же я тщеславный, если еще в ноябре писал заявление с просьбой освободить меня от руководства контрактом? Уверен, что подобное письмо отвезла Архипова Т.А. в Минвуз СССР. Это звенья одного клеветнического сговора. Все мои дела встречались ими в штыки, хотя плодами пользовались первые.

Обвинения в административно-командном методе руководства – ложь. По всем основным вопросам советовался с коллективом, партбюро, профкомом, женсоветом.

В заключение скажу: сделал все, что мог, мои дела никому не опровергнуть. Афганцы ими довольны. А я приехал работать на афгано-советскую дружбу, а не пресмыкаться перед лидерами групп и коллектив настраивал на это, но не все, к сожалению, за этим сюда приехали».

«...Гущин, видимо, попытался успокоить людей, сказал, что вы коммунист, Григорий Иванович, и поэтому должны завершить начатое до конца (Словно, он и не требовал утром от меня собирать чемоданы). Он сказал, что у меня есть выбор: работать в университете или перейти в ИОН. Однако дело должно быть доведено до конца. Избрали Мамадназарбекова М.Н. исполняющим обязанности руководителя коллектива. Он голосовал за себя.

Не простившись с руководством, мы с Ниной пошли гулять в садик. Смирясь с положением, пытаюсь найти в происшедшем положительное, успокаивая себя беззаботностью нового положения, меньшим объемом работы и нервозности. На ночь принял димедрол и валерьянку».

Еще несколько строк из дневника между 23 и 25 апреля: «Трудно передать мою трагедию. Состояние неопишимо гнетущее. Стыдно смотреть людям в глаза. Молва пошла фантастически превратная. Нина часто не может сдержать слезы».

Однако дальнейшие события развивались уже не по сценарию парткома и АЭС. Во-первых, афганцы в лице прежде всего ректора и секретаря парткома, председателя профкома, коллектива экономического факультета откровенно игнорировали Мамадназарбекова. И наоборот. Эноят, проректор по госбезопасности, секретарь парткома, отдельные ученые, поэт Акбар не оставляли меня без внимания ни одного дня: то тащат к себе в кабинет на чай, то позвонят вечером домой, то навелят в выходной или после работы. Афганцы тонкие психологи. Они понимали мою неловкость и пытались разными способами развеять мою грусть. 26 апреля вечером к нам на квартиру приехала семья Эноята. Красивая, здоровая жена Малалай, две девочки и мальчик Масуд лет четырех-пяти. Нина на радостях приготовила хороший ужин.

Не предвидели авторы сценария последствий своих решений для нашего коллектива. Признаться, я тоже не мог предположить, что среди наших товарищей найдутся столь мужественные люди, не побоявшиеся бросить вызов партийно-административной бюрократии за рубежом, став на мою защиту.

Уже 25 апреля под предлогом посещения объединенного профкома доцент Н.И. Игошин отвез письмо десяти авторов послу. В нем ставились под сомнения правильность позиции посла, призыв вернуться к вопросу о снятии советника и во всем, как следует разобраться. Вот это письмо.

Уважаемый товарищ посол!

23 апреля 1988 г. состоялось собрание советских специалистов, работающих в Кабульском университете. На нем зам. экономического советника тов. Гущин О. С. зачитал письмо, подписанное 15 специалистами, в котором содержались претензии в адрес советника ректора КУ профессора Гончарука Г.И. с Вашей резолюцией об освобождении его от должности.

Из всех общих слов, описывающих сложности политической ситуации в Афганистане и трудности характера Гончарука Г.И., был приведен только один конкретный факт, имеющий отношение к конфликту на кафедре русского языка и выражающийся в угрозе Гончарука Г.И. выслать конфликтующие стороны. Факт, который мы не одобряли и не

одобряем.

В связи с этим считаем долгом довести до Вашего сведения, что Вас ввели в заблуждение односторонней информацией. Нарушен принцип гласности в условиях перестройки: письмо готовилось в тайне от остальных членов коллектива, большинства членов партбюро и профкома. Готовилось после собрания, проведенного представителями АЭС и Минвуза гг. Гушиным О.С. и Ларионовым В.А. с членами кафедры русского языка 13 апреля 1988 г. На собрании т. Гончарук Г.И. принес извинения за свой поступок. Тов. Гушин О.С. призвал коллектив кафедры в оставшиеся два месяца прекратить распри, для пользы дела сосредоточить усилия на учебной и партнерской работе. Казалось, конфликт был исчерпан, и коллектив спокойно мог заниматься работой, так как возражений по этому поводу со стороны ни одного члена кафедры не последовало.

Именно поэтому большой неожиданностью для нас явилось письмо, написанное на Ваше имя через 4 дня после собрания.

В письме тенденциозно, а в некоторых случаях совершенно искаженно излагаются факты. Например, говорится о «разгоне» обществоведов. В действительности же, все преподаватели общественных наук работают на своих местах. Тов. Твердохлеб В.А., который перешел на работу в КПИ, не является обществоведом. Он вел курс конкретной экономики, по которому на факультете уже имелись афганские специалисты и специалисты из ГДР. Прежний советник тов. Москвин А.С. передал часть учебной нагрузки афганских и немецких специалистов т. Твердохлебу В.А., вызвав тем самым их недовольство и создав конфликтную ситуацию на экономическом факультете. На совещании в Москве с отъезжающими в Афганистан специалистами куратор Минвуза СССР предложил уладить конфликт с коллегами из ГДР, возвратив им учебную нагрузку по конкретной экономике, как это предусматривалось соглашением между Минвузами СССР и ГДР.

На этом же совещании куратор Минвуза предупредил Твердохлеба В.А., его жену, а также Ветроумова В.А. (одного из авторов письма) о том, чтобы они впредь не создавали нездоровую обстановку в коллективе.

Что касается профессора Асеева В.А., то к качеству «го лекций имеются серьезные претензии со стороны афганских студентов и переводчика т. Асада, выпускника философского факультета МГУ, который неоднократно заявлял об этом на кафедре. Вероятно, этим и объясняется тот факт, что профессор Асеев В.А. имеет нагрузку всего 4 часа в неделю.

Вопреки утверждениям авторов письма, советник Гончарук Г.И. многое сделал для перестройки преподавания общественных наук в КУ: по его инициативе восстановлен курс «Основы социально-политических учений», введены семинарские занятия по общественным дисциплинам, подготовлен к изданию курс «Политика национального примирения: сущность, опыт, задачи», внесено предложение о преподавании диалектического материализма. Опять же по инициативе Гончарука Г.И. в КУ открыта аспирантура.

Стремясь оговорить Гончарука Г.И., авторы письма намеренно принизили значение Всеафганской научно-теоритической конференции «Великий Октябрь и молодежь Афганистана», посвященной 70-летию Октябрьской революции, в которой приняли участие 292 человека. Член Политбюро, секретарь ЦК НДПА Хайдар Масуд оценил эту конференцию по ее масштабам, содержанию и числу участников как не имеющую себе равных в истории Афганистана.

Успех этой конференции во много предопределил возможность проведения новой Всеафганской конференции, посвященной 10-летию Саурской революции и политике национального примирения. Уже около 200 человек прислали тезисы своих докладов на конференцию. О ее значении говорит и тот факт, что на открытии изъявил желание присутствовать президент РА тов. Наджибулла.

В сложившейся ситуации считаем не просто нецелесообразным, а политически

неверным смену советника. У профессора Гончарука Г.И. налажены хорошие деловые контакты с ректоратом и парткомом университета, он пользуется доверием и авторитетом у афганских товарищей. И им будет трудно понять, почему сменили советника, тем более что до учебного года осталось всего два месяца. Мы убеждены, что личные обиды, амбиции авторов письма заслонили интересы дела. Смена советника не решит проблем коллектива. Более того, после собрания, состоявшегося 23 апреля, коллектив окончательно расколот. И способствовал этому в значительной мере секретарь партбюро т. Соляник В.Ф., для которого личная неприязнь к Гончаруку Г.И. оказалась выше интересов дела. Он не только не поставил в известность партбюро о готовящемся письме, но и явился одним из его авторов.

Предложенный и избранный на должность советника авторами письма от 17 апреля кандидат эк. наук т. Мамадназарбеков М.П., на наш взгляд, не сможет в сложившейся ситуации выполнить обязанности советника. Он обладает вспыльчивым характером, о чем свидетельствуют его оскорбительные выпады в адрес коллег в течение года. Особенно показателен в этом отношении инцидент с председателем профкома т. Габитовым Т.Х. В присутствии афганских преподавателей кафедры философии М.Н. Мамадназарбеков необоснованно оскорбил Т.Х. Габитова, вся вина которого заключалась лишь в том, что он на Ученом Совете советских специалистов высказал критические замечания в адрес учебного пособия, подготовленного в прошлом году преподавателем из Таджикистана. В связи с этим партийным бюро была создана комиссия для разбора дела.

При подведении итогов соцсоревнования тов. Мамадназарбеков М.Н. совместно с бывшим профоргом группы преподавателей экономического факультета Твердохлебом В.А. допустил приписки, что послужило предметом специального разбора на расширенном заседании производственной комиссии с приглашением руководства контракта (протокол № 3 от 7.01.88г.)

За два года работы в КУ т. Мамадназарбеков М.Н. не подготовил ни одного учебно-методического пособия для афганцев. На его счету лишь тезисы докладов и программы курсов.

Будучи заместителем председателя Ученого Совета советских специалистов, он полностью уклонился от своих обязанностей.

Уважаемый товарищ посол! На собрании 23 апреля с. г. 1МЫ просили не торопиться с решением столь серьезного вопроса, как переизбрание советника на основании письма лишь части коллектива, но к нашему мнению не прислушались. Мы, к сожалению, в меньшенст-ве, но, как показывает опыт перестройки, арифметическое большинство не всегда бывает право. Поэтому нынешнее наше письмо – вынужденная мера. Просим Вас объективно оценить сложившуюся ситуацию и учесть, что ни в интересах дела, ни в интересах нашего авторитета в глазах афганцев смена советника ректора в конце учебного года не целесообразна. Нам предстоит завершить все наши начинания за оставшиеся два месяца. Любой новый руководитель не сможет за это время даже войти в курс дела. С глубоким уважением

Аполлонова Л. П., зам. секретаря партбюро, кандидат ист. наук, доцент;

Мячина Л. Я., член профкома, кандидат биол.-х. наук, доцент;

Игошин Н. И., (председатель производственной комиссии Профкома, к. т. н., доцент;

Рожкова О. И., председатель женсовета, специалист, чл. КПСС с 1957 г.;

Слепоморий Р. А., партгрупорг, канд. економ. наук., доцент;

Бычкова Г. Ю., член партбюро;

Крылова С. И., преподаватель кафедры русского языка;

Махкамов Н., преподаватель, канд. филол. наук;

Габитов Т. Х., председатель профкома, член КПСС, преподаватель кафедры философии;

Моренко А. И., член профкома, к.т.н.

Уважаемый читатель, просмотри еще раз письмо. Нельзя не видеть, что больше всего оно направлено против посла. Он обвиняется в необъективности, в подрыве деловой работы контракта, в расколе коллектива, в том, что посол пошел на поводу у клеветников, провоцирует осложнения отношений наших преподавателей с афганцами, в политической ошибке и другое. Эти обвинения относились и к парткому, и к Аппарату экономического советника, мнения которых, как написал посол на письме 15-ти, он учитывал. Вот так пассаж! И кто они, эти писатели? Периферийные плебеи, инородцы! Как осмелились они подозревать в недостатках ставленников Москвы? Разве элита имеет недостатки! Партия – авангард трудящихся всего мира! Петров А.Ф. свободно, без стука входит в кабинет заведующего международным отделом ЦК КПСС на Старой площади! Егорычев Н.Г. беседовал с Горбачевым! А сколько связей, не подлежащих огласке! Никому в голову не приходило подозревать их в недостатках! А здесь нашлись коммунисты, которые связались с беспартийными подонками и сварганили неслыханную дерзость в форме письма. Да что это за коммунисты? Достойны ли они носить партбилет? Они заодно с беспартийными, пошли на поводу у аполитичных элементов, возможно, антисоветских! Куда смотрит отдел КГБ! Почему в поликлинике посольства нет врачей-психиатров? Будь авторы письма нормальными людьми, они такое не писали бы в адрес непогрешимых руководителей! Всех сразу нельзя! Очень заметно! Надо добить Гончарука! Это его происки! А затем перещелкаем каждого! Они еще не знают, на что способна руководящая и направляющая.

Разумеется, я не слышал этих слов ни в парткоме, ни в АЭСе. Но последующие действия убеждают меня в возможности такой реакции на письмо 10-ти.

Однако авторы письма не исчерпали свое мужество и принципиальность обращением к послу. Особенно самоотверженно и продуманно вели себя Аполлонова и Бычкова. Первая, как заместитель секретаря, а вторая, как член партбюро 27 апреля отнесли бумагу в партком. В тот же день сообщили о том, что в 17 часов состоится заседание бюро. Жилгородок в обед не отдыхал.

Преподаватели университета и КПИ тревожно бегали друг к другу на квартиры, беседовали на улице. Еще бы! Бюро собирает не секретарь и даже не заместитель по оргработе, а заместитель по идеологической работе! Ситуация неординарная! Значит и вопрос будет рассматриваться нештатный!

Особенно встревожился Шарце. Он сначала вместе с Соляником объявили, что заседание не состоится. Оно-де не законно, если секретарь против. Аполлонова подтвердила правильность своего объявления. Тогда Шарце побежал на квартиру к Лунину. Долго не выходил. Судя по реакции моего телефона, который был на одной линии с телефоном Лунина, они кому-то много звонили. Кому – догадаться не трудно. Главному сценаристу – секретарю парткома. Сценарий ломался – значит автор бездарный. Возможны непредвиденные жертвы. Но отменить заседание бюро сложно! Собственно, секретарю парткома не под силу. Ужас! Что же будет? В тот ясный, ветренный афганский день этим вопросом задавались многие в жилгородке и за его пределами.

Заседание бюро открыла Людмила Павловна. Она внешне успешно боролась с внутренним волнением. Откуда брались силы в этой невысокого роста, еще сохранившей прелести былой красоты женщине. Почти весь учебный год она мне казалась либерально-компромиссной, готовой, скорее, к уступчивости, чем к борьбе. И вдруг раскрытие иного мира. Готовность встать не только против скандального большинства, но и мелочно-мстительного парткома и АЭС. Ведь последствия такого противостояния предсказать почти невозможно. Неужели мой пример ее ничему не научил?

Видимо, слабо я знал наших людей, коль не подозревал, что в их душах еще сохранились чувства порядочности, готовности на самопожертвование во имя справедливости. Совесть у них оказалась выше благополучия. Только такие люди способны по-настоящему быть счастливыми.

Аполлонова негромко, но твердо проинформировала членов бюро, что 10 человек написали послу о том, что «большинство» ввело его в заблуждение. А она и Бычкова написали докладную записку, в которой показали, что секретарь партбюро В.Ф. Соляник поступил беспринципно, подписав письмо, а до того ни разу не ставил вопрос на бюро о стиле руководства Гончарука. Позже мне удалось заполучить копию докладной, которую привожу полностью.

Секретарю Объединенного партийного комитета советских учреждений в РА т. Петрову Г.И.

Уважаемый Геннадий Иванович!

К Вам обращаются члены партийного бюро контракта советских специалистов Кабульского университета тт. Аполлонова Л.П. и Бычкова Г.Ю. в связи с чрезвычайной обстановкой, сложившейся в коллективе. Вызвана она неправильными действиями секретаря партбюро т. Соляника В.Ф.

17 апреля с. г. на имя посла в РА т. Егорычева Н.Г. было направлено письмо, подписанное 15 специалистами КУ с требованием освободить от занимаемой должности советника т. Гончарука Г.И.

В письме наряду с общими претензиями к стилю руководства и сложностям характера т. Гончарука приводился лишь один конкретный факт, связанный с его угрозой выслать конфликтующие стороны. Этот факт мы не одобряем.

По этому поводу 13 апреля с. г. состоялось собрание кафедры русского языка в присутствии зам. экономического советника т. Гущина О.С. и представителя Минвуза СССР т. Ларионова В.А., на котором Гончарук Г.И. принес извинения, и конфликт был признан исчерпанным. Казалось, все согласилось с предложением т. Гущина О.С. прекратить распри и заняться работой, тем более что до конца учебного года осталось два месяца. Никто из членов кафедры не возражал против такого предложения. Тем неожиданнее для нас было известие о том, что через четыре дня после урегулирования конфликта появилось письмо на имя Посла, которое готовилось в тайне от других членов коллектива. Но самое удивительное, что среди подписавших был секретарь партбюро т. Соляник В.Ф.

Считаем, что как член коллектива он мог подписать это письмо, но как секретарь партбюро обязан был поставить в известность всех членов партбюро. Однако об этом письме 3 из 5 членов партбюро не знали.

Полагаем, что в той ситуации, когда конфликт был практически исчерпан и можно было бы прекратить раздоры, т. Соляник В.Ф. искусственно подогрел страсти в силу личной неприязни к Гончаруку Г.И. Без его санкции конфликт в коллективе не разгорелся бы снова. В данном случае интересы дела для секретаря партбюро т. Соляника В.Ф. отступили на последний план. В результате коллектив оказался расколотым.

Считаем поведение т. Соляника В.Ф. непартийным. В такой ситуации он, на наш взгляд, не имеет морального права возглавлять партийную организацию.

Начиная с октября месяца т. Соляник В.Ф. занимал выжидательную позицию, не предпринимал серьезных мер для нормализации отношений в коллективе, полагая, что ответственность за морально-психологический климат лежит только на советнике.

После собрания кафедры русского языка, состоявшегося 13 апреля с. г. зам. секретаря партбюро т. Аполлонова Л.П. потребовала от Гончарука Г.И. и Соляника В.Ф. не предпринимать больше никаких действий по отношению к коллективу без ведома партбюро, все решать коллегиально. Но секретарь партбюро пренебрег этим уставным требованием, обязательным для каждого коммуниста.

В связи со сложностью ситуации, сложившейся в коллективе и той негативной ролью, которую сыграл в ней, а также в расколе партбюро т. Соляник В.Ф., вынуждены обратиться к Вам с просьбой рассмотреть поведение коммуниста Соляника В.Ф. и дать партийную оценку его действиям.

27 апреля 1988 г.

Зам. секретаря партбюро
по идеологии *Аполлонова*.
Член партбюро, ответственная за
информационно-пропагандистскую работу *Бычкова Г.Ю.*

Партийное бюро постановило: за нарушение партийной этики, за беспринципность освободить Соляника В.Ф. от обязанностей секретаря.

Вел себя Соляник отвратительно, метался по комнате, словно тигр в клетке. А когда услышал о предложении Аполлоновой освободить его от обязанностей секретаря, выбежал на улицу.

По-разному встретили решение бюро в коллективе. «Большинство» не скрывало своего возмущения. Многие из сотрудников КПИ в тайне от Лунина выражали поддержку, в глазах отдельных осторожных лиц можно было прочесть одобрение решения бюро.

Однако не смирились партком и АЭС. Они спешно разработали новый, аварийный сценарий, и уже на следующий день приступили к его постановке. 28 апреля меня вызвал экономический советник Петров А.Ф., до свидания с ним мне надлежало зайти к секретарю парткома Петрову Г.И.

В его кабинете меня уже ждали новый начальник отдела КГБ и заместитель секретаря парткома Шевченко Н.Г. Устроили мне психологическую пытку. Петров начал с того, что я легко отделался, вышел сухим из воды, чуть ли не пошел на повышение. Затем в течение часа-полтора откровенно, цинично шантажировал по такой схеме: ты, Гончарук, преступный элемент, у нас есть веские доказательства для того, чтобы искалечить тебе и твоей семье всю жизнь, однако мы готовы простить тебе это, если ты наведешь порядок в коллективе. Как это сделать, знаешь сам. Тебе это ничего не стоит. Мы даем тебе на разрешение конфликта в коллективе сутки. Послезавтра будет поздно, тебе, профессор, придется отвечать по большому счету.

Я тщетно пытался доказать ему, что меня лишали возможности управлять коллективом. Партком мог бы мне помочь укрепить здоровую атмосферу еще неделю назад. Однако партком занял деструктивную позицию. Если хозяин данного кабинета имеет ключ для ликвидации конфликта или знает, где его взять, пусть скажет, я готов помочь коллективу. Однако утверждения Петрова, что мне известно, как это сделать, после моих слов не ослабли, а прежняя угроза применить ко мне страшные меры наказания через два дня, завершили нашу беседу. Другие участники: полковник рисовал какие-то квадратики с замысловатой начинкой, а Шевченко записывал суть разговора, лишь изредка помогая Петрову «давить» меня.

Придя в АЭС, где у входа в здание ядал меня Ларионов, я узнал что экономический советник меня не дождался и уехал по вызову. Сам Ларионов нервно мотал головой, чесал затылок, ходил по просторному крыльцу, просил меня помочь навести порядок в коллективе.

Я спросил, не знает ли Ларионов, что имел ввиду секретарь парткома, который намекал на мое всемогущество. Ларионов, видимо, ждал моего вопроса. Откровенно нангранно он якобы пошел к телефону, а через некоторое время пришел и после отвлеченных разговоров сказал: «Петров хочет, чтобы вы, Григорий Иванович, склонили авторов отозвать свое письмо, направленное послу».

Возвращаясь к машине через территорию посольства, я увидел на тиинстой площадке секретаря парткома в шортах и жокейке. Заметив меня, он на миг задержал мячик и направился в мою сторону. Не дожидаясь его приближения, я бросил ему навстречу: «Ваши желания абсурдны. Я в ваши игры не играю», – сказал я и ушел по направлению к выходу.

В тот же день вечером ко мне в последний раз на квартиру зашел И.Т. Грицай. Он с

возмущением говорил, что для меня конфликт с Петровым добром не кончится. Но вместе с тем выдал его затею: на партсобрании нашего коллектива, которое состоится 30 апреля, готовится выразить недоверие партийному бюро. Не исключаю, что возмущение Грицай было показным. Ведь самое главное другое – выдал новый сценарий секретаря парткома. Спасибо, Иван Трофимович.

Я сообщил эту новость, без ссылки на источник, Аполлоновой.

Надо отдать должное секретарю парткома. Он рассчитал, что вынесением недоверия бюро Соляник будет восстановлен в должности, а те, кто решился на сонро-тпвление линии парткома, попадут под его жернова. Затем он, Петров, примется за свое кровное дело: кого наказать, кого для пвказухи помиловать.

Однако для успеха задуманного необходимо было набрать две трети голосов. Вот тут-то произошла закавыка. Всего один лишний голос у сторонников решения партбюро. Как его убрать. Ясно, что выбор пал на меня. К тому времени Поляничко еще не решил меня переводить в ИОН. Якобы не было еще согласия ЦК КПСС. Не помеха. Надо изолировать Гончарука хотя бы на время собрания. А там видно будет. Шарце без ведома Аполлоновой пошел в партком и попросил тех-секретаря переставить карточку в картотеку парторганизации партсоветников. Разумеется, не без ведома руководства парткома. Ларионову была отведена самая гнусная роль...

Доверимся дневнику: «Собрание назначено на 17 часов. В 16 часов возле входа в нашу квартиру стоят «Фольцваген» и «Жигули». Ларионов, как посоленный, требует немедленно грузить вещи. Я предложил сначала поехать посмотреть новую квартиру. Он согласился.

В жилом доме ИОНа, где нам предложили квартиру, коменданта не оказалось. Замок не открывался. Уже 16 часов 40 минут. Я потребовал отвезти меня на собрание. Ларионов под надуманным предлогом поиска ко-мендата стал убегать от машины в одну сторону, а водитель (лунинский) – в другую. Я заявил, что это ни что иное, как физическое насилие, а на собрание пойду пешком в нарушение мер безопасности. Ларионов перепуганный, отвез меня на собрание.

Заговор против бюро провалился».

Думаю, не лишне в главе о партийных советниках сказать несколько слов о последних общениях с Грицаем. В тот день, когда завершилась конференция (7 мая 1988 года), ректор Эноят предложил свои транспортные услуги – отвезти меня домой, а по пути заехать на квартиру к Ивану Трофимовичу. По случаю отъезда руководство решило наградить его юбилейной медалью и почетной грамотой университета. Предварительно созвонившись, мы минут через тридцать нажали на кнопку у входной двери квартиры Ивана Трофимовича. Нас встретил хозяин квартиры, которому суждено через два дня оставить ее с тем, чтобы больше в нее не вернуться.

В гостиной на обеденном столе стояла начатая бутылка с жидкостью, похожей на коньяк. Рядом три рюмки и конфеты. Эноят поблагодарил Ивана Трофимовича за содействие в работе университета и вручил скромные награды. Грицай сердечно поблагодарил, сказал, что дома в Николаеве есть пиджак, на который он вешает свои награды. Там найдется место и университетской медали. Затем пригласил к столу. На прощание Иван Трофимович сказал, буквально, следующее:

– Григорий Иванович, в день моего отъезда нам обязательно надо встретиться. Сообщу тебе очень важную информацию, необходимую тебе для дальнейшей успешной борьбы. Это лучше сделать за пару часов до отправки в аэропорт. Ты мне позвони, а я решу, где мы встретимся.

Утром девятого мая я позвонил. Трубку поднял Иван Трофимович. Взволнованным голосом он прокричал:

– Григорий Иванович, извини, дорогой, Максимка упал с БТРа и снес себе лицо.

Сейчас едем с ним в больницу, а затем в аэропорт. Очень жаль, что не могу с тобой встретиться. Запомни: ты не совсем виноват, точнее, ты совсем не виноват. Слышишь, ты не виноват. Прости. До встречи на родной земле.

Он положил трубку. Надежда моя исчезла вместе с утренней дымкой. Что он не сказал? Часто бывает: несказанное важнее сказанного. Несказанное будоражит воображение во сто крат значительнее самого сказанного. Неопределенность тягостна, интрига тревожна, надежда, как лед в этом знойном Кабуле. Если в холод надежда согревает, то в жару она, словно охлаждает, приводит воображение к желанному состоянию. Но где этот лед? Кругом плоский зной. Снова все плоско, как мое существование. Нет сучка, нет ветки для надежды. Все горит под испепеляющим, упрямым солнцем Афганистана. И я тоже. Да, Иван Трофимович, лучше бы ты не обещал. Породив червь сомнения во мне, ты уже был в гостинице «Россия», ходил по Красной площади, внимал праздничному фейерверку¹, а я, чтобы спасти сердце, в сотый раз замыкал пеший круг на территории ИОНа, а над моей головой летели один за другим наши РСы, выпущенные рядом под горой и направленные в сторону Королевского озера, некогда сказочные места. В ответ доносились оглушающие звуки разрывов, умноженные горным эхом.

Что ни говори, Иван Трофимович, интересная наша родина: в один и тот же миг может радоваться до ушей и топить в крови беззащитных людей. А может это не Отчизна? А только часть ее непутевых сыновей? Все равно, мать родная, тебе делить не только славу, но и позор своих детей. И не отрешиваться от них, ибо в этом ты проявишь еще одно негативное качество – отступничество от своих детей. Редкий зверь отворачивается от своих детей. Не уподобляйся ему. Верни детей домой. Ведь это же твоя кровинка. Не пожалей денег на выкуп тех, кто в плену. Неужели у тебя есть что-то дороже своих детей? Они пошли туда не по своей воле. Ты приказала. Они выполнили твой приказ. Так выкупи их, а тех, кто остался в живых, накорми, одень, приласкай.

Чего ты молчишь? Неужто растеряла материнские чувства в угаре великодержавного интернационализма? Неужто сама уподобилась редкому зверю? Если так, то по всем законам тебя следует лишить материнских прав. Поэтому не обижайся на тех сыновей, кто отказался от тебя. Оскорбленный и униженный твоей черствостью, безнадежно махнул рукой, и отправился в проклятый путь, ведущий от тебя подальше. Не обессудь. Ищи причину несчастий в себе самой, в тех сыновьях, которых ты слушаешь и идешь у них на поводу. Сколько раз они тебя насильовали, а ты их все гладишь по головке, не ведая позора от сожительства со своими непутевыми детьми. Для тебя позор стал нормой. Помоги тебе бог, родная Отчизна, осознать и познать нормальное человеческое счастье. Я не доживу увидеть тебя по-человечески счастливой. Но остались у меня надежда и вера в твою мужественную судьбу. Они сильнее тех, которые были к партсоветнику Грицаю. Они не расстанут, словно лед, под афганским солнцем. Они – будто эти несокрушимые горы.

Пора заканчивать настоящую затянувшуюся главу. Ранее писал о главных заботах мая и июня – проблемах политики национального примирения. Если конференция и издание ее материалов осуществлялись по моей инициативе, а следовательно с вдохновением, то в ИОНе круг моей ориентации был строго ограничен. 11 мая 1988 года в кабинете ректора КПИ состоялась беседа Энотя и Хелали по очень щепетильному вопросу. После снятия Хабиба и особенно после «изъятия» меня из университета министр с головокружительной быстротой провел выборы заведующих кафедрами и членов Ученого совета университета. Однако результаты его не порадовали. Энотя, Эмар, секретарь парткома и Хомаюн, проректор по безопасности, имея неплохую опору на факультетах, обеспечили выборы в Совет более 40 процентов членов НДПА, что значительно превышало прежние показатели:

¹ На родной земле мы еще не встречались. Когда комиссия Одесского обкома партии пробовала изучить мое дело, то, по словам работника обкома Литовченко В. В., Иван Трофимович отказался свидетельствовать о чем-либо. Вижу его частенько по телевидению в зале заседаний Верховного Совета Украины, но спросить не могу, он меня все равно не услышит.

47 процентов пуштунов, ранее, было меньше, 2 процента хазарейцев, 6 процентов других национальностей, остальные – таджики. Много сочувствующих НДПА. Всего 44 члена Совета.

И вот третье наступление Сароби на кадры университета. Именно в тот день, 11 мая, министр сам привез бумагу за своей подписью в университет, в которой указывалось, что на основании устного распоряжения премьер-министра Кештманда, необходимо провести выборы ректора и проректоров по учебно-воспитательной и научной работе. Причем все они должны быть пухандами (профессорами) независимо от того, имеют они ученую степень или нет.

Особенностью присвоения ученых званий в Афганистане является тот факт, что они могут присваиваться людям без ученых степеней, даже тем, кто не окончил магистратуру, т.е. бечлерам, имеющим четырехгодичный курс обучения в вузе. Эти звания приобретались, как утверждали сами афганцы, благодаря различным связям.

Расчет Сароби был прост: Эноят пуханвал, то есть доцент, он не имеет права баллотироваться на должность ректора, несмотря на то, что он имеет ученую степень.

Разыскивая меня, проректор Хомаюн прибежал с переводчиком к Нине в библиотеку и объяснил ей ситуацию. А через некоторое время появился Эноят. В тот момент я возвращался от Ларионова и заехал за женой. Я предложил Энояту после телефонного согласия встретиться с Хелали, ректором КПИ, совмещающего исполняющего обязанности заместителя министра в связи со снятием Набатия.

В просторном кабинете ректора КПИ (метров 60, пять или шесть диванов разной обивки, возле каждого дивана по два кресла), мы беседовали около часа. Я поделился опытом выборов ректора. Накануне моего отъезда в Афганистан мы в Одесском политехническом институте первыми в республике выработали положение и провели тяжелую многоступенчатую кампанию по избранию ректора. Кроме того, что я участвовал в выработке и принятии положения о выборах, мне довелось быть еще и председателем счетной комиссии. В борьбе с профессорами у нас победил симпатичный, уважающий юмор, человечный, перспективный ученый, доцент Малахов Валерий Павлович. Эноят во многом напоминал мне Малахова.

Решили: Эноят едет к Башармалю и Масуду в ЦК НДПА, Хелали после обеда – к Сароби и доказывает, что эти выборы незаконны по той причине, что нет положения, а также скороспешны. К тому же Эноят назначен и. о. ректора президентом и отменить это решение может только он.

Хелали предлагал мне поехать к Сароби. Я ответил ему, что это было бы вмешательством в афганские дела. Мой визит даже к нему, Хелали, неофициальный, а приятельский, как к человеку, с которым выпил много чая.

Меня попросили не в службу, а в дружбу подготовить проект «Положения о выборах ректора в Кабульском университете»¹ и при случае поставить в известность об этой беседе Поляничко.

Говорю об этом потому, что данный «пылающий» вопрос подтолкнул меня раньше времени позвонить Виктору Петровичу и узнать кое-что о своей дальнейшей работе, точнее, ее направлении, и о своем статусе. Это было около 20 часов. Секретарь сказал, что у него совещание, после чего меня найдут. Минут через двадцать прибежал дежурный и позвал меня к телефону. Я, не называя фамилии, рассказал о ситуации в университете. Меня поразило то, что он уже знал об этом.

Вместе с тем Поляничко внес некоторую ясность в мое положение: 1) с сегодняшнего

¹ Просьбу я выполнил. Как мне сообщили уже в Одессе, положение было утверждено на всех уровнях. Осенью состоялись выборы. Победил Эноят. В апреле 1990 года получил письмо от Эно-ята. Он избран на второй срок. Просит содействия в сотрудничестве с одесскими вузами. А Хелали, видимо, не без подсказки советских в своем письменном доносе назвал мою помощь вмешательством во внутренние дела Афганистана.

времени я переведен в парторганизацию партийных советников при ЦК НДПА; 2) перехожу в его распоряжение и полностью занимаюсь только политикой национального примирения и должен выполнить за два месяца объем работы, равный четырехмесячному. Срок моего отъезда будет определять он и характеристику тоже напишет он. Должность мою он сообщит мне в конце моей работы; 3) порвать все связи с университетским бабьем, которое увязло в сплетнях и интригах, охвативших весь контракт.

Именно с этой информацией можно определить завершающий этап моего пребывания в Афганистане. В дневнике за ближайший выходной (пятница 13 мая) появилась менее напряженная запись, чем за предыдущий месяц: «Поздно встали. 8 часов 40 минут. Окна зашторены. Солнца не видно. Крепко схватил радикулит. Нина уже дважды натирала индийским лекарством «Слоне», принимал таблетки. Много читал «Робеспьера»,

Вечером пошли гулять. С запада надвигалась гроза. Обвисшие хвосты туч слились с вершинами гор, которые, напоминали зебру. И вообще, разные эти горы. Едва заметная травка среди выступающих каменных глыб делают их одних похожими на защитную плащ-палатку, других, которые подальше, в зависимости от освещения, или по другим причинам, черными, белыми. Что ни день, утро, вечер – разные пейзажи: то можно увидеть цепочку облаков по середине гор, то горы смешиваются с облаками и тучами и не видно границ между ними, то откуда ни возьмись «афганец» несет облака пыли, и тогда лучше сидеть в квартире.

Вечером на прогулке Нина заметила у подножья горы (напротив фасада учебного корпуса ИОНа) кривые столбы пыли и дымовые дорожки в небе между вершинами. И сразу донесся звук ракеты. Через некоторое время мы увидели летящими огненные ракеты (3 штуки) в сторону нашего посольства. Мы думали, что это наш «Град». Однако позже узнали, что обстреливали посольство. Это второй после 9 мая обстрел посольства.

Началась сильная гроза с ветром и молниями. Мы пошли домой...

Это был новый этап по характеру работы, по изучению системы, с которой я вступил в конфликт. Нина вместе со всеми женами (осталась только жена Б. А. Ширяева, руководителя советского коллектива в ИОНе) уехала в Союз 27 мая. Я лишился единственного собеседника, с которым можно опробовать свои мысли перед тем, как пускать их за пределы квартиры. Она мне заготовила различные продукты. Однако это не могло заменить хозяйки на кухне и в квартире. Забот прибавилось. Работы увеличилось. Бытовой и душевный комфорт нарушен. Тогда я еще не знал, что меня ждет домашний арест и лишение возможностей пополнить кухню продовольствием.

Однако дневниковая запись 28 мая требовала дальнейшей мобилизации физических и душевных сил: «Отвез пропуск в аэропорт Ларионову. От него узнал «новые» подробности моих преступлений: афганская сторона жалуется, что я вмешиваюсь в ее дела. Туманный пример с выборами ректора. У кого-то не получилось убрать Эноята, а виноват, оказывается, я. Зашел к Г.И. Петрову. Узнал, что на меня заведено досье. Дошли уже до того, что аспирантура в университете была до меня. Я, оказывается, открыл открытое. Обещал показать перед моим отъездом досье... Кошунство.»

Прежде чем перейти к заключительному фрагменту главы о работниках, представляющих лицо страны за рубежом, скажу несколько слов о человеке – загадке для меня. Возможно, я того и не сделал бы, если о нем не упомянуло радио «Свобода» в январе 1991 года. На него ссылались, как на знатока афганской жизни, а конкретнее – тонкостей взаимоотношений командования наших войск и племени джадран при деблокировании дороги Гардес – Хост. Это Владимир Никитович Пластун.

Впервые я его увидел и услышал 3 февраля 1988 года в школе «Дружба». Его представили советским обществоведам, как доктора исторических наук (позже мне сказали, что он кандидат наук), советника при штабе 40-й армии, знатока этнографии Афганистана. Теперь дневник: «...Собеседник... не выносит партийных работников и в грубой форме

отзывался о всех советских послых в Афганистане, называя их бывшими партийными работниками, непонимающими ситуацию в Афганистане, невежественными и грубыми, а под конец с издевкой, коверкая фамилию посветовал обратиться с вопросом в посольство к очередному бывшему партработнику Можажёву.

На этой беседе он заявил, что и после вывода советских войск ему найдется место в Афганистане, возможно, в Академии наук».

Однако его знания афганцев оказались недостаточно глубокими. Во всяком случае Пластун, видимо, не учитывал динамику ситуации. В самом конце июня в Доме журналиста состоялся симпозиум советских востоковедов во главе с академиком Литвинским и афганских – с президентом Академии наук РА Сулейманом Лаейком. (После пленарного заседания мне была оказана высокая честь – пригласили на обед в отдельную комнатку за стол президиума). В своем выступлении афганский ученый – пуханд возразил Пласту, назвав Кармаля предателем за то, что тот привел иностранные войска на родину, а Амина – патриотом. Пластун не удержался:

– Так почему же вы не дали нам соответствующих источников.

Тот без обиняков ответил:

– Это без документов ясно тем, кто хочет знать истину¹.

Последний раз мы с ним встретились накануне моего отъезда у моего соседа по квартире, москвича, полковника Александра Ивановича Кокина. Владимир Николаевич был вдвоем с работником посольства по межпартийным связям Юрием Ивановичем Жаровым. О содержании беседы забыл. Но чай, помню, был крепкий. Александр Иванович, хлебосольный русский человек, большой специалист по приготовлению завтраков. Несколько позже из газет узнал: В.Н. Пластун – корреспондент «Правды» в Афганистане. Он так и остался для меня загадкой.

Теперь последнее сказание. Оно будет кратким. Психологический террор продолжался. Мне передали, что определенные лица вынашивают идею объявить меня невменяемым. Еще бы! Какой нормальный человек рискнет за границей так последовательно не уважать руководство?

Мне это было знакомо еще из юношеских офицерских лет. Тогда тоже в наказание за строптивость начальство пыталось упрятать меня в психушку. Спас начальник неврологического отделения военного госпиталя в Волгограде. Помню, он сказал: «Увольняйся. Иначе хана». Здесь пока дело до врачей не дошло. Но это могло случиться в любую минуту. Решил, что будет, но на колени не стану. Честь одна. Она останется со мной. Никому не дано ее отнять. Буду сражаться, каким бы печальным не оказался конец. Сражение – это состояние достоинства.

Когда руководимый парткомом методический совет обществоведов организовал глумление над сборником материалов конференции, я решил обратиться с письмом к моему злому ангелу-послу. Вот его копия: «Чрезвычайному и полномочному послу СССР в Республике Афганистан товарищу Н.Г. Егорычеву доктора исторических наук, профессора Гончарука Г.И. Заявление. 22 апреля 1988 года. Вы, Николай Григорьевич, с согласия парткома и АЭС своим поспешным решением узаконили клевету на меня и этим поощрили и вдохновили ее авторов. Их разгул усилился. Ко мне применяют физическое и моральное насилие. Формируют ситуацию для пополнения досье, в чем, видимо, заинтересованы

¹ То, что пуханд знал без документов, подтвердилось нескоро нашими документами. В московском ежемесячнике «Совершенно секретно» № 7 за 1990 год, с. 14 опубликовано интервью Артема Боровика с Бабраком Кармалем, который отвергает обвинения в том, что он пригласил советские войска в Афганистан. Но тот факт, что Кармаля привезли на пост генсека ЦК НДПА и председателя Реввоенсовета советские танки, а его голос звучал по радио Афганистана над еще неостывшим телом Хафизуллы Амина сообщает тот же орган в № 12 за 1990, с. 32. Независимая газета «Московские новости» за 3 марта 1991 года, с. 15 сообщила такую деталь: за операцию по убийству лидера Афганистана Амина в 1979 году, по некоторым данным, семь человек из КГБ (некоторые посмертно) получили звание Героя Советского Союза.

местные руководящие органы.

Во встрече с вами мне под различными предложениями отказано. Настоящим ставлю Вас в известность, что, к сожалению, у меня не остается другого выхода, как обратиться к члену Политбюро ЦК КПСС, министру иностранных дел СССР товарищу Э.А. Шеварднадзе. 22.06.88 г. Подпись. «Заявление зарегистрировано в тот же день под номером 18«в», что означает «внутреннее».

В конце того же дня дежурный передал предупреждение из посольства, что в 20 часов 45 минут за мной пришлют машину, в 21 час меня ждет посол. Под многослойным прессом унижений, оскорблений, лишений, нагроможденных под руководством парткома и АЭС в моей душе вдруг шевельнулась надежда на то, что, посол создает комиссию и все будет поставлено на свое место. Иначе и быть не может. Ведь еще с бессознательного возраста мне вдалбливали, что наша партия, советская власть самые гуманные и справедливые в мире и в истории человечества. Во имя человека руководители не жалеют своих сил и даже жизни. Бывали, правда случаи, когда у руля оказывались проходимцы, преступники. Но марксизм не отрицает случайностей, а наоборот, рассматривает их, как непознанную закономерность. Что же меня ждало в посольстве: познанная или непознанная закономерность. Если Сталин был случайностью, а то, что я вижу в Афганистане – закономерностью, то мне стало не по себе от такой логики. Беспроигрышная лотерея: познанная и непознанная закономерности для меня сулили неприятность.

После таких выводов я засунул пистолет за брючный ремень и направился к поджидавшей меня машине. В ней сидели двое. Мгновенно решил, что один на тот свет не уйду и незаметно отодвинув полу пиджака, большим пальцем правой руки снял пистолет с предохранителя. Ночь опутала горы. Проходя мимо часового, попросил его запомнить номер машины. Он, на мое удивление, сказал:

– Уже запомнил. А вы садитесь на заднее сиденье.

Машина вырुлила за железные ворота, помчалась па городу в ту сторону, где часа полтора назад за каскадами вершин скрылось солнце.

Лишь бы не сдали нервы. Они у меня, казалось, на пределе. Очень жаль, что мне в тот вечер изменил юмор. Когда-то, помню, в Одесском горкоме партии, в кабинете секретаря, во время аналогичного судилища юмор меня выручал. Если бы он присутствовал и на этот раз, то можно было изобразить события в гоголевском жанре.

В кабинете посла, словно по заказу автора, собрались основные действующие персонажи. Во главе основного стола – Егорычев, за приставочным столом слева от посла – Поляничко и Петров, секретарь парткома, справа – Петров, экономический советник, рядом с ним свободное кресло для меня, со свободного торца – Ларионов. Честь для меня невиданная. Однако не стоило обольщаться: ответы на мои приветствия прошли без рукопожатий – я, разумеется, не мог нарушать этику, они не догадались подать руку профессору. Кто я по сравнению с авангардом мирового коммунистического движения и сверхдержавы, полномочиями которых они наделены.

Начал посол с моего заявления, а затем перешел к папке, которую положил перед ним секретарь парткома. Стало ясно: они решили под давлением досье согнуть меня, поставить на колени и заставить просить у них пощады, милости и доверить решать свою судьбу им. По их замыслу, другого, видимо, быть не должно.

Не буду утомлять читателя этим спектаклем, который, как записано в дневнике, длился два часа. Назову несколько деталей, отражающих его сущность.

Деталь первая. В досье поразило наличие доноса Хелали, отражающего в извращенном виде смысл нашей с Эноятом беседы с ним в его кабинете, а также фабрикация какой-то преподавательницы-афганки с кафедры русского языка о моем вмешательстве во внутренние дела Афганистана в вопросах о выборе ректора Кабульского университета. Материалы поступили якобы в отдел КГБ СССР при посольстве. У меня не хватило

выдержки слушать этот фантастический бред под испытующими взглядами своих оппонентов и я сказал:

– Извините, Николай Григорьевич, я не дипработник, поэтому объясните, пожалуйста, о вмешательстве иностранного лица в дела государства заявляет напрямую президент, министр иностранных дел или преподаватель русского языка, ректор? И куда заявляют: послу или в отдел КГБ? И еще один вопрос: как узнали эти афганцы, где находится отдел КГБ, если даже я об этом не знаю? Или это дело рук их советских партнеров, выполняющих заказ заинтересованных лиц?

Тут произошло то, чего я не ждал. Егорычев остановился. А Поляничко раздраженно и громко спросил секретаря парткома:

– Что вы наделали? Что вы наделали? Вы хоть понимаете, что вы натворили?

Виктор Петрович, конечно, не мог сдержаться, вспомнив о том, сколько я времени провел в их с Хелали и Луниным обществе.

Деталь вторая. Выждав, пока Поляничко успокоится, Егорычев продолжал перелистывать досье и вдруг слово в слово зачитал мое заявление, написанное в ноябре с просьбой освободить меня от должности советника в связи с тем, что мои инициативы не находят понимания со стороны Ларионова.

– Не может этого быть? – остановил я посла.

Он мне протянул заявление. Я сначала не поверил своим глазам, на миг опешил. А когда до меня дошло, что это отличная ксерокопия моего заявления, не удержался:

– Боже мой, какая гнусность. Я же заявление порвал по вашей рекомендации и в вашем присутствии, Александр Филиппович!

Экономический советник, словно из автомата выпалил, показывая на Ларионова:

– Это он! Это он! Это он!

Деталь третья. Когда посол закончил чтение и закрыл папку, я спросил:

– В досье не достает очень важного документа.

– Какого? – спросил Николай Григорьевич.

– Письма группы советских преподавателей Кабульского университета от 25 апреля в адрес посла, в котором содержится призыв к послу пересмотреть свое поспешное решение от 22 апреля.

– Я о таком письме не знаю, – сказал Егорычев.

– Ничего удивительного в этом нет, Николай Григорьевич. В вашем ведомстве хозяин не вы.

В разговор буквально бросились оба Петровы: ничего, мол, в том письме особого нет. Мы вам объясним.

Затем посол стал спрашивать, в чем заключается физическое насилие надо мной. Я привел ряд фактов, начиная от 30 апреля вплоть до последнего дня, в том числе, что не разрешают мне съездить с коллективом даже за картошкой. Я похудел за июнь на девять килограммов.

Среди фактов морального насилия я привел то, что-именно сегодня положено новое звено в глумлении над моими инициативами – судилище методического совета, руководимого парткомом, над материалами конференции «Политика национального примирения и молодежь Афганистана».

Секретарь парткома начал оправдываться, что это делается без его вмешательства.

– Тогда зачем партком называется в «Положении» руководителем, – спросил я.

Поляничко, оправившись после взрыва эмоций, попросил у посла слово, с трудом застегнув верхнюю пуговицу на пиджаке.

– Материалы афганской конференции по политическим и моральным мотивам стоят вне нашей критики. Она состоялась и мы должны отдать должное Григорию

Ивановичу за его труд. Это бесспорно. Что же касается теоретического и политического уровня товарища Гончарука, то приведу красноречивый пример: ко мне поступают различные материалы теоретического и политического характера. Без подписи. Среди кипы новых разработок, я несколько раз обращал внимание на оригинальные, содержащие рациональные мысли. Когда спрашивал, кто автор, мне отвечали: «Гончарук».

Виктор Петрович на мою информацию о том, что от меня в ультимативной форме требовали подробного отчета о встрече с Наджибуллой, и обвиняли меня в том, что я без разрешения вышестоящих лиц принял предложение президента Афганистана посетить его, сказал:

– Мне поручено осуществлять регулирование встреч советских лиц с президентом. Претензии к Григорию Ивановичу необоснованы.

Утомительная беседа подходила к концу. Я был недоволен собой. Несколько раз поправлял посла, с сарказмом реагировал на злобные выпады секретаря парткома. На самообладании, несомненно, отразились и напряженная работа, и недоедание, и одиночество, и непрошибаемость механизма бюрократического произвола, и собственная беспомощность. Однако мои персонажи тоже были далеки от торжества. Егорычев спросил:

– Конкретно, что вы хотите от меня?

– Николай Григорьевич, я хочу совсем немного. Истины в моем деле. Если вы признаете поспешность в своих действиях о снятии меня с должности советника университета и утверждаете, что в условиях военного времени вам не досуг создать комиссию для проверки письма 15-ти от 17 апреля, то вы можете без ущерба для своего авторитета: первое – изменить резолюцию на письме, второе – перевести стрелки на ведомство Г. А. Ягодина. Пусть он и займется изучением достоверности фактов, изложенных в письме. Я же прошу не о восстановлении в должности, о проверке серьезности обвинений.

Егорычев на миг задумался. Потом произнес:

– Мы поручим Геннадию Ивановичу и Александру Филипповичу подработать вместе с Григорием Ивановичем резолюцию и предложить мне для нанесения ее на письмо задним числом. Формально вы остаетесь советником университета.

Однако секретарь парткома попросил ему не поручать готовить текст резолюции, ссылаясь на то, что это лучше сделает Поляничко. Последний не возражал. Посол согласился.

Это было кое-что! Появилась надежда на разбирательство в Союзе. Мы встали. Егорычев подал мне руку на прощанье. Мы с Ларионовым вышли. Других посол попросил остаться. Поляничко в догонку попросил меня подождать, чтобы вместе поехать домой.

Была глубокая ночь. Кабул тревожно спал. Свежий воздух ласково обнял меня разгоряченного. У входа в посольство стоял тот человек, который меня сопровождал часа два назад. Он предложил закурить. Закурил и Ларионов. Подошел телохранитель Поляничко. Кажется все, кроме Ларионова, с пониманием восприняли приподнятость моего настроения. Заходил к послу совсем другим.

Минут через десять вышел экономический советник, еще через десять – секретарь парткома, еще через десять – Поляничко.

О чем они могли говорить так долго? Конечно же, продолжали обо мне без меня. Неужели я преждевременно радовался? Неужто попытаются вернуть утраченные на миг позиции? Не много ли я, хохол, пожелал от вершителей судеб? Признать свои персональные ошибки? Да где это видано? Такого еще не было в практике московских правителей. В их преступлениях повинны только две категории – усопшие или вся партия. Согласие Егорычева изменить резолюцию, возможно, только пауза для совещания, передышка для его старческого ума и нервов. Нет. Они не уступят. Не то понятие морали, чтобы признать свои ошибки. Они свои ошибки никому не прощают. Рано, очень рано радоваться. Боже мой, в который раз я безнадежно верю людям. До каких пор я буду отождествлять свое понимание

нравственности с другими? Неужели не ясно, кого послали в Афганистан? Не миротворцев же? Не хлюпиков. А тех, кто не дрогнет, не остановится перед убийством человека. Да и человеки ли мы все в их представлении?

С этим тревожным сомнением я сел слева от Поляничко на заднем сиденье его иномарки. Всю двадцатиминутную дорогу Виктор Петрович выражал свое крайнее возмущение поведением Лунина, Хелали и секретаря парткома весьма крепкими словами, которые я не осмелюсь привести в данной книге. Однако по своей выразительности и набору все-таки уступали арсеналу экономического советника. Воистину богат русский язык. |

Когда начальство возмущается, подчиненным лучше молчать, ибо повороты не предсказуемы. Мне хотелось верить искренности возмущения Поляничко, однако поймал себя на такой мысли: «Играй, Виктор Петрович, да не переигрывай. Не верю, чтобы я стал тебе ближе, чем они».

Прощаясь у своего дома в жилгородке КПИ, Поляничко сказал: «Приходите завтра к двенадцати часам, вместе подумаем над резолюцией, а сейчас выпейте хорошенько и крепко поспите».

Напротив небольшой приемной кабинета Поляничко была комната, что-то вроде ожидалки. Там я увидел Набатия, бывшего заместителя министра высшего и специального образования, который на второй день моего приезда в Афганистан представлял меня ректору университета.

Еще в конце ноября 1987 года на съезде Лойя джирги (высшего законодательного органа) Набатий выступил опрометчиво. Он потребовал, чтобы жена президента занималась общественно-полезной работой, а пост министра безопасности должен занять член партии. Уже тогда я написал в дневник: «Конечно, ему этого не простят».

Остальное, как говорят, дело техники. «Был бы человек, статья найдется», – весельчаки эти слова приписывают юристам. Без особого труда Набатия обвинили в уклонении от служения в армии, подделке каких-то документов. И вот он в поисках работы пришел с челобитной к нашему Поляничко.

Не знаю об истинных причинах и механике освобождения Набатия от обязанностей замминистра, но идти афганцу на поклон к советскому за помощью – состояние ненормальное.

Помню, по приглашению болгарского посольства мы с Энотом отправились в Дом советской науки и техники на торжественное заседание по случаю очередной годовщины освобождения Болгарии от турецкого владычества. При подходе к зданию двое афганских парней буквально набросились на Энота. Он, видимо, готовый к подобному, мгновенно поднял высоко руки. Парни обыскали его, начиная с рукавов пиджака до носков на ногах, не обойдя места между ногами. Меня же не тронули.

Уродливые отношения среди афганцев, выражающиеся в большом доверии к иностранцам, чем к своим соотечественникам, мы принесли в страну гор и легенд. Натравили народ на народ, посеяли вражду между родственными племенами. Таков наш интернационализм в действии. Многим ли он отличается от буржуазного империализма?

Я подал Набатию руку. Попробовал шутить, но ходок был в глубокой депрессии. В моей памяти на миг воскресла встреча с Набатием 5 сентября 1987 года. Сколько самоуверенности было в этом тогда энергичном человеке... Он даже пытался часть своего оптимизма передать мне, заверяя, что у меня получится сотрудничество с Хабибом. И вот сам униженный и оскорбленный, пришел искать милости у оккупантов... Только одному аллаху ведомо, сколько горя мы принесли сюда.

Поляничко принял меня без задержки. Не отвечая на вопрос, как спал, я показал свою заготовку новой резолюции посла в плане нашей вчерашней договоренности. Он стал читать. Там было следующее: «Во изменение прежней резолюции от 22.04.88г. на письме советских специалистов из Кабульского университета: 1. Рекомендовать председателю ГК

СССР по народному образованию товарищу Ягодину Г.А. изучить достоверность фактов, изложенных в письме о работе Гончарука Г.И., и принять соответствующее решение. 2. Советника Кабульского университета Гончарука Г.И. с 22.04.88г. перевести временно до принятия решения Ягодина Г.А. советником-консультантом ИОН ЦК НДПА. Н.Г. Егорычев».

Виктор Петрович прочитал, положил в стол, и сказал:

– Решено вот что: вы пишете заявление, в котором отзываете свое заявления от 22.06.88 года, благодарите посла за содержательную беседу и добрые советы, а мы сделаем так, чтобы вам было хорошо. Вот вам бумага. Что мне оставалось делать? Я написал. Он поблагодарил и положил в стол.

– Я понял так, что предложенный мной текст резолюции будет принят послом? – спросил я.

– Зачем? Мы вам даем сдержанную, взвешенную характеристику. К тому же я позвоню Ночевкину, первому секретарю Одесского обкома, чтобы вас в Одессе не трогали. Возможно, мы вам продлим командировку, чтобы вы закончили последний материал.

Спорить бесполезно. Он сообщил их совместное решение. Называй, как угодно, вероломство, обман – это их не прошибет. В этих выкрутасах нет ничего ни нравственного, ни мужского. Не каждая женщина прибежит к такой, мягко говоря, непоследовательности. Это ближе к мошенничеству, чем к дипломатии.

Что я мог предпринять? Не отнимать же силой свое заявление у Поляничко. Возможно, они этого только и ждали. Очень все похоже на провокацию. Я с горькой ухмылкой обманутого посмотрел на Поляничко и вышел.

Да, путем махинаций они все-таки отняли то единственное, что у меня было: дух и перспективу борьбы, да еще и унизили. Как же я мог такое написать? Кого и за что благодарить? Где и когда посол произнес в мой адрес добрые слова? По поведению Поляничко я понял, что посол нуждается в авансировании здравого смысла, его готовности пойти на пересмотр своего заблуждения, или ему нужны мои письменные гарантии, что в случае изменения резолюции послом, я больше не буду поднимать вопрос о его необдуманном решении. Какая наивность! Какой позор!

Надо отдать им должное: они удачно вывели Поляничко на острие борьбы со мной, понимая, что он единственный человек в руководстве, с кем я иду на контакт, избегаю обострений. Он среди этой всей команды самый хитрый, психологически тоньше, арсенал его методов богаче и гибче. Еще ночью в машине прекрасно сыграл роль «отца русской демократии», а в полдень обвел меня вокруг пальца, как последнего фраера. Те так не могут. Они настолько бедны мыслями и психикой, что даже нечем прикрыть свою подлость, чтобы ее сделать благопристойней. Этот партаппаратчик обладает талантом подавления воли противника к сопротивлению.

В трудные минуты растерянности я прибегал к силлогизмам. Обращение к логическим упражнениям, к своеобразной игре в силлогизмы помогало мне вычислить собственные нравственные координаты. Первое суждение. Мои оппоненты заверили о своей готовности изменить резолюцию на письме без каких-либо предварительных условий. Это было ночью. В полдень потребовали от меня уступки в виде отзыва заявления и предварительной благодарности послу за его добрые намерения. Я пошел им навстречу. Они, получив уступку, отказались от своих заверений. Кто они после этого? Как их теперь называть? Второе суждение. Я стал на путь правды, проявлял последовательность, борюсь с клеветой, неправдой. Отозвал свое заявление и поблагодарил посла за те советы, которых он не давал. Где же мои принципиальность, приверженность истине? Какого определения заслуживаю я? Они обманули меня, я обманул тех возможных читателей моего второго заявления, которые не присутствовали при вчерашней беседе. Заключение. Мной допущена слабость, сфабрикован документ, я должен нести за это ответственность, должен быть

наказан. Собственно, уже наказан отказом оппонентов от вчерашних обещаний. Есть ли возможность исправить свой просчет? Надо искать. Дорогу осилит идущий.

24 июня 1988 года (пятница) Егорычев и Поляничко отправились в Москву на XIX партконференцию в качестве приглашенных. Что и говорить? Подарочек я им преподнес неплохой. Егорычев должен быть благодарен Поляничко. У них были все основания радоваться. Однако настроение им испортили моджахеды. В дневнике записано: «В это время аэропорт и военный аэродром обстреляли восемью ракетами. Шесть самолетов повреждено. ТАСС сообщило только о пожаре». В добрый путь ум, честь и совесть нашей эпохи. Я буду вас ждать. Подарок за мной. Как поступить с послем ясно. А вот с Виктором Петровичем... Надо гибче, тоньше, чем он обошелся со мной. В противном случае он перестанет считаться со мной. Лишусь всякого уважения своих оппонентов. А теперь, как говорится, «стоп кадр». Прошу у читателя извинения за напросившееся отступление от темпа повествования. Дело в том, что, когда я завершал данную главу, мне позвонил мой коллега по кафедре доцент Валентин Григорьевич Яшников и спросил:

– Вы читали сегодняшнюю «Правду»?

– Нет, – ответил я.

– Обратите внимание на статью второго секретаря ЦК КП Азербайджана Виктора Поляничко. Потом обменяемся мнениями.

Беру газету. На первой странице строк семьдесят, а на второй полосе подвал, обведенный жирной краской. Рубрика «Разговор начистоту». Статья «Нравственность человека – в его делах». Сразу мелькнула догадка: видимо, автор сквозь призму нравственности рассматривает наши делишки в Афганистане. Читаю. Нет, об Афганистане ни слова. Об Азербайджане, который может стать вторым Афганистаном – тоже. Статья направлена против демократов (они здесь в кавычках) на защиту бронетанкового социализма, родной партии. Однако есть в статье ценные признания Виктора Петровича о том, как подбирали (а не избирали партийные массы) партийные кадры. Цитирую: «Партию подвели те работники, которые подбирались по принципу личной пре^ данности: пусть будет серенький, пусть будет плохонький, но лишь бы свой. Они никогда не думали, не анализировали... Эти кабинетные энтузиасты, трибунные бойцы оказались никчемными, когда политическая жизнь выплеснулась на улицу, когда перестал срабатывать указующий перст». Сказано мягко. Но с особым знанием предмета. Эту характеристику он писал, по всей вероятности, видя перед собой Петрова Г.И. Однако ее в полной мере можно отнести и к Ларионову, и к Петрову А.Ф., к Егорычеву Н. Г. да и к самому автору – Поляничко В.П., который, очевидно, склонен думать о своем выдвижении лучше. Зря!

В статье Поляничко сетует на то, что партию перестали поддерживать интеллигенты. «О чем бы ни шла речь: о выработке программы, о заседаниях съезда, везде встретишь одно – дефицит интеллекта, ленность мысли»¹. Что правда, то правда. Кругом – дети Шарикова. Семьдесят четыре года глумились они над интеллигенцией, а теперь осознали свою ошибку. Надолго ли? Разумеется, до успокоения взорвавшейся массы – «гражданского мира и согласия». А там опять пойдет по наезженной колее – сделать всех по интеллекту ниже политического авангарда. Иначе, что же это за авангард?

Нет, дорогой Виктор Петрович! Как у нас на Украине говорят: «Нема дурных». Играйте в дурака без нас.

Перенесемся снова в знойный Кабул 1988 года. Мои чувства и сознание (это бывает редко) вдруг переросли в единство, выразившись в отвращении и нежелании видеть своих оппонентов. Мне вдруг показалось, что слово противник содержит больше от «противно», чем от «против». Отыграть я сумею. Надо подумать. Время терпит. Партконференция продлится несколько дней.

¹ См.: Газета «Правда», 22 февраля 1991 г.

Вскоре судьбе было угодно испытать прочность моих чувств к оппонентам. Именно в тот день, 25 июня, когда все мои внутренности протестовали против встречи с руководством, Ларионов в течение всего дня требовал явиться к А.Ф. Петрову. Мол отговорки, что я подчиняюсь Поляничко, не помогли. Доводы, что формально я подчиняюсь экономическому советнику вынудили меня отправиться к своему злому начальнику.

В последние дни Аппарата экономического советника как структурной единицы не стало. Своей сокращенной частью он влился в Торговое представительство СССР в Афганистане, А.Ф. Петров стал заместителем Торгового представителя, был перемещен со своего просторного кабинета на первом этаже в теньевую комнатку на втором. Он встретил меня внешне доброжелательно. Даже объяснил перемену места нахождения сменной власти. Когда я сел, он вдруг спросил меня, почему я без галстука. Я ответил, что в правилах поведения находящихся под домашним арестом не указано, что арестант должен быть в галстуке.

Он начал издаലെка. Мол, он сожалеет, что такой способный советник, как я, стал жертвой недоразумения. Все можно поправить. Сегодня состоится открытое партийное собрание советских специалистов Кабульского университета, на котором будет утверждаться моя характеристика. Все зависит от меня. Если я поведу себя умно, признаю свои ошибки, то получу хорошую характеристику. Этот вопрос, мол, согласован, где надо. На этот раз я больше изучал его физиономию, чем слушал. Овал его конопато-бородавчатого лица вместе со лбом напоминал контуры большой афганской дыни, этак килограммов на восемь. Лысый череп деформирован от рождения. Когда Александр Филиппович пытался думать или слушать, его нижняя челюсть опускалась, рот открывался, а глаза застывали. Видимо, думать было ему труднее, чем говорить.

– Если по правде сказать, Григорий Иванович, ты мне нравишься. Другие профессора, в том числе и твой предшественник, у меня на ковре раскисали мгновенно. Плакали, как дети. А ты молодец.

Я встал, чтобы выйти. Он попросил подождать, чтобы вместе поехать на собрание. Я ответил:

– На собрание я не пойду. Формальная причина – не состою там на партийном учете. К тому же вы, администратор, не имеете права тащить меня на партийное собрание.

В ту ночь я спал лучше, чем прежде. Все-таки сценарий своих оппонентов надломал. Осталось сделать в этом направлении еще пару жестов и можно упаковывать чемоданы.

О событиях в дни ожидания посла сообщу телеграфным текстом. 26.06. Поскольку Поляничко запретил мне ездить в КПИ, пришлось просить Сафаила (коменданта-переводчика из Азербайджана) привести ко мне в гости Игошина и Бычкову по их желанию. Они сообщили, что было бурное собрание. 10 человек против утверждения характеристики (Смирнова уехала в Союз в мае. Шарце – вскоре за ней, не доведя студентов до конца учебного года – вот их интернациональный долг на деле). В этот же день написал заявление на имя посла. Вечером пошел небольшой дождь после месячной изнуряющей жары. Алексей Васильевич (водитель) привез булку еще горячего черного хлеба. Позвонил Эноят. Слухи о волнениях в университете подтвердились. Были столкновения студентов с царандоя. Имеются раненные со всех сторон. 28.06. Вечером видел грустную картину: наш вертолет тащил под собой разбитый вертолет. 29.07. Ближайшая застава, расположенная на макушке горы на расстоянии от моей квартиры метров 800–900 все чаще ведет настоящий бой. «Взрывы, выстрелы, гул самолетов, вертолеты, крики муэдзинов, ишаков, лязг гусениц и шум бронетранспортеров, машин, по ночам крики часовых – симфония Кабула. Приходили проститься Хо-мо, моя бывшая секретарь, и Гулям Сухим, швейцар. Приехал Поляничко. Готовлю письмо и копию заявления. 3.0.88. (воскресенье). Позвонила Октябрина Ивановна Рожкова, председатель женсовета, просит прислать транспорт. В 18 часов Андрей Логинов привез ко мне Рожкову, Крылову, Мячину и Аполлонову. Первые три приехали проститься.

Они завтра улетают в Союз. Привезли кастрюлю плова с куркой, пирог. А.И. Кокин дополнил стол компотом, томатами и еще кое-чем. Кое-что было у меня. Поужинали на славу. Потом женщин отправили в КПИ по вечернему Кабулу на БТРе. Картина экзотична – женщина в белом на боевой броне.

4.07.88г. Отвез заявление послу, копию – торговому представителю Р.И. Купревичу и В.П. Поляничко. Последнему также оставил письмо. Вот содержание этих материалов.

Чрезвычайному и полномочному
послу СССР в Республике
Афганистан
Н. Г. Егорычеву

Копия: 1. В.П. Поляничко;
2. Р. И. Купревичу;
доктора исторических наук,
профессора Гончарука Г.И.

ЗАЯВЛЕНИЕ

22 июня 1988 года в моем заявлении обращалось Ваше внимание на акт беззакония, выразившийся в том, что Вы, Николай Григорьевич, своим поспешным решением 22.04.88г. (без изучения достоверности фактов, не взяв у меня объяснения и т.д.) на основании клеветнического письма группы лиц (15 человек), вступивших в тайный клеветнический сговор во главе с бывшим секретарем партийного бюро с целью получения дополнительных материальных выгод и незаслуженно-хвалебных характеристик путем отстранения советника, сняли меня с занимаемой должности советника Кабульского университета, на которую меня назначила Коллегия Минвуза СССР, а также на произвол, чинимый по отношению ко мне после Вашего решения.

Вы также не дали ответа на письмо 10 ученых и преподавателей от 25.04.88 года (регистрационный номер 8), убеждавших, что Вас ввели в заблуждение, а Ваше решение внесет еще большую напряженность в контракте и ослабит наше влияние в университете. Дальнейшие события подтвердили предвидения ученых: все новое, полезное, сделанное нами и нашедшее понимание, поддержку и высокую оценку афганской стороны, последние два месяца опошлялись теми же клеветниками, чью сторону приняли партком и АЭС, чтобы задним числом «добрать», сфабриковать «аргументы» для моего снятия.

Вечером 22 июня 1988 г. в присутствии авторитетных лиц Вами мне было сказано, что Ваше решение от 22.04.88 г. будет пересмотрено. В знак уважения к Вам мое заявление было отозвано. Однако распространенная ранее клевета отражена парткомом и АЭС в «моей» характеристике и утверждена авторами клеветы 25.06.88г. в присутствии Петрова А.Ф., Ларионова В.А. и Шевченко Н.Г.

Это сочинение больше характеризует его авторов. Разве можно голословно обвинять меня в командно-административных методах руководства, если у меня не было никаких ни командных, ни административных прав, не было попытки их присвоения? Не мои действия раскололи коллектив, а действия парткома и АЭС способствовали тому уже не первый год. Не случайно эта характеристика вызвала возмущение честных людей на указанном собрании.

Происходящее привело меня к убеждению, что мою проблему должны решать другие люди и не здесь. К тому же досье на меня, лихорадочно подготовленному и постоянно пополняемому после моего вопроса члену Политбюро ЦК КПСС, министру иностранных дел Э.А. Шеварднадзе 06.04.88 о причинах отсутствия экономической помощи университету секретарем парткома Г.И. Петровым, членом парткома, ответственным за работу вузовских коллективов А.Ф. Луниным, членом парткома бывшим экономическим советником А.Ф. Петровым, куратором Минвуза СССР А.В. Ларионовым с привлечением афганской стороны также, как и клеветническому письму, правильную оценку, соответственно, могут дать только КПК при ЦК КПСС, Прокуратура СССР и Суд. К ним вынужден обратиться по прибытию в Москву 11 июля.

Прошу Вас, Николай Григорьевич, не привлекать к моему делу авторитет В.П. Поляничко, которого я уважаю. А также прошу впредь не приглашать меня на коллективные читки указанного досье. Оно опустошает душу честных людей, зримо отражает нравственное убожество его авторов и вдохновителей и является попыткой отвлечь общественное мнение от сущности работы парткома в университетском контракте.

Цель данного заявления – не угроза, а дань гласности и этике. 04.07.88.

Гончарук Г.И.

Глубокоуважаемый Виктор Петрович!

Материал «Об уроках Афганистана» подготовил. После машинистки передам Вам.

В Ваше отсутствие Петровы не унимались. Они приучены к тому, чтобы за их грехи расплачивались другие. Об этом кое-что в заявлении, копию которого прилагаю. Прошу Вас отойти от моего дела. Оно недостойно Вас. Удобный предлог тому – сочинение вопреки Вашему совету клеветнической характеристики.

После того, как убедился, с кем имею дело, перестал нервничать. Уверен, что есть люди, для которых истина – не пустой звук. Буду искать их в Москве.

Прошу Вас снять запрет на мой выезд. Мне необходимо заполнить обходной лист. К тому же необходимо питаться. Ширяев посадил меня на хлеб и воду. Прошу Вас также разрешить напечатать мой отчет. Не исключено, что он Вас заинтересует.

Знакомство с Вами обогатило мою жизнь. Будете в Одессе – сделаю все, чтобы Вам было приятно как на море, так и на суше. Искренне желаю Вам успехов. 04.07.88 *Гончарук Г.И.*

Отвез и решил ни под каким предлогом не появляться в посольстве и в ЦК НДПА. На душе стало легче. Невольно вспомнился псалом Давида, который часто повторял мой отец. «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит на собрании развратителей». Про себя сказал: «Аминь»! Пусть будет так.

На следующий день меня вызвал Купревич. Вот запись в дневнике: «...Они бросили в бой нового человека. Внешне он производит неплохое впечатление. Пишется белорус, но в чертах лица много еврейского. Понятно, что он не пойдет против посла, а другие полномочия ему не даны. Часа полтора беседовали – пустое дело».

6 и 7 июля Ларионов и Ширяев убеждали меня пойти на заседание парткома. Однако пришлось их разочаровать: 4.07. я снялся с партучета и вышел из зоны их досягаемости. Позже мне расскажут: на заседание парткома пришли все главные персонажи этой главы. Представляю, какой фантастический протокол заседания парткома они сочинили бы, если бы я явился на заседание и отказался стать перед ними на колени. В результате злость за провал их сценария они согнали на техническом секретаре Елене Филипповне из Кишинева, которая сняла меня с учета согласно общему распоряжению. Остальные дни после отмены ареста ездил по дуканам, покупал подарки детям, родственникам, близким.

10 июля 1988 года. Последний вечер в Кабуле, в Афганистане. Дневник не писал. Надеялся на память. Чувства смешанные. Радость скорой встречи с Родиной. Грусть расставания навсегда со страной, совершившей переворот в моем партозрении.

Поздно вечером приехал Поляничко. В пустующей просторной квартире собрались все советники. На столе сок «SiSi» и нехитрые сладости. Виктор Петрович отметил работу ряда коллег. На мое удивление, мою тоже. Вручил Почетную грамоту ЦК НДПА за подписью члена Политбюро, секретаря ЦК НДПА Султана Али Кештманда. Мне тоже, «За большой вклад в дело укрепления афгано-советской дружбы, осуществление курса национального примирения, подготовку национальных кадров для Республики Афганистан». Накануне ректор ИОНа вручил грамоту «за достойное выполнение Вами интернационального долга». Если это в самом деле говорят афганцы, то спасибо им на добром слове.

Приехали проститься Эноят и Хомаюн. Нас троих пригласил к себе на ужин А.И. Кокни. Он еще не уезжал, оставался. Афганцы вручили грамоту и юбилейную медаль университета. Зашли начальник заставы, и преподаватели русского языка. Ужин был славный.

Утром проснулся, когда все уехали. Молодец Ширяев. Достал меня под занавес. Мелковато, правда. Однако, если бы я опоздал на самолет – последствия трудно представить.

Спас Энойт. Чувствуя неладное, он решил отвезти меня в аэропорт на собственной машине.

Начальник заставы молодой лейтенант подарил для моего младшего сына Толика форменную панаму и полевую фуражку десантника. Я в ответ – стопку книг для его взвода десантников.

В аэропорту полным ходом шла регистрация билетов и багажа. Зашли в депутатскую комнату. Энойт тепло простился с нами. Всесущий Пазельский достал бутылку «Столичной». Видимо, осталось от вчерашнего ужина. «За счастье афганцев!» «За память погибших!».

Приехал Поляничко. Стал у трапа самолета. Прощается с каждым из ИОНа за руку. Его охранник предложил свои услуги: поднести мою ручную кладь. Иду последним к трапу. Виктор Петрович жмет руку. Спрашиваю: «Что же вы нафантазировали в характеристике на заседании парткома». Отвечает: «Концовка отличная. А в середине что-то о конфликте».

В салоне самолета много моих персонажей из университета – авторов писем «против» и «за». Но сейчас не до них. Последние минуты на залитой кровью афганской земле. Даже нет опасения о возможных ударах «стингеров». Прислонился к иллюминатору. Все смешалось: военные самолеты, вертолеты, солдаты с гражданским транспортом и людьми. Много суеты, жары и серости. Самолет дрогнул. Порулил. Притормозил. Присел. И как ужаленный, побежал навстречу небу. На миг взору предстал Кабул, Центральная мечеть, университет, зеленые улицы, потоки людей, машин и знойные вершины. На север, по дороге Кабул – Хайратон, на перевал Саланг двигались колонны бесславных наших войск домой. Кругом горы, горы, горы и горе, горе, горе. Чего больше?

Шепчу в окно самолета: Прости, дорогой Афганистан! Прости мне за непрошенный визит, за причиненное беспокойство! Прости нашим несмышленьшам-солдатам! Прости моему обманутому народу! Прости моей изнасилованной родине! Спасибо тебе за то, что открыл мне глаза на меня самого и тех, кто мной управлял! Ты мой новый духовный отец!»

В ответ ни слова... Не будет нам прощения... Не поймут нас потомки, ни советские, ни афганские.

НЕПОДПИСАННАЯ СПРАВКА ИЛИ ТРОФЕЙ АФГАНСКОЙ АВАНТЮРЫ

Надоел я тебе, терпеливый читатель. Ты давно уже решил: Гончарук не справился с руководством коллектива, а теперь чирикает. Однако оригинальнее в оценке моего поведения был тот самый полковник А.И. Кокин, который имел более полную информацию о моей работе, чем я сам, ибо был тесно связан с людьми из посольства. Он как-то на одной из многочисленных вечерних прогулок по территории ИОНа сказал: «Григорий Иванович, мы все здесь в Афганистане сидим по шею в грязи. Разница только вот в чем: вы первым заметили, что эта грязь обсыхает и стали прыгать раньше и выше других».

Не стану возражать. Любые оценки воспринимаю с пониманием особенностей авторов. Скажу одно: если бы я справился с управлением указанного коллектива, то не наступило бы мое прозрение. Как, например, у генерала Громова. И наоборот: потому и не справился, что родилось мое видение нашей роли в Афганистане. Не случись этого, я бы ничем не отличался от тех справившихся, кто удостоился проклятий афганцев, кого ждет осуждение соотечественников. Разумеется, ряд моих действий достоин порицания. Однако нельзя отказать никому в праве поумнеть в ходе своей работы. Мое сознание родило это право, и я всеми силами защищаю его.

Есть еще один решающий фактор. Не явись прозрение, не было бы и данной книги. Не было бы иной, кроме официальной, позиции в определении характера нашего «гражданского» пребывания в центре Азии. Словом, останься я слепым, был бы обкраден ты, мой читатель. Нет худа без добра. Не мной замечено.

В ЦК КПСС, куда я пришел за партбилетом, меня пригласил аппаратчик и попросил рассказать о том, что со мной произошло. Кто-то ему уже успел рассказать. Не

исключено, что доцент Негмат-Заде из Душанбе. (Он однажды на заседании партийного бюро сказал, что так не оставит расправы над требовательным советником). Я вкратце поведал чиновнику о сущности конфликта. Он посоветовал немедленно зайти к председателю Государственного комитета СССР по народному образованию и попросить расследовать это дело.

Председатель Ягодин Г.А. принял меня в своем кабинете накоротке. О сущности моего визита его проинформировал чиновник из аппарата Главного управления по внешним связям, где меня успели предупредить, что если я стану шевелиться, то будет еще хуже. У Ягодина уже был заготовлен ответ: «Вы напишите два отчета о своей работе. Один для меня, просторный. Другой по форме для Управления. В первом изложите свои предложения об улучшении сотрудничества с Кабульским университетом, а также свою просьбу. Я приму меры».

После двух недель радости от встреч с родными, близкими, коллегами, Одессой, морем, выполнил заказ Ягодина. Мне ответил М.А. Слепцов, заместитель начальника Управления, тот самый, который пугал меня в своем кабинете худшими последствиями, если я буду искать правду. Именно в это время на партийном собрании института в своем выступлении профессор Л.И. Курчиков назвал Ягодина замаскированным бюрократам. Это определение врезалось мне в память мгновенно, словно для него там было готово место.

В моем повторном заявлении, которое привожу ниже, содержится ответ М.А. Слепцову.

Многоуважаемый Геннадий Алексеевич!

В моем заявлении от 31 августа с.г. к Вам содержалась убедительная просьба «назначить независимую от Управления внешних связей комиссию по изучению достоверности фактов, изложенных в письме (письмах), послужившего основанием для согласия Гособразования СССР на мое «снятие», т.е. материалов, поступивших до 22 апреля 1988 года для решения Посла СССР в Республике Афганистан об отстранении меня от должности советника Кабульского университета по мотивам непроверенного письма группы советских специалистов и согласие на это Госкомитета СССР по народному образованию. В заявлении содержалась также просьба положить в основу проверки документы высшего порядка - постановление партийных и партийно-профсоюзных собраний, заседаний партийного бюро, хранящиеся в ЦК КПСС, решения Ученого совета советских специалистов Кабульского университета, находящиеся у моего преемника М.Н. Мамадназарбекова (одного из авторов письма), отчета о проведении двух Всеафганских конференций «Великий Октябрь и молодежь Афганистана» и «Политика национального примирения и молодежь», опубликованных в одноименных сборниках, имеющих в Управлении внешних связей Госкомитета, письмо девяти советских ученых и преподавателей в адрес руководства Госкомитета, отправленное в конце мая с приложением копии письма послу 25 апреля с.г., моих объяснений по каждому факту, других материалов, в том числе афганских официальных документов и газет.

Только на документальной основе можно найти истину, ибо авторы клеветнического письма, вступившие в сговор, щедро поощряемые куратором Госкомитета В.А. Ларионовым, боясь ответственности за заведомо ложные показания, неизбежно связанные круговой порукой, имеют только одну возможность скрывать свои цели и чернить меня – это массивная клевета в таком масштабе, чтобы было трудно разобраться, закамуфлированная высокими фразами авторов о своей политической сознательности.

Полученный 15.10.88 г. ответ товарища Слепцова М.А. свидетельствует об отклонении моей просьбы и подтверждает мои предположения.

В ответе говорится: «...в настоящее время собрать и обобщить всю информацию по этому вопросу, а также обсудить ее в коллективе или отдельно с каждым причастным к

этому конфликту преподавателем не представляется возможным вследствие полной эвакуации всех специалистов из Республики Афганистан и откомандировании их к месту постоянной работы в различные города Советского Союза».

Позволительно спросить: а зачем их собирать? Их Мнение высказано в письме (письмах), хранящихся в шкафу товарища В.С. Веревкина этажом выше товарища М.А. Слепцова. Человек, непосредственно возглавивший «авторский коллектив» М.Г. Шарце, работает в Университете дружбы народов им. П. Лумумбы в Москве. Даже бывший посол Н.Г. Егорычев, о произволе и беззаконии которого мной сообщалось в письме на имя члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР товарища Э.А. Шеварднадзе в конце августа, освобожден 13 октября от занимаемой должности и теперь находится в Москве. Если необходимо уточнить какой-либо факт, можно спросить по телефону (в Союзе это проще, чем по линии международной связи). Для объективной оценки осталось привлечь указанные документы – свидетельства высшего порядка, – (если поиск каких-либо документов затруднен, предлагаю свои услуги), ознакомить «виновника» с обвинением и дать ему право на объяснение. А затем составить справку и представить Вам, Геннадий Алексеевич, для принятия решений. Объективным, независимым, добросовестным, незаинтересованным двум-трем человекам достаточно полдня, чтобы разобраться в этом вопросе. Незаинтересованность Главного управления внешних связей, боязнь признать, возможно, свои ошибки, честь мундира – главные препятствия в деле рассмотрения этой проблемы, не столько моей, сколько Управления.

В тоже время в ответе М.А. Слепцова сообщается: «...письма и заявления преподавателей, докладные записки, справки и другие информационные заявления руководителей контрактов и коллективов советских специалистов в РА о причинах, приведших к возникновению конфликта в Кабульском университете, не позволяет сомневаться в правильности решения Совпосольства в Афганистане о переводе Вас с советника ректора Кабульского университета в Институт общественных наук ЦК НДПА.» Что же получается: проверить не можем, но не сомневаемся в их достоверности? Другими словами, не важна истина – необходимо снятие. Налицо попытка количество выдать за качество, что невозможно ни в теории, ни на практике как в философии, так и в юриспруденции.

Прошу обратить внимание на следующие явления: если до снятия было одно или два письма, то после снятия – множество. Значительна расширена социальная база за счет других контрактов и коллективов. Видимо, внутренние резервы исчерпаны. Позволительно спросить: если после моего отстранения выяснилось больше фактов, свидетельствующих о моей вине, то почему не последовали дальнейшие наказания, почему до сих пор меня не изолировали здесь на Родине? Ведь применял же в Афганистане В.А. Ларионов по отношению ко мне и моей жене физические насилия, содержал меня под домашним арестом, морил голодом. В этом ему старательно помогали руководители других контрактов и коллективов А.Ф. Лунин и Б.А. Ширяев, всегда готовые угодить Управлению внешних связей вместе со своими угодниками. Волны этих писем и других материалов появлялись каждый раз после моего обращения к послу, а позже к Вам, Геннадий Алексеевич, с просьбой изучить достоверность фактов того первого письма, на основании которого с чрезвычайной поспешностью Управление дало согласие послу на мое снятие. Они свидетельствуют об организации и упорстве, достойных лучшего применения, с помощью которых Управление пытается похоронить под многослойной клеветой ту первую, которая послужила основой расправы надо мной со стороны В.А. Ларионова и еще одного высокопоставленного лица, имя которого будет названо, если конфликт затянется.

Геннадий Алексеевич! У меня нет стремления возвратиться в Афганистан, мне не нужны должности. Это не просто трудовой конфликт, который «рассматривается в порядке подчиненности». Речь идет о нечто большем: о достоинстве и чести. Ради их защиты готов

пойти работать дворником. Об этом мне пришлось сказать на телефонные угрозы из Главного Управления внешних связей, услышанные во время подготовки указанного ответа. Понимаю, что мне, хохлу с периферии, трудно будет отстоять истину перед столь могущественными столичными бюрократическими ведомствами. Но унижения, которым я подвергался, верность правде, приведут меня не только в вышестоящие партийные и государственные органы, но и правозащитные, если Госкомитет СССР по народному образованию окажется не в состоянии защитить меня, наказать клеветников и их заказчиков. Ответ свидетельствует также о пренебрежении Управления к моему неофициальному отчету, словно в нем говорится только об Афганистане, а не о нашей работе, не о руководстве со стороны Управления.

Прошу Вас, Геннадий Алексеевич, возвратиться к рассмотрению моего заявления от 31 августа 1988 года.

Все сказанное в ответе М.А. Слепцова противоречит содержанию нашей с Вами беседы 15 июля с.г.

Доктор исторических наук, профессор. 19.10.88 г. *Гончарук Г.И.*

Ответил снова М.А. Слепцов 02.12.88 г. «Уважаемый Григорий Иванович! В связи с Вашим повторным заявлением от 19 октября 1988 года сообщаем, что все имеющиеся в распоряжении Гособразования СССР материалы, характеризующие конфликтную ситуацию в Кабульском университете в 1987–1988 учебном году, направлены в партийный комитет Одесского политехнического института для рассмотрения и ответа по существу затронутых Вами вопросов.

*С уважением М. А. Слепцов,
заместитель начальника Главного
управления внешних связей».*

Вот так, дорогой читатель, Слепцов последователен в своих действиях. Он осуществил свои угрозы: московско-афганскую грязь прислал в Одессу, будто у нас своей мало накопилось за годы советской власти. Эти клязусы – своеобразный трофей московской авантюры в Афганистане, так сказать добыча столицы. Следовательно, и место хранения должно определяться местом жительства их законного владельца. Цель ясна: чтобы Гончарук не отмылся до конца жизни. А прикрыта эта цель благовидными словами: для ответа по существу, словно в Одессе – это легче сделать, чем в Москве. Словно Одесса организовывала восточную авантюру. Или Одессе, как и всему советскому народу, отвечать за все скверные действия Москвы? Собственно, всегда наши народы были заложниками и жертвами московских правителей. Неужели этому беззаконию не будет конца?

Интересно, а что же Слепцов написал в партком, какую сопроводилку приложил? Неужто просить ответить по существу? И что он подразумевает под существом? *Читаем:* «Для служебного пользования. Экз. № 1. Одесский политехнический институт. Секретарю парткома тов. Гололобову В.В.

Уважаемый Владимир Васильевич!

По договоренности направляем Вам все имеющиеся в распоряжении Гособразования СССР материалы, характеризующие конфликтную ситуацию, сложившуюся в группе советских преподавателей Кабульского университета в 1987–1988 учебном году, и повлекшую за собой освобождение т. Гончарука Г.И. от занимаемой должности советника ректора и руководителя коллектива советских специалистов Кабульского университета.

Несмотря на устные разъяснения и письменный ответ, данные т. Гончаруку Г.И. в Госкомитете СССР по народному образованию после его возвращения из Республики Афганистан, он продолжает настаивать на создании «независимой от Управления внешних связей комиссии по изучению достоверности фактов», послуживших основанием для отстранения его от должности советника ректора Кабульского университета.

Главное управление внешних связей, исчерпав все разумные доводы и осознав тщетность попыток убедить т. Гончарука Г.И. в ошибочности занимаемой им позиции, просит партийный комитет Одесского политехнического института, давшего в свое время ему рекомендацию для выезда в Афганистан, внимательно изучить все прилагаемые документы и разъяснить т. Гончаруку Г.И. некорректность и бестактность его поведения как во время пребывания в заграникомандировке, так и после возвращения на Родину.

Характеристика т. Гончарука Г.И. направлена ректору ОПИ нашим письмом № 96-23-32/13 от 21.07.88г.

Зам. начальника Главного управления

М. А. Слепцов.

Не буду писать о чиновничьем лицемерии, отраженном в письмах Слепцова: мне – об одном, Гололобову – о другом по одному и тому же вопросу. Лицемерие, по моим убеждениям, является одним из принципиальных требований, нормой поведения работы наших бюрократов. Как партийных, так и государственных. Способность лицемерить – негласный эталон, применяемый при подборе кадров. Неискренность кадров – порождение системы, построенной на произволе аппарата. Приведу выдержку из своего «Опровержения», которое дано под названием «О неискренности т. Слепцова М.А....» «Высокопоставленный администратор указал парткому, какое решение партком должен принять. 26-ти членам парткома остается взять «под козырек» и сказать: «Слушаюсь!» И это по-слепцовски называется ответ по существу».

Гололобов, получив мое объяснение, вопреки моим ожиданиям, не стал создавать комиссию хотя бы для проверки фактов в рамках Одессы, ответил Слепцову так: «Партком...20.03.89 г. М.А. Слепцову... Нами рассмотрены материалы, присланные Вами в партийный комитет Одесского политехнического института, на основании которых с т. Гончаруком проведены беседы. По существу вопросов, касающихся пребывания в ДРА и его взаимоотношений с сотрудниками и администрацией сделать какие-либо окончательные выводы не представляется возможным.

Партком принял к сведению как обвинение в адрес т. Гончарука Г.И., так и его опровержение указанных обвинений.

Секретарь парткома

В. В.

Гололобов».

Как видим, сугубо нейтральную позицию занял секретарь парткома¹. Требовать от него большего не следует. Кому нужно обострение отношений с Гособразованием СССР? И во имя чего? И на том спасибо. Был бы на его месте секретарь посольства Петров Г.И., то бы сумел использовать ситуацию для наработки векселей у вышестоящих.

Однако нейтралитет Гололобова В.В. свидетельствовал о том, что у Гособразования СССР маловато фактов для наказания сутяжника. Окажись достаточно оснований для дальнейшего преследования, не исключено, что секретарь парткома обострил бы ситуацию, ибо мои с ним отношения дружескими не назовешь.

Обращался я дважды к министру иностранных дел Э.А. Шеварднадзе с той же самой просьбой: дать распоряжение о проверке достоверности фактов, изложенных в письме 15-ти и рассмотреть вопрос о защите моих чести и достоинства. Ответы из дома на Смоленской – Сенной площади приходили полные неземной дипломатии. Приведу записи из моего опровержения. «В письмах из МИД СССР больше гибкости. Но из них следует, что для некоторых его работников честь мундира выше истины. В письме заместителя начальника Главного управления кадров и учебных заведений т. Чхиквадзе В.В. от 02.02.89 г., сказано: По просьбе Главного управления кадров и учебных заведений МИД СССР администрацией и общественными организациями советских учреждений в Республике Афганистан была создана представительная комиссия, которая вновь провела тщательную проверку по

¹ См.: «Опровержение», с. 94.

существо Ваших писем от 21 августа и 18 ноября 1988 года. Поступившие от нее подробные материалы и выводы не дают оснований для пересмотра ранее принятых решений».

Можно было бы поблагодарить автора письма за проведенную работу по выяснению сущности ситуации. Однако целый ряд неясностей, допущенных т. Чхиквадзе В.В., вынуждает усомниться в его искренности. Во-первых, в письме написано «вновь провела тщательную проверку». А ведь такой проверки не было. Смотри, например, письмо первого заместителя начальника Главного управления кадров и учебных заведений МИД СССР т. Лоцинина В.В. от 26.10.88 г. Во-вторых, как можно проверить факты, если все советские специалисты, работавшие в Кабульском университете, находятся в СССР? В-третьих, как можно провести «тщательную проверку по существу», не взяв у меня объяснений по каждому обвинению? В-четвертых, как можно было провести проверку достоверности фактов, если многие важные документы, отражающие истинное положение вещей, например, решения Ученого совета советских специалистов Кабульского университета вывезены из РА в СССР? В-пятых, в первом письме заместителя Главного управления внешних связей Гособразования СССР т. Слепцова М.А. говорится, что при нынешней ситуации в РА, при отсутствии там советских специалистов провести изучение фактов невозможно? В-шестых, создавали комиссию те, кто должен нести ответственность за беззаконие».

На мой взгляд, дальнейшие комментарии излишни.

Трижды обращался в Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, к председателю Пуго Б.К. На первые два заявления получил ответ от заместителя председателя Управления В.И. Зубарева. Мне показалось, что их тексты готовил М.А. Слепцов, ибо основная мысль та же, что и в его письмах. Все, мол, законно. Больше Вас никто не трогает, сделайте для себя верные выводы. То есть опять упреки в том, что они правильно действуют, поддерживая клеветников, а я не способен осознать их последовательность. На третье заявление в КПК ответ пришел на имя Одесского обкома, мол, побеседуйте с Гончаруком. Кто он такой, чтоб нас тревожить? Звонит из обкома заместитель заведующего отделом науки и учебных заведений В.В. Литовченко. Приходи, мол, решим твой вопрос. Пришел. Говорит: «Скажи, Григорий Иванович, что ты конкретно хочешь, мои руководители позвонят в ЦК КПСС и ты будешь удовлетворен в своих просьбах». Я спросил: «Кто же будет звонить? Первый секретарь Г.К. Крючков или секретарь по идеологии Р.Б. Боделан?» Не ответил.

Я прикинул: благодаря своим связям они сочинят мне оправдательную бумажку и будут до конца моих дней колоть мне глаза своей добродетельностью, а меня обяжут батрачить на них под угрозой дать огласке мое прошлое. Да еще будут кичиться своим великодушием, зарабатывать общественный капитал, К тому же Крючков Г.К., недавно прибывший из Москвы на пост первого секретаря, уже успел выйти из доверия не только у меня, но и у многих одесситов.

Случилось это так. После моего выступления на совещании обществоведов области, на котором докладывал Крючков, зал поддержал мою позицию, отличающуюся в корне от докладчика. Через несколько дней Крючков появился в моем кабинете со свитой. Стал «изучать» меня на лояльность обкому. Я сказал, что обкому следует перестроиться в корне. Свои соображения могу высказать в личной беседе. Он меня пригласил к себе. Пришел. Принес бумагу с десятью предложениями о перестройке работы обкома. Согласился. Что последовало за этим,— стыдно говорить. Было сделано все, чтобы не только ничего из предложенного не выполнить, но и унижить меня. Не поддался. Афганистан дал мне соответствующую подготовку. Хотел выступить на городской конференции. Не дали. Зато при обсуждении проекта постановления сказал все, что думал. Конференция единогласно приняла все мои три предложения, в том числе о выводе обществоведов из номенклатуры партийных органов. Однако резолюцию конференции газеты не опубликовали. Не трудно догадаться почему. Эти факты — пути моего убеждения в бесперспективности надежд на реформирование партии. Ее легче распустить, чем перестроить. Первопричина

обреченности партии – эгоизм ее аппарата.

Вернемся в кабинет В.В. Литовченко. Я отказался от услуг руководства обкома и предложил создать комиссию для документальной проверки фактов, изложенных в характеристике, в письме 15-ти и в других документах. Литовченко вышел якобы по срочному звонку. Явился с мнением: они согласны создать комиссию.

Через пару дней приглашают. Справка комиссии готова. В комиссии двое А.В. Глотов, аспирант юридического факультета ОГУ, бывший прокурор в Донецке, и профессор Г.Е. Петухов. Прочитал. Поразился юридической и грамматической безграмотности. Промолчал. Попросил встречи с членами комиссии. Назначили на завтра. Я пришел. Явился только Петухов... Дали мне слово. Сказал: «Уважаемый коллега. Я вас знаю по университету давно. Я не верю, что бы вы могли составить позорящую не меня, а вас бумагу. Достаточно сказать, что вы ни разу не встретились со мной и не знакомились с документами, которыми я располагаю...»

К чести профессора он оказался на высоте. Петухов сказал: «Григорий Иванович, я вас знаю еще юношей. Мои симпатии на вашей стороне. Однако скажу честно, что в своей жизни я много натерпелся еще с молодых лет. Поэтому теперь, как и раньше, когда меня вызывают в обком партии, я подпишу, что угодно. Простите меня».

Он на миг остановился. Видно, тяжело стало сознавать свое положение, горькие воспоминания сжимали горло. Потом продолжил: «Если Виктор Васильевич мне разрешит, то я в вашем, Григорий Иванович, присутствии уничтожу эту бумагу, где стоит моя подпись». С этими словами он решительно перегнулся через стол и протянул руку к бумаге, которая лежала перед Литовченко. Тот инстинктивно, резко потянул бумагу к себе.

Моя реакция была тоже молниеносной. Я сказал: «Все понятно, Виктор Васильевич! В этой бумаге заинтересованы вы. Не исключено, что она написана под вашу диктовку».

Литовченко, не выдержав двойной атаки, в сердцах порвал фильшивку и выбросил в корзину. Наступила мертвая тишина. Литовченко стал лихорадочно курить. Чтобы смягчить его неловкое положение, я попросил у него сигарету. Закурил и Петухов. Было от чего.

Прервал паузу Григорий Евсеевич. Ссылаясь на то, что он специалист по государству и праву, а мое дело требует юристов более высокой компетенции, предложил поручить подготовить справку ученым с кафедры криминалистики. Я согласился. Литовченко стал нас убеждать, что это лишние заботы. У обкома, мол, уже сложилось мнение.

Поблагодарив коллегу Петухова за проявленное мужество, я зашел к секретарю обкома Р.Б. Боделану. Высокий, стройный, со смуглым лицом, темными глазами и волосами, узковатым лбом и длинноватым носом, жестким от незначительного косоглазия взглядом. Я его знал и раньше. Плохого о нем сказать не могу. Он где-то посередине между добром и злом. Встретил он меня стандартно. Я передал ему предложение профессора Петухова. Он пригласил Литовченко и велел создать комиссию из криминалистов.

Через несколько дней меня пригласил Литовченко. Представил двух доцентов криминалистов Н.А. Мирошниченко и В.В. Тищенко – членов комиссии. Третий – Демин – заболел, подключится позже. Мирошниченко обрадовалась нашей встрече. Оказалось, что она моя студентка. Я был руководителем ее научной студенческой работы, которая была удостоена диплома победителя республиканского конкурса. Она до сих пор с благодарностью вспоминает меня, ибо выступала на республиканской конференции с докладом и произвела там хорошее впечатление.

Членами комиссии в присутствии Литовченко мне было предложено подготовить проект справки (болванку), в которой слева указать обвинения, а справа документальные свидетельства. После чего явиться на кафедру криминалистики со всеми документами, которые будут названы в справке. Дней двадцать было потрачено на подготовку, как говорят бюрократы, этой «рыбы».

В условленное время принес на кафедру. Около полутора часа прождал в коридоре.

Появился секретарь партийного бюро факультета Харитонов с кафедры гражданского права. Представился как член комиссии вместо беспартийного Демина. Стал уговаривать меня подать в суд, мол, самое верное дело. Я спросил: «На партком в РА и бывшего посла, ныне пенсионера, как подашь в суд?» Сам не знает. Потом все трое долго совещались. Затем мужчины исчезли, а Наталья Анатольевна пригласила меня за свой стол в преподавательской.

Смотрю на нее. Очень она не спокойна. Видимо, начался процесс сделки с совестью. Пыталась меня воспитывать. Мол, я веду себя напряженно. Еще бы! Мою судьбу берет в руки моя воспитанница. Как она распорядится ею? Как подсказывает совесть, или как сказал обком через Харитонova? Она берет справку. Просит показать каждый названный документ. Первые пять обвинений документами опровергнуты без сомнений. Она смотрит в документы, я смотрю на нее. Да, я ее помню. Очень красивая была студентка. Одесситка, выделялась в группе взрослых студентов-юристов. Она и сейчас еще сохранила прелестные черты украинской дивчины и приобрела не менее прекрасные черты матери. У нее дрожат руки. Она мне делает замечание, что называется, на ровном месте. Я ее не понимаю. Сейчас что-то должно произойти. Вот оно. Наташа закрывает папки с документами, возвращает их мне и говорит: «Достаточно».

- Но вы, Наталья Анатольевна, не сверили и десятой части пунктов проекта справки.

- Мы решили, что распространяться не будем.

Все ясно. Мирошниченко дрожит не случайно. Не в своей воле находится. Обижаться на нее не стану – сам воспитывал. А почему, собственно, она должна быть подписана? Ведь кафедра криминалистики – ячейка всей десятилетиями отшлифованной системы. Если бы Мирошниченко подписала, то ее ждали бы неприятности. Подписанная справка – это перебой системы, смертельные симптомы для ее выкорышей. Для меня же она войдет в будущую книгу. Ее место здесь.

СПРАВКА

О документальной проверке обоснованности обвинений в адрес доктора исторических наук, профессора Гончарука Г.И., бывшего советника Кабульского университета, ныне заведующего кафедрой истории КПСС Одесского политехнического института, содержащихся в ряде письменных материалов.

По поручению Одесского областного комитета Компартии Украины комиссией в составе доцентов кафедры криминалистики уголовного права и процессов юридического факультета Одесского государственного университета, кандидатов юридических наук, доцентов Мирошниченко Н.А., Тищенко В.В. и ... у с т а н о в л е н о :

В ХАРАКТЕРИСТИКЕ:

1. «...бывшего руководителя группы советских специалистов Кабульского университета, с мая переведен в коллектив преподавателей-консультантов Института общественных наук ЦК НДПА».

2. «За время работы в Республике Афганистан советским коллективом под руководством Гончарука Г.И. были проведены две научно-практические конференции «Великий Октябрь и молодежь Афганистана» и «Политика национального примирения и молодежь Афганистана».

В ДОКУМЕНТАХ:

1. Не подтвердилось.

1). В «Направлении № 7308» от 2.09.87 г. Минвуза СССР – «в качестве советника Кабульского университета»;

2) в «Справке», заверенной печатью Консульского отдела №2 Посольства СССР в Республике Афганистан – «...с 4 сентября 1987 года по 22 апреля 1988 года работал советником Кабульского университета, а с 23 апреля 1988 года по 11 июля 1988 года работал советником-консультантом Института общественных наук Центрального Комитета Народно-демократической партии Афганистана».

2. Не подтвердились.

1) Конференции организованные афганской стороной – ЦК ДОМА и МВСО РА, в составе оргкомитета, руководителей секции – все афганские ученые, среди участников – две трети афганцы;

2) статус конференций: первая – Всеафганская научнр-теоретическая; вторая – Всеафганская научно-практическая.

3) в опубликованных отчетах афганского оргкомитета Гончарук Г.И. в обоих случаях назван как инициатор и принимавший активное участие в организации и работе конференций.

4) Гончарук Г.И. значится как председатель редакционной коллегии сборника материалов, представленных на русском языке, обоих конференций.

СМ.: афганские документы:

Программы конференций, опубликованные сборники материалов «Великий Октябрь и молодежь Афганистана» Кабул, 1987, и «Политика национального примирения и молодежь Афганистана», Кабул, 1988, в которых помещены отчеты оргкомитетов и их состав;

Советские документы: постановления собраний партийной организации советских специалистов Кабульского университета протокол № 2 от 29 ноября 1987 года, протокол № 3 от 27 декабря 1987 года, протокол № 5 от 28 февраля 1988 года. Постановления Ученого совета советских специалистов КУ, протокол заседания № 1 от 22 ноября 1987 года, протокол № 7 от 17 апреля 1988 года.

3. «Расширен набор афганских специалистов в аспирантуру...».

4. «...продолжена работа по выполнению решения Секретариата ЦК НДПА о проведении семинарских занятий по общественным наукам на негуманитарных факультетах Кабульского университета».

5. «Не правильно строил свои отношения с людьми, проявляя к отдельным из них грубость, высокомерие и амбициозность».

6. «При осуществлении советнической деятельности не всегда учитывал мнение трудового коллектива в организации учебного процесса, повышении научной компетенции афганских кадров и подготовки их к самостоятельной работе».

3. Не подтвердилось:

1) Гончарук Г.И. – инициатор открытия аспирантуры в Кабульском университете, в которую было принято 42 человека.

2) руководитель трех аспирантов.

См.: *афганские документы*: благодарственные письма ректора и секретаря парткома НДПА Кабульского университета в адрес Председателя Гособразования СССР Ягодина Г.Д., ректора Одесского политехнического института, газета «Кабульский университет» от 26 января 1988 года, пригласительный билет и программа мероприятия по открытию аспирантуры;

советские документы: постановление Ученого совета советских специалистов Кабульского университета, протокол № 1 от 22 ноября 1987 г., постановление собрания партийной организации советских специалистов, протокола № 2 от 29 ноября 1987 г.

4. Не подтвердилось: Гончарук Г.И. инициатор «внедрения семинарских занятий по общественным дисциплинам».

См.: благодарственные письма руководства Кабульского университета Ягодину Г.Д., Малахову В.П. и Гончаруку Г.И.

5. Не подтвердилось. Ни в одном из постановлений партийных собраний советских специалистов Кабульского университета и партийного бюро не говорится об этих качествах. Обвинение в этом ряда коммунистов на собрании 28.02.88г. в ответ на доклад Гончарука Г.И., содержащий требование усилить все виды деятельности, не нашло поддержки в решении собрания. См.: протокол № 5 открытого партийного собрания организации советских специалистов Кабульского университета от 28 февраля 1988 года.

5. Не подтвердилось.

Ни в постановлениях партийных собраний, бюро, заседаниях Ученого совета советских специалистов КУ, ни в решениях профсоюзных собраний и профкома, ни в афганских документах не предъявлено данное обвинение в адрес Гончарука Г.И. Называется другое: Гончарук Г.И. явился организатором и активным организатором ряда полезных инициатив: внедрение курса диалектического материализма и социально-политических уче-восстановление курса «Основы НИИ», внедрение семинарских занятий по общественным дисциплинам, предложение и разработки новой учебной дисциплины «Политика национального примирения: сущность, опыт, задачи» с общественным зачетом, которая нашла поддержку президента Наджибуллы на январском 1988 года Пленуме ЦК НДПА, а будучи членом Ученого совета афганских ученых КУ, выступал с постановкой вопроса о развитии кафедры философии, подготовки научных кадров в КУ, о создании в

7. «Аппарат советника по экономическим вопросам Посольства СССР в РА, партийный комитет партийной организации советских учреждений в РА, коммунисты контракта неоднократно обращали внимание т. Гончарука Г.И. на необходимость изменить стиль и методы руководства коллективом».

8. «...награжден медалью 10-летия Апрельской революции».

Кабульском университете вычислительного центра, физико-математического и химико-биологического факультетов, инициатор открытия аспирантуры. Аспиранты, руководимые Гончаруком Г.И., успешно выполняли свои индивидуальные планы.

См.: все выше названные советские и афганские документы.

7. Не подтвердилось:

1) Постановление партийно-профсоюзного собрания парторганизации советских специалистов Кабульского университета от 29 ноября 1987 г. по «Отчету коммуниста тов. Гончарука Г.И. о совершенствовании стиля и методов руководства коллективом советских специалистов».

1. Одобрить работу тов. Гончарука Г.И. по совершенствованию стиля и методов руководства коллективом советских специалистов.

2. Отметить инициативность его деятельности, которая проявилась в организации и проведении научно-теоретической конференции в восстановлении курса «Основы социально-политических учений», в организации аспирантуры.

3. Рекомендовать проводить еженедельные встречи с советниками факультетов и кафедр, установить более тесные контакты с кураторами Минвуза СССР и АЭС для более четкой координации работы в университете».

Принято единогласно.

П). В постановлении открытого партийного собрания от 27 декабря 1987 года с повесткой дня «О работе партийного бюро по руководству перестройкой в коллективе советских специалистов Кабульского университета» стиль работы члена бюро Гончарука Г.И. не осуждается.

Ш). В постановлении открытого партийного собрания организации советских специалистов КУ от 28 февраля 1988 г. содержатся требования к партийному бюро «активно влиять на перестройку методов и стиля руководства в коллективе», а к Гончаруку более равномерно планировать учебную нагрузку преподавателей. Как следует из документов, на заседаниях партийного бюро и на заседаниях парткома не шла речь о стиле работы Гончарука Г.И. Из постановлений партийных собраний, бюро, заседаний Ученого совета не видно, чтобы Гончарук Г.И. не выполнил какое-либо конкретное требование руководящих органов. Мнения же отдельных коммунистов руководитель не всегда в состоянии учесть, тем более, если они выражают групповой, эгоистический интерес или противоправны.

8. В наличии: кроме указанной медали, три медали ЦК ДОМА «Слава», «За успехи в труде», «За мужество». Почетная грамота ЦК НДПА «За большой вклад в дело укрепления афгано-советской дружбы, осуществление курса национального примирения, подготовку национальных

9. Делается вывод о недисциплинированности Гончарука Г.И. на основании его отказа присутствовать на партсобрании советских специалистов КУ и заседании парткома при утверждении его характеристики.

Обвинения в адрес Гончарука Г.И., изложенные в письме 15 советских специалистов, работавших в Кабульском университете к послу т. Егорычеву Н.Г. от 17 апреля 1988 г.

В ПИСЬМЕ:

1. «...условия, созданные руководителем контракта не позволяют полностью реализовать интеллектуальный и педагогический потенциал советских специалистов».

В ДОКУМЕНТАХ:

Не подтвердилось.

1) В двух афганских научных конференциях, организованных по инициативе Гончарука Г.И., участвовало 219 афганских и 138 советских ученых и преподавателей, в том числе все авторы указанного письма, из них 12 опубликовали свои выступления, некоторые по 2–3 выступления в сборнике материалов указанных конференций;

2) благодаря открытию аспирантуры (по инициативе Гончарука Г.И.), 8 советских специалистов стали соруководителями аспирантов.

См.: «Отчет о работе коллектива советских специалистов Кабульского университета за 1987/88 уч. год».

3) спецкурс «Политика национального примирения: сущность, опыт, проблемы», предложенный Гончаруком Г.И., разрабатывали девять советских и девять афганских преподавателей;

4) требование Гончарука Г.И. проводить семинары по общественным наукам, читать диалектический материализм, иметь учебную нагрузку согласно нормам способствовало раскрытию научно-педагогического потенциала преподавателей.

См.: все названные выше документы.

5) «Почетная грамота», которой был награжден коллектив советских специалистов, занявших третье место в трудовом соревновании среди 149 советских коллективов

кадров для Республики Афганистан», подписанной членом Политбюро, секретарем ЦК НДПА Султаном Али Кештмандом, Почетная грамота парткома, ректората и профкома Кабульского университета «в знак признания Ваших успехов в развитии науки, руководства подготовкой научных, педагогических и технических кадров», почетная грамота ректора Кабульского университета за оказание помощи в организации учебно-методической и научно-исследовательской работы и подготовке преподавательских кадров, благодарственное письмо ректора и секретаря парткома Кабульского университета и таких писем в адрес Председателя Гособразования СССР Г.А. Ягодина и ректора ОПИ В.П. Малахова с перечислением основных результатов работы Гончарука, благодарственное письмо ректора Института общественных наук ЦК НДПА и секретаря парткома «за большой вклад в дело организации учебной и научной работы».

9. Не подтвердилось.

Снятый с партийного учета, т.е. уже не являющийся членом данной организации, коммунист не обязан присутствовать на собраниях или заседаниях парткома.

2. «...коллектив лихорадит нервозность». Виновен Гончарук Г.И.

3. «...виной тому является командно-волевой стиль управления тов. Гончарука Г.И., попиране им принципа демократизма и гласности...»

4. Гончаруку Г.И. присущи «такие противоречащие нормы партийной жизни и общественной этики методы как шантаж, интриганство, обман, преследование неугодных ему специалистов и гонение за критику, провоцирование ситуаций».

5. «Даже такие полезные начинания, как две научно-теоретические конференции, подготовка на языке дари курса лекций по политике национального примирения для чтения его афганскими преподавателями, были использованы им для открытой саморекламы и самовосхваления, что не могло остаться незамеченным как в афганском, так и в советском коллективах. Качество этих мероприятий оставляет желать лучшего».

в РА в IV квартале 1989 года свидетельствует о раскрытии в указанное время научно-педагогического потенциала советских специалистов КУ.

6) из «Отчета», подписанного М.Н. Мамадназарбековым не вытекает, что с уходом Гончарука Г.И. научно-педагогический потенциал коллектива раскрылся больше. Наоборот.

2. Не подтвердилось.

1) согласно выступлениям участников партийного собрания 28 февраля 1988 года коллектив лихорадило до Гончарука Г.И. не меньше, а согласно писем советских специалистов послу Егорычеву 25.04.88г. и заместителю Министра ВССО СССР Белову А.Н. от 28.05.88 г. после ухода Гончарука Г.И. коллектив стало лихорадить еще больше.

3. Не подтвердилось.

Согласно протоколам основные вопросы организации учебно-методической, научной и воспитательной работы решались на заседаниях Учебного совета советских специалистов согласно плану, утвержденному самим советом. Нет фактов и документов о командно-волевом стиле Гончарука Г.И.

4. Не подтвердилось.

В постановлениях партийных собраний, партийных бюро указанные черты Гончарука Г.И. не отмечались. Отдельные голословные обвинения на партсобрании 28.04.89 г. были опровергнуты в заключительном слове Гончарука Г.И. и не получили поддержку собрания. Фактов преследования специалистов за критику не обнаружено.

5. Не подтвердилось.

1). Письмо написано 17.04.89 г., а вторая конференция состоялась 2–7 мая 1988 г. Авторы дают окончательную оценку тому событию, которое еще не состоялось. Тоже можно сказать и о спецкурсе по политике национального примирения, который к тому времени находился в состоянии разработки афганскими преподавателями.

См.: письмо председателя коллектива афганских авторов (май, 1988 г.)

2). В отчетах афганских оргкомитетов указанных конференций, опубликованных в названных выше сборниках, Гончарук Г.И. в числе 10 (в первом случае) других организаторов конференций представлен к поощрению. Среди 23 человек – трое советских, остальные – афганцы.

3). В опубликованных отчетах и в выступлениях члена Политбюро, секретаря ЦК НДПА Х. Масуда афганской стороной даны высокие оценки конференции, указаны недостатки.

4). Во всех решениях советского коллектива КУ дана объективная, взвешенная положительная оценка первой конференции. Особенно лестно о ней отзывался в своем выступлении на Ученом совете в ноябре 1987 г. М.Н. Мамадназарбеков. За допущенные извращения информации о работе одной из

6. Большой абзац, в котором обвиняется Гончарук Г.И. в упразднении советнической деятельности наших преподавателей.

7. «Тов. Гончарук Г.И. не сохранил позиций советских преподавателей-обществоведов».

В подтверждение приводятся факты – уход к.э.н. доцента Твердохлеба В.А. в политехнический институт и дозагрузка учебной работой профессора Асеева В.А. в ИОНе при ЦК НДПА, и выражается уверенность, что здесь Гончарук Г.И. «на первый план ставит свои личные интересы».

8. Содержится обвинение в адрес Гончарука Г.И. в болезненном реагировании за доброжелательную критику и преследовании за критику Асеева В.А., Твердохлеба В.А., Мамадназарбекова М.Н., Архипову Т.А.

9. Утверждается, что Гончаруку Г.И. не раз указывалось на партийных собраниях на его грубые ошибки и на недопустимость их повторения впредь и обращения авторов письма с жалобами в вышестоящие инстанции. Как следствие того – частое присутствие на партийных собраниях представителей парткома и АЭС, которые проводили

секций М.Г. Шарца принес извинения на заседании партийного бюро (См.: Протокол № 6, заседания партийного бюро организации советских специалистов Кабульского университета от 1 декабря 1987 года, с. 70–76). Оба ученых – авторы указанного письма.

6. Факт имел место. Но прав Гончарук Г.И. Введение дополнительно большого числа советников было сделано самими советскими преподавателями с целью поднятия собственного статуса в ущерб своим прямым обязанностям – учебной и научной работе. Принятый в одностороннем порядке советскими преподавателями в 1986–1987 уч. году документ «Основные принципы и направление советской деятельности в Кабульском университете» (См.: «Кабульский университет. Краткая справка» 1987, с. 30–33) свидетельствует о самоуправстве, грубом вмешательстве советских преподавателей в работу афганских ученых и коллективов преподавателей. С осуждением подобной практики говорил президент Наджибулла.

См.: газета «Правда» от 28 ноября 1989 года.

7. Не подтвердилось.

1) В вышеприведенных фактах и документах доказывается обратное – все внедренные инициативы Гончарука Г.И. были направлены на укрепление общественно-политических позиций;

2) факт с Твердохлебом В.А. неудачный, ибо он экономист, а не обществовед. К тому же он перешел в КПИ по собственному желанию по причине незначительной учебной нагрузки в КУ. Что же касается Асеева В.А. 30.01.88 г., т.е. задолго до распределения учебной нагрузки, руководитель советского коллектива в ИОН при ЦК НДПА Дзюбенко П.В. в письме к Гончаруку Г.И. просил разрешить Асееву В.А. прочитать курс лекций в ИОН ввиду отсутствия там специалистов. Нагрузка Асеева В.А. в университете осталась такой же, как и в предыдущем учебном году – 6–8 часов в неделю.

(См.: план индивидуальной работы Асеева В.А. в 1986–1987 уч. году. В «личных интересах» Гончарука Г.И. было бы лучше не поднимать вопросы о малой учебной нагрузке. Следовательно, интересы дела ставил выше.

8. Не подтвердилось. Зафиксированные в протоколе выступления названных специалистов доброжелательными назвать нельзя, факты преследования за критику не называются. Собрание их обвинение не приняло к сведению (См.: Протокол № 5 открытого партийного собрания от 28 февраля 1988 г.)

9. Не подтвердилось.

Ни в одном постановлении партийных собраний Гончаруку Г.И. не указывалось. Присутствие вышестоящих лиц, на собраниях в КУ, – норма их работы за рубежом. На собраниях в КПИ они присутствовали не реже. Ни в каком коллективном документе не указано о жалобах. Гончарук Г.И. отрицает наличие таких жалоб и частных бесед по их поводу в

частные беседы с Гончаруком Г.И.

10. Содержится обвинение в адрес Гончарука Г.И. в шантаже с целью сожжения протокола производственного собрания кафедры русского языка от 5.04.88 г. и в ложной информации о решении АЭС выслать четырех преподавателей кафедры.

11. Содержатся утверждения о том, что «деятельность Гончарука Г.И. наносит ущерб нашему общему делу и дискредитирует советскую школу» и т.д.

12. Утверждается: целый семестр».

13. «Убедительно просим Вас дать возможность всему коллективу контракта выполнить интернациональный долг с полной отдачей сил, освободив тов. Гончарука Г.И. от занимаемой должности».

14. На письме резолюция посла СССР в РА Егорычева Н.Г. от 22 апреля 1988 года: учитывая мнение парткома и экономического советника снять Гончарука Г.И. с занимаемой должности. Избрать и.о. руководителя.

парткоме.

2) Встает вопрос: откуда жалобщики знали о содержании бесед Гончарука Г.И. в парткоме и АЭС, если об этом ни они, ни коллектив не информировался? И почему если было так много жалоб, то не было ни одной комиссии по их проверке?

10. Не убедительно.

Гончарук Г.И. утверждает, что за указанную информацию принес извинения «и за советника тоже» Гуцин О.С., который передал через Гончарука Г.И. зачинщикам конфликта, а Гончарук Г.И. извинился перед Гуциным О.С. в присутствии кафедры за то, что воспринял информацию в буквальном смысле. Если это так (авторы письма об этом умалчивают, а вот авторы письма от 28.04.88 г. утверждают, что извинения имели место), то обвинения в адрес Гончарука Г.И. неправомерны. Для выяснения вины Гончарука Г.И. необходимо в данном случае определить причины конфликта на кафедре русского языка, кто в нем был заинтересован, как конфликт следовало ликвидировать и как он был ликвидирован. Авторы письма Послу СССР в РА от 25.04.88 г. и в Гособразование СССР от 28.05.89 г. называют этот конфликт провокационным. В нем был заинтересован Ващенко А.П. Гончарук Г.И. в своем объяснении тоже склонен к такой оценке.

11. Не подтвердилось. Обвинения голословны. Приведенные выше документы опровергают такую оценку работы Гончарука Г.И.

12. Не подтвердилось. Письмо написано 17 апреля 1988 года, а в мае-июне начался отъезд основной массы советских специалистов. Авторы, обвиняя Гончарука во лжи, сами грешат неискренностью.

13. Не подтвердилось.

1) Насколько нам известно, понятие интернациональный долг применимо только к военнослужащим, воевавшим в Афганистане. Авторы письма, видимо, пренебрегли тем, что каждому из них наша страна выплачивала около 2000 руб. в месяц и надежно охраняла их.

2) Из отчета об итогах работы нельзя сделать вывод, что коллектив прибавил в работе, а психологический климат улучшился после ухода Гончарука Г.И. Скорее наоборот.

14. Резолюция свидетельствует о том, что послом нарушены элементарные нормы рассмотрения жалоб и писем трудящихся. В отношении Гончарука Г.И. попораны элементарные требования этики: даже для видимости не были изучены достоверность фактов, истинные цели авторов, не побеседовали с Гончаруком Г.И. и даже не взяли у него объяснений. Весь процесс подготовки и прохождения письма, а также снятие советника совершался в глубокой тайне. Так на словах сторонники перестройки на деле демонстрировали пренебрежение ее важнейшими принципами: демократизация, гласность, гуманизм.

В «Отчете о работе коллектива советских специалистов Кабульского университета за 1987/1988 уч. год».

В связи с изложением выше документальных оценок по ряду основных обвинений в адрес Гончарука Г.И. мы не видим необходимости проводить их снова по аналогичному инкриминированию.

1. Проф. Гончарук Г.И., председатель редакционной коллегии, вывел из ее состава неугодных ему профессоров философии Асеева В.А., профессора политэкономии Мамадназарбекова М.Н., кандидата юридических наук, доцента Шарце М.Г.

2. «...все специалисты университета в течение учебного года занимались подготовкой и проведением конференции, а также публикацией их материалов по тематике докторской диссертации профессора Гончарука Г.И., связанной с проблематикой молодежи».

3. Конференции были проведены в большой спешке. Материалы конференций вышли значительно позже проведения самих конференций.

4. «Однако курс лекций «Политика национального примирения: сущность, опыт, проблемы» был забракован из-за грубых политических ошибок и некомпетентности в элементарных вопросах афганской деятельности, обнаруженных в разделах, написанных профессором т. Гончаруком Г.И. и доцентами т. Слепоморым Р.А. и Болдыревым А.М. и т. д.

1. Не подтвердилось. Из решения ученого совета советских специалистов 17 апреля 1988 года:

«I. Редколлегию сборника утвердить после редактирования материалов», т.е. по фактическому вкладу в работу над материалами. Никто из указанных лиц ему помощь в редактировании не оказывал.

2. Не подтвердилось.

1) Из 15 авторов письма от 17.04.88 г. только трое участвовало во второй конференции, а в подготовке сборника – никто.

2) Гончарук Г.И. защитил докторскую диссертацию в 1983 году, конференции не могли влиять на ее подготовку.

3) успешно проведенная конференция – показатель удачно выбранной проблемы.

4) участие в конференции не наказание – а добровольный праздник настоящего ученого или преподавателя.

3. Не подтвердились.

Материалы первой конференции были изданы на второй месяц, а второй – в течение первого месяца. Для публикации сборников, объемом более 13 п.л. каждый, указанные сроки могут быть отнесены к числу своеобразных рекордов в работе редколлегии и типографии. Авторы отчета, видимо, перепутали тезисы докладов, которые обычно печатаются до конференции, с материалами конференции, которые не могут выйти раньше самой конференции.

4. Не подтвердились. Письмо на университетском бланке, с подписью, скрепленное печатью: «Уважаемый Григорий Иванович! Как Вам известно, первый вариант рукописи спецкурса «Политика национального примирения: сущность, опыт, задачи», планы семинарских занятий и «Положение об общественном зачете», представленные коллективом советских авторов, руководителем которого Вы являетесь, в марте–мае этого года, согласно нашей договоренности, переводились и дорабатывались коллективом афганских авторов. Особенно большой доработке подверглись лекции Асеева В.А., Мамадназарбекова М.Н. и Соляпика В.Ф. Однако теперь, когда сборник готов к печати, опубликована

5. В отчете: «Что касается курса лекций, подготовленных советскими специалистами, то часть наиболее ценных текстов проф. Гончарук Г.И. присвоил и отказался их вернуть авторам проф. Асееву В.А. и доценту Солянику В.Ф.».

6. «Введенные прежними советниками плановые начала в научно-исследовательскую работу университета не были продолжены проф. Гончаруком Г.И., советским специалистам не были созданы необходимые условия для совместных афгано-советских исследований. Это была грубая ошибка проф. Гончарука Г.И., она говорит о его некомпетентности и нарушении им принципов преемственности. Было по существу ликвидировано, что создавалось годами».

7. Особенно большим количеством теоретических и политических ошибок и низким общим уровнем отмечаются материалы доклада на пленарном заседании самого профессора Гончарука Г.И. (См.: с. 12-21).

8. Другие многочисленные грубые

программа коалиционного правительства, этот важный этап политики Национального примирения должен быть широко отражен в сборнике. Афганские авторы приступили к работе. После завершения и дополнительного рецензирования сборник будет подготовлен к печати. Параллельно нами размножен вопросник и ведется подготовка к приему общественного зачета, который состоится в конце июля 1988 года. Председатель коллектива афганских авторов, ректор».

4. Не подтвердились.

Из письменного объяснения Гончарука Г.И. согласно правилам издания рукописи остаются в издательстве. В противном случае издатели не в состоянии будут опровергнуть возможные претензии авторов в достоверности. Однако, 10 июля 1988 года, накануне отъезда на Родину, Гончарук Г.И. встретил на территории посольства Асеева В.А., который в присутствии Петроса Петросяна стал угрожать судебной расправой за похищение его открытий. В этой ситуации Гончарук Г.И. под расписку взял рукописи Асеева В.А. и Соляника В.Ф. до востребования афганской стороной с целью подготовиться к возможным тяжбам со стороны авторов. Кстати, у Гончарука Г.И. имеется письменное требование указанных ученых вернуть рукописи. Зачем они их требовали, остается не выясненным. Возможно, они не надеялись на то, что афганская сторона с пониманием отнесется к Гончаруку Г.И. и будет прецедент для предъявления иска. Ведь их много, а Гончарук Г.И. – один.

6. Не подтвердились.

Во всех протоколах собраний и заседаний Ученых советов, в других документах нет таких обвинений в адрес Гончарука Г.И. О чем конкретно идет речь не понятно. Однако важно другое: М.Н. Мамаднazarбеков был заместителем Гончарука Г.И. по НИР. Создание требуемых условий и обеспечение преемственности в плановых НИР входило в прямую обязанность именно Мамаднazarбекова М.Н. – автора отчета.

7. Не подтвердилось.

По нашей просьбе специалистами был прорецензирован доклад Гончарука Г.И. Оценка рецензентов прямо противоположная.

8. Не подтвердилось. Они

нападки на результаты работы Гончарука Г.И.

аргументированно опровергаются приведенными выше документами.

В «Справке об основных событиях, связанных с работой т. Гончарука Г.И. в Афганистане» представителя Гособразования СССР в Торгпредстве СССР в РА т. Ларионовым В.А.

1. Ларионов В.А. отмечает основные расхождения взглядов его и Гончарука Г.И. в характеристике коллектива, высказанные на партийном собрании 29.11.87 г., что послужило причиной заявления Гончарука Г.И. о переводе на другую работу.

1. Не подтвердилось.

Из протокола указанного собрания видно, что выступавшие после заключительного слова, т.е. сверх регламента, коммунисты Габитов Т.Х. и Аполлонова А.П. опровергли обвинения в адрес Гончарука Г.И. Речь шла об оценке конференции, против проведения которой Б самом ее начале высказывался Ларионов В.А. и секретарь парткома Петров Г.И. (О последнем говорится в материалах Гончарука Г.И. в КПК при ЦК КПСС).

Содержание заявления Гончарука Г.И. не вытекает из объяснений Ларионова В.А., оно ближе к выступлению Аполлоновой А. П. «Экономическому советнику при Посольстве СССР в ДРА тов. Петрову А. Ф. советника Кабульского университета проф. Гончарука Г.И. Заявление. В связи с непониманием и предвзятой оценкой наших инициатив по перестройке работы советских специалистов Кабульского университета со стороны куратора Минвуза СССР товарища В.А. Ларионова, высказываемыми им неоднократно в течение продолжительного времени мне лично и публично провозглашенными на партийно-профсоюзном собрании названного коллектива 21.11.87, не вижу смысла более находиться на должности советника КУ и прошу перевести меня на должность заведующего (советника) кафедры философии Кабульского университета, что, между прочим, будет соответствовать моему нынешнему окладу, указанному в аттестате 30.11.87 года г. Кабул «Подпись».

2. Ларионов В.А. утверждает, что после беседы с Гончаруком Г.И., он поблагодарил за замечания и разорвал заявление.

2. Не подтвердилось.

1) если Гончарук Г.И. разорвал заявление, то откуда взялась копия этого заявления в досье на Гончарука Г.И. Даже, если копия была снята до беседы, то ее необходимо было вернуть с оригиналом ее автору. Из справки видно, что Ларионов В.А. не присутствовал во время беседы, протокол беседы тоже не велся, однако куратор уверенно передает содержание беседы, словно он являлся ее участником или свидетелем. Гончарук Г.И. утверждает, что он попросил назад заявление после того, как его заверили, что Ларионов В.А. изменит свое отношение к работе советника.

3. Ларионов В.А. утверждает, что

3. Не подтвердилось. Все

ряд преподавателей обратился с жалобой на самоуправство Гончарука Г.И., заставляющего писать заявление на выезд вместе со студентами в город Кандагар для его восстановления. С Гончаруком Г.И. была проведена беседа офицером безопасности о недопустимости повторения подобных действий.

4. Ларионов В.А. утверждает, что 02.02.88г. трое специалистов обратились с жалобами на Гончарука Г.И. В ответ был проведен личный прием специалистов, в котором приняло участие 26 человек, в ходе которого были высказаны замечания в адрес Гончарука Г.И. как руководителя.

5. Ларионов В.А. сообщает, что Гончарук Г.И. 11.02.88 г. был на приеме у президента РА Наджибуллы, не поставив в известность Посольство и руководство АЭС. Ему было указано т. Чубаровым Ю.Ф. о недопустимости несанкционированных выходов к руководству РА.

6. Ларионов В.А. сообщает, что после партийного собрания 28.02.88г. была направлена информация в Минвуз СССР с просьбой освободить Гончарука Г.И.

двенадцать заявлений советских специалистов, изъявивших желание поехать вместе с афганскими преподавателями и студентами на восстановительные работы в Кандагар, свидетельствуют об отсутствии насилия со стороны Гончарука Г.И. Например: Твердохлеб В.А. – «Прошу учесть мою просьбу при формировании группы преподавателей, убывающих в г. Кандагар на восстановительные работы

16.12.87г. «Подпись». Колесов В.В. – «Прошу зачислить меня в группу специалистов, выезжающих на восстановление г. Кандагара 16.12.87г. «Подпись». Терентьев В.А.– «Прошу Вас зачислить меня в стройотряд для работы по восстановлению г. Кандагара и направить меня туда в составе первой группы: 20.12.87г. «Подпись». (Все четверо авторы письма послу 17.04.88г.) Посол Можаяев П.П. через Гущина О.Н. передал благодарность написавшим заявление и просил отметить это проявление дружеского чувства в характеристиках. Гончарук Г.И. отвергает обвинения Ларионова В.А. как тенденциозные. Афганская сторона дала высокую оценку проявленной готовности советских специалистов отправиться вместе с афганскими коллегами и студентами на восстановление Кандагара.

4. Странное рассмотрение жалобы: вместо того, чтобы изучить и обсудить их в присутствии Гончарука Г.И., совершается поход за сбором новых жалоб да еще при закрытых дверях.

Документальных свидетельств об этой жалобе и названных замечаний в адрес Гончарука Г.И. не обнаружено.

5. Не подтверждается. Гончарук Г.И. отрицает обвинение Ларионова В.А. Санкция явиться по приглашению президента была дана его советником, о чем было сообщено Гончаруком Г.И. АЭС, в том числе и Ларионову В.А. К Чубареву Ю.Ф. Гончарук Г.И. обратился по своей инициативе с просьбой защитить его от Ларионова В.А., который многократно и настоятельно требовал письменного объяснения и отчета о встрече, с президентом. Чубаров Ю.Ф. стал на защиту Гончарука Г.И.

6. Постановление указанного собрания абсолютно деловое. Оно не давало оснований освобождать Гончарука Г.И. от занимаемой должности. А отдельные выступления в адрес Гончарука Г.И., предложившего в своем докладе справедливое распределение учебной нагрузки и выполнение индивидуальных планов,

7. Другие обвинения в адрес Гончарука Г. И,

были сделаны теми лицами, у которых была мизерная нагрузка (Твердохлеб В.А., Асеев В.В., Колесов В.В.) или под угрозой выполнения плана работ (Мамадназарбеков М.Н.). Возможно, следовало отправить не Гончарука Г.И., а тех, кто не имел работы или не хотел ее иметь.

7. Они опровергаются или уточняются также названными документами и письменными объяснениями Гончарука Г.И.

ВЫВОДЫ

1. Причина конфликта между советником Кабульского университета профессором Гончаруком Г.И. и значительной частью коллектива (15 человек из 28) советских специалистов, работающих в КУ, не в чертах его характера, а в его действиях, направленных против группового эгоизма. Наиболее ярко групповой эгоизм выразился в увлечении так называемой советнической деятельностью, самовольно, без согласия афганской стороной введенной советскими специалистами в 1986–1987 учебном году и отраженной в противоправном документе «Основные принципы и направления советнической деятельности в Кабульском университете» (См.: Кабульский университет. Краткая справка. Кабул, 1987, с. 30–33).

Этот документ позволял советским специалистам, превышая свои полномочия, грубо вмешиваться в работу афганских преподавателей, кафедр, факультетов и даже ученых советов. На основании этого документа советские преподаватели без согласия афганской стороны поднимали сами себе свой должностной статус (становились советниками кафедр, факультетов), противоречащий основному и единственно законному своему статусу преподавателя.

Групповой эгоизм советских преподавателей выражался также в их нежелании вести учебную нагрузку в объеме, установленном в СССР или в Кабульском университете. Недельная учебная нагрузка, отдельных преподавателей составляла 4–10 часов с переводчиком на двоих, а на кафедре русского языка 10–12 часов, что составляло менее 400 часов в год. Компенсировать, а точнее, закамуфлировать уклонение от учебной работы была призвана также советническая деятельность, фактически не поддающаяся измерению и контролю.

Высказавшись в феврале 1988 года за ограничение советнической деятельности и, соответственно, увеличение учебной нагрузки и активизацию методической и научно-исследовательской работы, Гончарук Г.И. вызвал волну недовольства прежде всего со стороны тех специалистов, кто имел самую низкую учебную нагрузку, незначительные результаты методической и научной работы, а также со стороны самозванных советников. До февраля 1988 года у коллектива не было претензий к Гончаруку Г.И.

Правомерность требований Гончарука Г.И. бесспорна. О советническом зуде наших специалистов в Афганистане, их грубом вмешательстве в дела Республики свидетельствует президент РА Наджибулла на страницах газеты «Правда» от 28 ноября 1989 года, а бывший советский посол в Афганистане, сказал, что такие специалисты не работали, а «собачились» (См.: там же).

Нам представляется, что определение сущности советнической деятельности и норм учебной нагрузки – ключ к выяснению причин конфликта в коллективе.

2. Посольство СССР в Афганистане, Аппарат экономического советника, куратор Гособразования СССР Ларионов В.А., партком не вникли в сущность конфликта и пошли на поводу у группы лиц, преследующих иждивенческие цели. Никто из них, видимо, не задумывался над противоречивостью следующих факторов. 9 января 1988 года профсоюзное собрание коллектива советских специалистов, в котором участвовали и авторы указанных жалоб, постановило: «За проявленные и внедренные инициативы, за существенный вклад в организацию учебно-методической, научно-исследовательской и советнической работы в Кабульском университете просить Объединенный профсоюзный комитет и АЭС отметить деятельность советника ректора Кабульского университета тов. Гончарука Г.И. Голосовали: за – 34, против – нет, воздержавшихся – нет». А месяц спустя группа лиц начала организованные нападки на Гончарука Г.И., дискредитирующие те же самые начинания и результаты работы.

В документах отражена противоречивость утверждений ряда жалобщиков в их личных оценках работы Гончарука Г.И.: до февраля 1988 года они восхищались его начинаниями и поддерживали их, а после февраля – не стесняясь в выражениях, охаивали сделанное Гончаруком.

3. Просчет Гончарука Г.И. заключается в том, что он дерзнул не соглашаться с позицией вышестоящих лиц в вопросах своих начинаний, а руководствовался, прежде всего, интересами дела, опираясь на поддержку части советского коллектива и афганской стороны. Во время встречи с членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел Шеварднадзе Э.А. Гончарук обратил его внимание на отсутствие какой-либо экономической помощи со стороны СССР Кабульскому университету – крупнейшему в РА вузу. Это не могло быть не замеченным со стороны посла,

экономического советника и куратора Гособразования СССР.

4. Методология оценки работы Гончарука Г.И., используемая послом СССР в РА Егорычевым Н.Г. и объединенным парткомом, на наш взгляд, неправомерна. Она основывается на непроверенном письме группы лиц, составляющих большинство в коллективе всего в один голос (преимущественно неостепененные преподаватели кафедры русского языка), с одной стороны, а с другой – абсолютно отменяет конкретные дела Гончарука Г.И., позицию другой части коллектива и, что весьма существенно, пренебрегает высокой оценкой работы Гончарука Г.И. афганской стороной, выраженной во многочисленных наградах и поощрениях. Т.е. оценка заказчика во внимание не принята.

Здесь необходимо исходить из цели командировки: выполнить советско-афганские договоренности, а не удовлетворять групповой эгоизм советских специалистов.

5. Характеристика Гончарука Г.И., подписанная торговым представителем Купревичем Р.И. и секретарем парткома Петровым Г.И. необъективна. В ней не нашла место ни одна из многочисленных внедренных инициатив Гончарука Г.И. Факты, изложенные в характеристике, извращены, обвинения не обоснованы.

6. Факты, названные в письме группы советских специалистов послу СССР в РА Егорычеву Н.Г. от 17.04.88г., документально не подтвердились. Случай 13.04.88 года изложен односторонне и требует проверки с привлечением дополнительных материалов и непременно с изучением причины конфликта на кафедре русского языка и путей его ликвидации.

7. Чрезвычайный и полномочный посол СССР в РА Егорычев Н.Г. пренебрег элементарными нормами работы с письмами трудящихся: не проверил достоверности фактов, изложенных в письме, не взял у Гончарука Г.И. объяснений, не предложил обсудить вопрос на парткоме, на партбюро или на собрании трудового коллектива. Настораживает и поспешность принятия решения посла о снятии Гончарука Г.И. с занимаемой должности. Посол не посчитал нужным изучить также письмо советских ученых от 25.04.88г., в котором содержится призыв к послу во всем разобраться.

8. В «Справке об основных событиях, связанных с работой т. Гончарука Г.И. в Афганистане», написанной представителем Гособразования СССР в Торгпредстве СССР в Республике Афганистан Ларионовым В.А. 9.07.88 г. Не отражаются результаты работы Гончарука Г.И. Те факты, которые поддаются документальной проверке, отражены неверно.

Постановление партийного собрания советских специалистов 28.02.89 г. не давало основания Ларионову В.А. просить у Гособразования СССР согласия на снятие Гончарука Г.И. с должности. Этим самым Ларионов В.А. выразил свою личную заинтересованность в отстранении Гончарука Г.И. от своих обязанностей. Получив такое согласие, Ларионов В.А. не мог не быть заинтересован в дополнительных материалах, задним числом подтверждающих правомочность своих действий.

С другой стороны, предвзятое отношение Ларионова В.А. к Гончаруку Г.И. должно было способствовать активизации действий против Гончарука Г.И. части коллектива, сплоченной групповым интересом.

9. В «Отчете о работе советских специалистов Кабульского университета в 1987–1988 учебном году», подписанном Мамадиазарбековым М.П., грубо извращена сущность работы Гончарука Г.И. Здесь оценка его работы диаметрально противоположна той, которая дается во всех постановлениях партийных и профсоюзных собраний, заседаний Ученого совета советских специалистов Кабульского университета. Весь отчет направлен на подкрепление задним числом указанного выше письма от 17.04.88г.

Авторы «Отчета», охаявая работу Гончарука Г.И., способствовали отрицательной оценке работы всего коллектива, данной в письме Торгового представителя СССР в РА Купревича Р.И., ибо все лучшее, что сделал коллектив, было связано с инициативами Гончарука Г.И.

10. Разумеется, комиссия изложила свои взгляды на ситуацию, в которой оказался Гончарук Г.И., сугубо на основании документов, имеющихся в ее распоряжении. Более полную оценку с привлечением дополнительных документов, свидетельских показаний может дать только суд на основании статей...»

Через пару дней после беседы с Н.А. Мирошниченко пригласил меня на юридический факультет В.В. Литовченко. Пришел. Он подал справку за подписью вышеназванных членов комиссии. В ней отмечены мои инициативы, сказано о выступлениях против меня на собрании 28 февраля 1988 года, о письме 15-ти и рекомендации обратиться в суд в поисках защиты чести и

достоинства. Читаю. Они все следят за мной. Литовченко спрашивает мое мнение о справке, как будто сам не знает. «Плохое, – отвечаю, – комиссия не могла пробить головой потолок, который вы установили. Справка характеризует не меня, а сущность и стиль работы аппарата». Литовченко вскочил. Закурил в преподавательской. Члены комиссии молчат. На том разошлись.

На следующий день пошел в обком партии к секретарю Р.Б. Боделану. Мне важно было выяснить, кто усурдствует в установлении потолка комиссии: он, Литовченко, или третий персонаж – заведующий отделом, мой однокурсник, который делает вид, что он не знает о моей ситуации. Боделан пригласил Литовченко. Секретарь обкома слушает мое недоумение о работе комиссии, смотрит в основном на мое плечо, избегает встречи взглядов. Все ясно. Можно дальше не слушать. Позиция выработана еще до комиссии. Литовченко – исполнитель. Тем не менее слушаю. Не уходить же до окончания монолога секретаря обкома. Он, правда, без камуфляжа сказал, мол, несмотря на выводы комиссии, мы напишем взвешенный ответ в КПК при ЦК КПСС и Председателю Гособразования СССР Ягодину. Опять взвешенный. Когда-то слышал от Поляничко о взвешенной характеристике. Сколько можно взвешивать ложь? До каких пор ложь будут ложить на чашу весов с правдой? И нравственно ли взвешивать истину? Им можно все. На этом построена их власть.

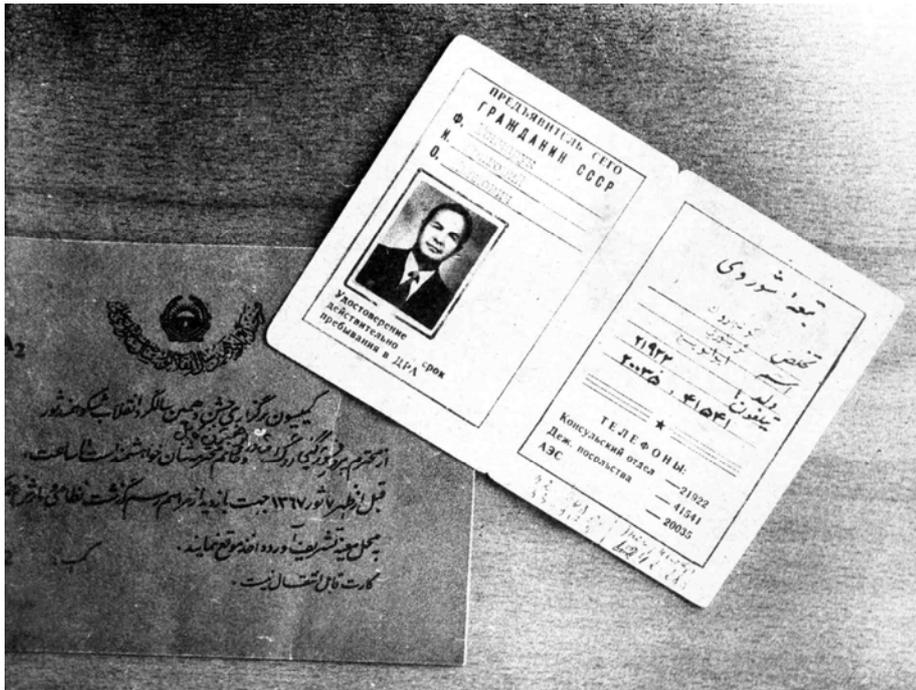
Через несколько дней пригласил Литовченко. Показал текст письма обкома в адрес Пуго Б.К. и Ягодина Г.А. В письме, наряду с моими инициативами и наградами, отражено мнение обкома о необходимости дополнительного изучения моего дела на уровне Москвы. Письмо отправили 4.04.90 года, регистрационный номер Г-4944. Жду ответа четыре месяца. Нет. Отправил копию первого заявления в КПК и снова в адрес Пуго Б.К. Параллельно пишу книгу. Прошло снова четыре месяца. Шлю телеграмму в адрес Пуго Б.К. Спустя четыре месяца ответа нет. Зато есть сообщение о том, что Борис Карлович назначен министром внутренних дел СССР. 18 марта по «Радио Свобода» узнал, что Литва возбудила против него уголовное дело за санкцию на организацию в середине января в Вильнюсе кровопролития ни в чем не повинных граждан, в том числе и убийства 14 человек. 10 марта 1991 года «Московские новости» опубликовали подсчет голосов, проводимых Центром прикладных политических исследований ИНДЕМ. Заметка называется «Москва, я вас знаю». В ней речь идет о политическом лице «новой номенклатуры», проявившемся в голосовании на трех последних съездах народных депутатов СССР. Среди семи самых консервативных номенклатурщиков мой адресат на первом месте¹.

25 марта читаю в газете следующее: «Мы, народные депутаты, исчерпав возможные сегодня парламентские методы борьбы, вынуждены прибегнуть к радикальной форме протеста – объявлению голодовки. Тем самым хотим привлечь внимание общественности и Верховного Совета Российской Федерации к продолжающемуся самоуправству министра внутренних дел СССР генерала Б. Пуго. Он при явном попустительстве Президента СССР продолжает упорно игнорировать решение сессии Моссовета... Этим дискредитируются избранные народом органы власти, неоправданно политизируются службы правопорядка в ущерб выполнения ими своих основных функций»².

Везет же мне... Как и моему обездоленному народу, который уже более трехсот лет ждет от Москвы справедливости. Что ни говори, дорогой читатель, а тот сон, который я видел в Афганистане в ночь перед снятием меня с работы, оказался вещим. Помнишь: осел нес меня с ветерком на тарантасе. Теперь вижу, что этот осел несет по кочкам и ухабам к пропасти не только меня, а все трехсотмиллионное многонациональное семейство. Русь, останови осла! Народы страны, помогите многострадальной голубоглазой...

¹ См.: «Московские новости» № 10, 10 марта 1991 года, С. 7.

² Газ. «Известия» 25 марта 1991 года.

Два пропуска Г.И. Гончарука: справа – советский постоянный, слева – афганский на трибуне военного парада и праздничной демонстрации по случаю 10-летия Саурской революции. Кабул, апрель, 1988 год.

*Афганские награды Г.И. Гончарука.
Три из них вручены без согласия
советского посольства.
Кабул, 1977 – 1988 годы*

*Доценту Д.В. Макордею из Одессы
казалось, что он прочно стоит на
афганской земле.
Кабул, 1987 год.*

*Советские не хотели уезжать домой,
афганцы уже отворачивались от нас.
Советские и афганские преподаватели
Института общественных наук ЦК
НДПА*

Кабул, июль, 1988 года

*Ректор Кабульского университета
Хабиб (слева) при народе делал вид,
что уважает министра высшего и
специального образования
Афганистана Гияси (справа)
Г. Кабул, 1987 год*

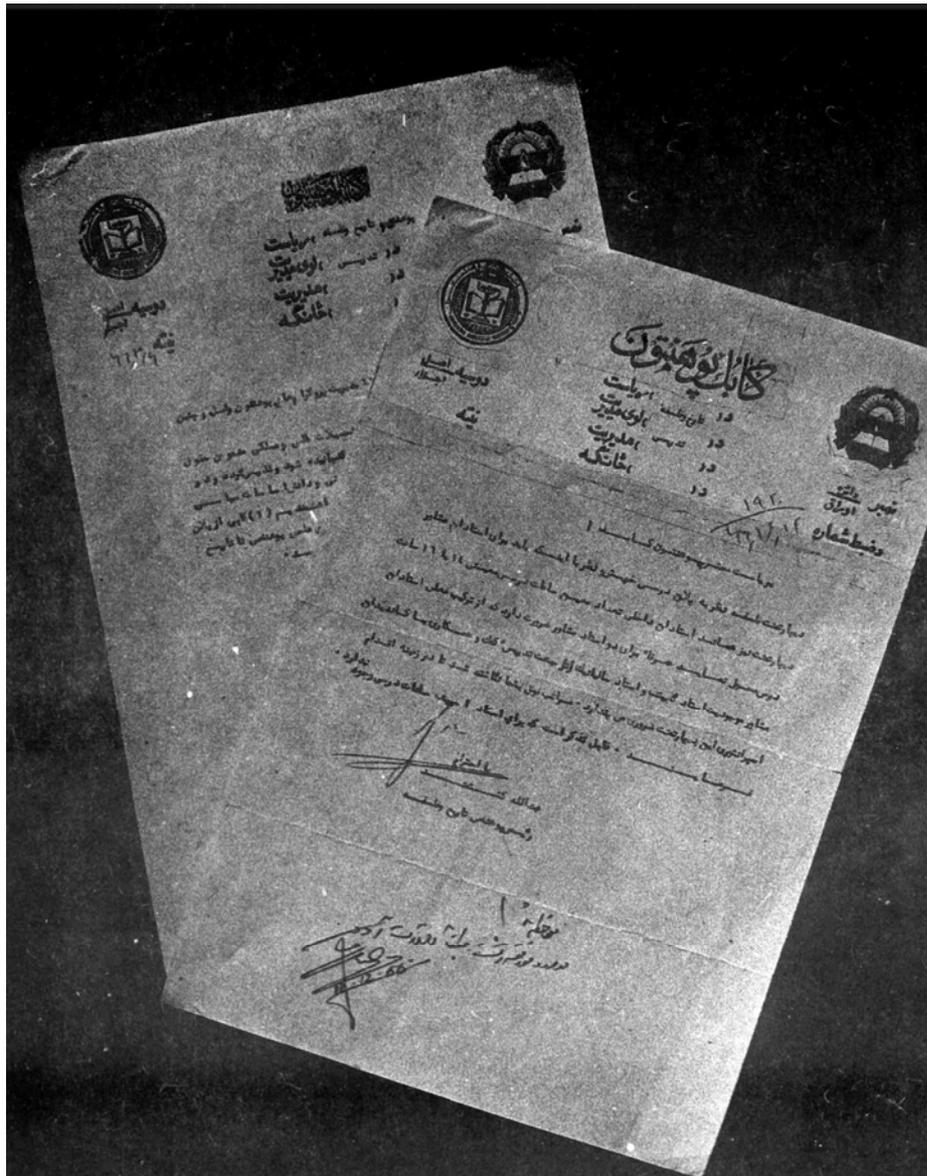
Для советских Афганистан стал местом знакомств со своими. Слева направо: В.И. Массулитин, писатель, Г.Ю. Бычкова, преподаватель, К.И. Селихов, писатель (Москва), Мир Фахри, журналист (Афганистан), супруги Н.М. и Г.И. Гончарук (Одесса), Л.Н. Большаков, писатель (Оренбург), Я.Я. Лапса, писатель (Рига). Кабул, октябрь 1987 год.

Говорили о своей многомиллиардной помощи Афганистану, а сами стояли за афганской лепешкой.
Кабул, 1987год.

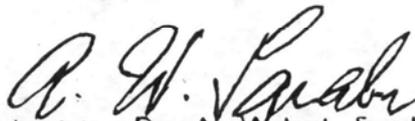
Афганцы боролись, как могли. Письма руководителей факультетов о том, что профессору В.А. Асееву и доценту В.А. Твердохлебу отказано в работе.
Кабул, февраль, 1988 год.

*Советские ученые готовятся к
возможной принципиальной встрече с
афганцами.
Кабул, 1987 год.*

Season'S Greetings and Best wishes
For the New Year

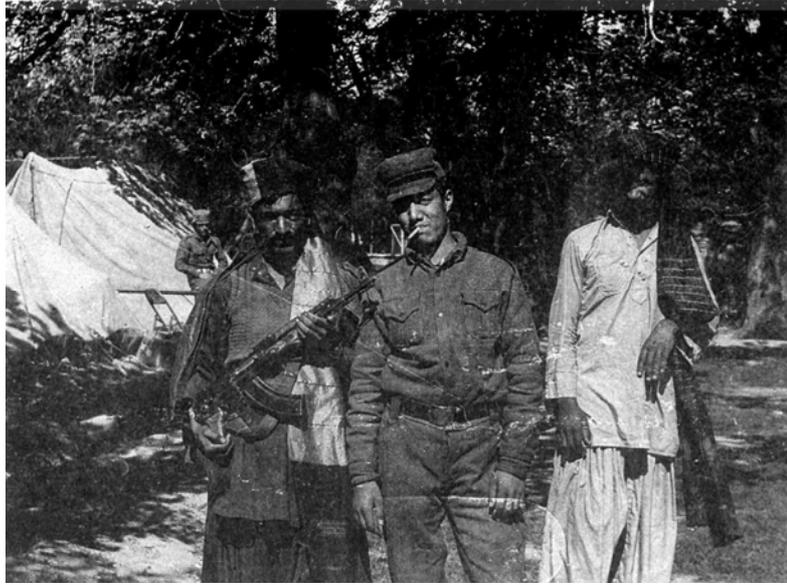

Academician Dr. A. Wahed Sarabi

Minister of Higher and Vocational Education

*Сложный афганский характер
министр высшего специального
образования РА доктор Сароби
почему-то поздравил советника
университета Г.И. Гончарука с
Новым годом.*

Кабул, декабрь, 1988 год.

*Советское присутствие изменило
образ жизни афганцев.
Кабул, 1987 год.*

Ему тоже стало легче от советской помощи.
Кабул, 1987 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Три заявления вместо введения	12
С коммунистическим уставом в мусульманскую мечеть	17
Первые шаги обреченного советника Хазрат	36
Только добрые дела достойны радости	40
За независимость страны враждебной	46
Доктор Хабиб, прости	61
Кто мы?	79
Наджиб — Наджибулла	132
За примирение афганцев под ударами советских	155
Партсоветники, дипработники и партработники	170
Неподписанная справка или трофей афганской авантюры	225

ГОНЧАРУК
Григорий
Иванович

АФГАНИСТАН, ПРОСТИ

<i>В книге использованы фотографии, в основном любительские, различных авторов.</i>	
---	--

Редактор *И. С. Мазько*
Технический редактор *Р. Н. Кучинская*
Корректор *Н. В. Бельская*

Сдано в набор 19.03.92. Подписано в печать 20.04.92. Формат 84×108 1/32 На текст бумага типографская № 2, на вкладку – офсетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,86+усл. печ. л. вкл. 0,84. Усл. кр.-отт. 15,17. Уч.-изд. л. вкл. 0,71. Тираж 15 000 экз. Изд. № 1. Зак. № 3064. Цена договорная.

Москва. Издательство «Реклама». Акционерное общество «Союзреклама».

Одесское межобластное рекламное агенство. 1992.

Книжная фабрика РПО «Полиграфкнибига». 270008, Одесса, ул. Дзержинского, 24.

Г. ГОНЧАРУК

Афганистан, ПРОСТИ

